

[Polaris]

Иван Ковтун



АЗИАТСКИЙ АЭРОЛИТ

Тунгусские тайны
Том I

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXII



Salamandra P.V.V.

И. Ковтун

АЗИАТСКИЙ АЭРОЛИТ

Тунгусские тайны
Том I

Salamandra P.V.V.

Ковтун И. Д.

Азиатский аэролит: (Тунгусские тайны. Том I). Пер. с укр. и комм. М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2014. – 180 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXII).

Двухтомник «Тунгусские тайны» объединяет ранние научно-фантастические произведения, посвященные загадке Тунгусского метеорита.

В первый том издания вошел роман украинского писателя И. Ковтуна (1906-1937) «Азиатский аэролит» (1931) – первое в советской фантастике произведение о Тунгусском метеорите.

Роман И. Ковтуна, безвременно погибшего в годы сталинских репрессий, впервые переводится на русский язык.

ІВАН КОВТУН

АЗІЯТСЬКИЙ А Е Р О Л І Т

РОМАН



МОЛОДИЙ БІЛЬШОВИК
ХАРКІВ 1931 КИЇВ

АЗИАТСКИЙ АЭРОЛИТ

ЮЛІЇ ЛОШАКІВНІ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«Итак, товарищ Марич, придется тебе признать, что любовь — хотя и физико-химический процесс, хотя и комплекс рефлексов, но процесс чертовски сложный, а рефлексы до крайности запутаны и не желают подпадать ни под какие законы торможения.

К тому же, когда твоя любовь, явление по сути здоровое и нужное, — становится хронической, тогда она превращается уже в явление болезненное и влечет за собой глухую неприятную боль и тоску. Так-то, товарищ Марич! Вот кажется, что бурные революционные годы должны были если не погасить твою необычайную любовь, то хотя бы приглушить ее. И глянь — приглушили? Эх, себя не обманешь, Марич! Почему ты, отправившись в научную командировку, выбрал именно Нью-Йорк — можно ведь было поехать и в Чикаго? И еще: отчего ты каждый день изучал с таким волнением все мюзик-холловские афишки? А также — с чего бы это всегда ровные и спокойные мысли научного работника вдруг стали такими растрепанными и странными, а глухая тоска не утихала с тех пор, как ты сел на «Атлантик»? И хуже того — она, тоска, день ото дня росла и достигла сейчас кульминационной точки. Еще минута и ты, товарищ Марич, начнешь делать глупости».

...Коммунист Марич — молодой научный сотрудник Всесоюзной академии — растерянно стоял в час дня на Бродвее и, не замечая вокруг ни шума, ни грохота, ни пинков, что щедро сыпались на него со всех сторон, пытался иронизировать над своим незавидным положением.

Он давно уже привлекал к себе внимание прохожих, которые искоса поглядывали на него и незаметно усмехались, не понимая, как здоровый человек может так спокойно и равнодушно стоять на центральной улице Нью-Йорка да еще в час дня, когда любая минута стоит доллары.

«А все из-за чего? Из-за какой-то мюзик-холловской певички!..»

Эта мысль, как острая боль, встряхнула Марича. Только тогда он вспомнил, что стоит пугалом посреди запруженного человеческими телами Бродвея. Покраснев, смял небольшую афишку «Колумбии», двинулся с места и влился в поток, который понес его на платформу элевейтора*.

Через минуту Марич втиснулся в вагон и, не успев опуститься на скамью, вновь погрузился в свои мысли.

Он смотрел в окно и не замечал, как мимо вагона проплывали кварталы за кварталами. Не будь проклятой боли, Марич увидел бы, как вскоре резко изменилось лицо Нью-Йорка: мимо вагона уже пролетали серые пригороды, время от времени можно было разглядеть убогую внутренность комнат, развешанные лохмотья и полураздетых женщин, возившихся у плиты.

«Проклятая, глухая боль!»

«Да, Марич, себя обмануть трудно. Мюзик-холловская певичка встает в твоих воспоминаниях как товарищ Гина, единственная, любимая девушка — помощник и подруга буйных лет твоей молодости. Ничего не попишешь — любовь, к сожалению, штука капризная».

Марич откинулся на спинку скамьи. «Все же стоило бы ее повидать. Прямо абсурд — быть здесь, рядом с бывшей женой, и не увидеть ее, не узнать ничего о ее жизни. Как она теперь? До сих пор с этим Эрге? Обязательно нужно повидаться».

Эти мысли успокоили его, и Марич решил сойти на первой же остановке и вернуться в отель.

* * *

Безупречно выбритый лакей в черном сюртуке переломил надвое свое резиновое туловище, выпрямился и учтиво

* Т.е. Elevated Railway, надземная железная дорога в старом Нью-Йорке и других городах США (*Здесь и далее прим. перев.*).

склонил прилизанную голову с ровным пробором.

— Корреспонденция на столе, мистер. За время вашего отсутствия кто-то спрашивал по телефону номер комнаты. Приказания будут?

Марич устало направился к столу.

— Благодарю, можете идти.

Приблизился к кипе газет и журналов, ища глазами конверты. Писем ниоткуда не было, и он принялся расхаживать по комнате. Когда проходил мимо большого окна, машинально остановился, оперся о подоконник и застыл в молчаливой неподвижности. За окном (Марич занимал номер на двадцать пятом этаже) широко разворачивалась серая клетчатая панорама остроугольных небоскребов, справа синел Гудзонов залив, усеянный баржами и катерами.

Марич всего этого не видел. Снова думал о Гине. Воспоминания вертелись вихрем, больно и гнетуще сдавливали голову.

«Удивительно, невероятно странно. Что ж она, наконец? Сомнений же нет, что любила. Нельзя ведь прихоти ради пойти в Сибирь, в тайгу за студентом-ссыльным. Бросить все, отречься от дома, от родителей — это не жест, а глубоко обдуманый поступок».

Он тогда чуть с ума не сошел от радости — это было почти чудо. И как трудно, невозможно даже вытравить все из памяти. Каторга превратилась в какое-то безграничное, безоблачное счастье. Те два года были едва ли не самыми яркими в его жизни, за них он не колеблясь отдал бы десяток обычных лет.

И после вдруг другой поступок, граничащий с безумием. Встреча (одна-единственная встреча) с чужим человеком, которого она увидела впервые в жизни, человеком обыкновенным, самым заурядным, и все полетело кувырком, как фанерный детский домик. Как он мог расценивать этот поступок там, в тайге? Казалось, ему снился тяжелый и страшный сон, когда подсознательно с нетерпением ждешь конца сновидения, чтобы облегченно вздохнуть. Но конца не было.

Знакомая упрямая боль начала сжимать виски, словно от переутомления. Марич стоял без движения, слепо уставившись взглядом в окно.

В дверь кто-то тихо постучал. Марич не слышал. Стук раздался вторично, затем в третий раз, уже громче и нетерпеливей.

Марич нервно вздрогнул, будто со сна, и повернулся к двери.

— Входите!

Дверь мягко отворилась и изо рта Марича чуть не вырвался удивленный возглас. Он протянул руку, наклонился всем туловищем вперед и хриплым, сломанным голосом взволнованно спросил:

— Гина?..

* * *

Вечерний чай профессор Валентин Андреевич Горский всегда пил в кабинете, за рабочим столом, перед грудой книг, бумаг, писем и газет.

Клавдия Марковна ставила стакан янтарного душистого чая у ног бронзового гладиатора и, неслышно ступая, покидала кабинет.

И всегда профессор приветливо, поверх очков, смотрел с улыбкой на знакомую процедуру и, улучив минутку, когда сорокалетняя спутница жизни ставила стакан, благодарно, с нежностью касался губами ее руки.

Клавдия Марковна влюбленной улыбкой отвечала на благодарность своего «мальчика» (привычка далекой юности) и, счастливая, тихо затворяла за собой дверь. Профессор оставался в одиночестве.

Стройный, мускулистый гладиатор (юбилейный подарок Академии) высоко держал лампу в руке, большой бледно-желтый абажур равномерно и мягко рассеивал свет над столом, и профессор, вытянув ноги, отдыхал после трудового дня, просматривая свежую корреспонденцию.

Эта привычка установилась в течение долгих лет.

Непременно срывать вечером листок отрывного календаря и с наслаждением перечитывать его содержание (от шаблонного меню до неудачных афоризмов) — еще одна привычка, оставшаяся с детства.

И сегодня профессор размешал сахар в стакане и протянул руку к календарю.

На сереньком шершавом листке над черной цифрой 26 стояло слово «сентябрь», а снизу «понедельник».

Далее листок с претензией на современность предлагал ряд имен (Гайка, Трибун, Мажор, Рева и Люция). Сообщив, когда именно всходит и заходит солнце, календарь советовал вдобавок проверить номера облигаций: дескать, не выиграли вы часом, гражданин, 10.000 рублей?

Профессор перевернул листок и остановил глаза на небольшой заметке под заголовком: «Интересное явление».

Прочитав заметку, Горский неожиданно откинулся на спинку кресла и застыл, глядя куда-то в угол кабинета.

Спокойное лицо окутала глубокая тяжелая задумчивость, высокий лоб покрыла сеть глубоких морщин. Профессор Горский долго так сидел, после встал и начал мерить кабинет размеренным шагом.

И чем дальше, тем более частыми и нервными делались его шаги — профессор волновался, и уже давно вдохновенная и возбужденная мысль развеяла его тяжелую задумчивость. Вскоре он остановился перед шкафом и достал с полки аккуратно упакованную стопку бумаг.

Так его и застала Клавдия Марковна. Увидев непочатый стакан чая, озабоченно спросила:

— Голубчик, а чай?

Мысли профессора Горского витали на сей раз так далеко от чая, что он не расслышал вопрос жены:

— Что, Клава?

— Чай, говорю.

— А ... чай.

Профессор бережно понес пакет к столу.

Клавдия Марковна увидела давно знакомую стопку бумаг, тревога и беспокойство мелькнули в ее добрых глазах. Она с тихой покорностью скорбно произнесла:

— Ты опять, голубчик?

Профессор молчал и, склонив голову, с суровым выражением разворачивал пакет. Захваченный своими думами, он не заметил, как Клавдия Марковна поставила на стол новый стакан с горячим чаем.

Второй стакан янтарного чая остывал нетронутый и забытый.

* * *

Случилось так, что десять календарных строк разбередили волнующую и любимую мечту профессора, и не просто мечту, которая тихо приходит в час отдыха и успокаивает как бром, а мечту, что уже пять лет непрерывно преследует и, точно навязчивая идея, не дает покоя.

Серенькие нескладные строки напомнили о таинственном, еще никем не разгаданном событии, которое произошло двадцать лет назад в глухих, непроходимых таежных дебрях Азии.

...19 ...года, тихом ясным утром, сейсмографические нервы сибирских обсерваторий вдруг тревожно задрожали и пошли чертить угрожающие ломаные линии. Некая мощная сейсмическая волна валом покатилась по земному шару. Сейсмографы без конца вырисовывали ломаные линии — вестники землетрясения.

Но то было не землетрясение. В глухой фактории Вановара видели, как на тайгу налетел гигантский огненный шквал и грохнул страшным взрывом.

На мгновение на землю пала тьма, ее раскололи удары грома. Вздогнула земля, и через минуту стало тихо и снова ясно, и только где-то далеко в таежных чащобах полыхал грандиозный пожар. На сотни километров вокруг в Бодайбо, Томском, Усинском слышны были далекие, глухие,

мощные раскаты грома, и окна домов со звоном падали на землю.

Сомнений не было — из неизмеримых глубин космоса прилетел и рухнул в тайгу огромный, невиданный в истории человечества по размеру и силе аэролит.

Тунгусские поэты сложили дивные легенды о страшном и могущественном боге огня: он разгневался, накинулся на землю, разметал и испепелил мрачную тысячелетнюю тайгу и зарылся в трясину, запретив кому-либо ступать в пределы своих жутких владений...

Вот, пожалуй, и все, что было известно профессору Горскому об Азиатском аэролите.

Сотни корреспонденций посыпались в Академию в связи с этим событием. Они пересказывали друг друга и приблизительно указывали место, где упал аэролит: неисследованный еще район Подкаменной Тунгуски.

Канонадный 14-й год, разумеется, отвлек внимание от Азиатского аэролита — его падение в сравнении с канонадами крупновских орудий звучало не громче, чем звон крылышек осы рядом с гулом пропеллера.

В 19... году профессор Горский, листая архив метеорного отдела Академии, наткнулся на пожелтевшие, тщательно подобранные старые корреспонденции и газетные вырезки, связанные в толстый пакет (то было дело «Азиатский аэролит») и бросился на поиски уже овеванного легким маревом легенд небесного камня.

Мечтательный фанатик науки был чрезвычайно удивлен, когда ему отказали в средствах и посмотрели на него, как на не совсем здорового человека.

Милый наивный профессор никак не мог понять, что республике двадцатого года было не до аэролита. Сжатая со всех сторон железным кольцом интервенции, республика готовилась к последнему решительному бою.

«Ну, в те годы — да, он согласен. Но сейчас, почему сейчас столько препятствий? И проклятое слово «бедность» — вечно стоит непоколебимой стеной. Неужели республика так бедна, что не может ассигновать средства на экспедицию? Он ведь просит немного, всего несколько тысяч».

Профессор неподвижно и безжизненно сидел, склонившись над знакомыми до последней буквы материалами.

Потом тяжело отодвинул от себя пожелтевшие листы и откинулся на мягкую спинку. Вспомнил, как пять лет назад с проводником-тунгусом вышел из Тайшета и почти достиг Великого болота, куда, вне сомнения, канул аэролит.

Профессор почувствовал, как внезапно зажглось в груди упорное молодое желание.

Черт подери, Горский свое возьмет!

Завтра же в наступление. В решительное наступление. Профессор потер сухие холодные ладони, поднялся с кресла и подошел к окну.

В наступление!

За окном хмурилось серое ленинградское небо и уличные фонари отбрасывали косые мерцающие радуги.

Профессор снова потер руки и вслух сказал:

— В наступление!

Клавдия Марковна не спала, когда муж вошел в спальню. Он наклонился, поцеловал ее в лоб, подумал немного и тихо спросил:

— Клавуся, не припомнишь, когда именно Виктор Николаевич уехал в Америку?

— Месяц назад.

— Спасибо. Ты завтра напомни мне, чтобы я письмо написал, хорошо?

* * *

И скажут же такое: будто человек в сорок (с лишним) лет не способен бегать, суетиться и по-молодому гореть!

Если бы все петли и концы, которые профессор Горский проделал в последние дни по строго распланированному Ленинграду, измерить и составить вместе, получился бы приличный отрезочек, длиной не менее чем в сотню километров.

Все учреждения приветствовали намерения дорогого Валентина Андреевича, восторженно ахали, а когда он рассказывал о таинственном «небесном камне», чуть ли не хлопали в ладоши — но как только он, от имени Академии, заикался о средствах (каковыми, к сожалению, Академия не располагает, твердил он), все с удивительным единодушием сочувственно вздыхали и говорили: «Ах, как жаль, что в наших сметах не предусмотрены эти суммы».

Трижды созывала собрания комиссия экспедиционных исследований. Говорили о срочности дела, о необходимости экспедиции, о мировом научном значении этого вопроса и трижды, дойдя до проклятого слова «деньги», президиум беспомощно разводил руками, пожимал плечами и не знал, как поступить.

Для верной постановки дела нужно было провести сложную и трудную, учитывая условия местности, воздушную фотосъемку. Обязательно требовались магнитометрические снимки. В переводе на язык цифр это означало: нужны десятки тысяч рублей. Без помощи других организаций Академия была бессильна.

Несчастную смету сократили и безжалостно почеркали. Профессор молчал — он был готов на все. Согласился на самый мизерный минимум, который представлял собой восемь тысяч, возлагая в душе большие надежды на доходы от лекций. Его утешали, что это, так сказать, только почин, и обещали в дальнейшем золотые горы.

Но когда дошло до минимума, оказалось, что Академия не может ассигновать и этих денег. Тогда пришлось обратиться в Совнарком за специальной дотацией.

Профессора Горского лично командировали в столицу. Не теряя времени, на другой день профессор собрался в дорогу.

Проснулся профессор Горский уже под Москвой — бодрый после сна и отдыха. Полежал немного, заложив руки за голову и, вспомнив, что сегодня должен быть у наркома, почувствовал, как внутри приятно и страшно зато защекотал знакомый холодок воодушевления. Быстро стал одеваться.

Поезд мчался среди высокой зеленой посадки, а когда случались просветы, на мгновение проступал безмятежный осенний пейзаж.

Вагон мягко покачивался, скрипели рессоры, колеса выстукивали свой привычный и знакомый ритм.

Горский заказал чай. В купе, кроме него, никого не было, а значит — можно спокойно подумать в одиночестве.

Неторопливо помешивая чай, смотрел в окно и пытался представить себе аудиенцию у наркома. «Крепись, Горский, от этой аудиенции зависит, по крайней мере сейчас, — все. Любопытно, с чем ты вернешься домой? Очень любопытно!»

За окном начали пролетать отдельные здания, потом — все чаще и чаще — и профессор узнал окраины Москвы.

Торопливо поднялся, привычным движением пригладил волосы и начал собирать вещи. Поезд, размашисто набрав ход к концу пути, начал мягко сбрасывать скорость и через несколько минут остановился под длинной крышей Октябрьского вокзала.

Профессор, прищурив глаза от ясного и холодноватого осеннего солнца, вышел из здания вокзала и перед тем, как окрикнуть извозчика, остановился на минуту на лестнице, улыбнулся солнцу, набрал в грудь побольше воздуха и подумал: «Ну, пойдём, профессор...»

* * *

Комнату устилал мягкий ковер — большой, на весь пол — единственное украшение простого, без лишней вычурности кабинета. Серые строгие стены были увешаны множеством диаграмм и схем. Слева, у стены, длинный стол, покрытый красным тяжелым сукном, а вокруг — ровным, строгим рядом — простые дубовые стулья с высокими спинками.

И только в самом конце комнаты, у громадных окон стоял на низких ножках коричневый письменный стол.

Нарком сидел, сторбившись, по ту сторону стола, видна была лишь его русая большая лобастая голова и худые острые плечи. Услышав шаги, он медленным движением поднял голову, и на профессора глянуло утомленное каждодневной усталостью, почти землистое, с рыженькой бородкой и усиками лицо. Карие живые глаза пристально рассмотрели Горского.

Профессора в первую минуту поразила колоссальная портретная несхожесть наркома. На портретах представал видный мужчина со смелым, вдохновенным лицом. Но сейчас за столом сидел уставший, маленький, худощавый и серенький человек (серый поношенный костюм усиливал это впечатление), самый обычный и подобный тысячам других людей.

— Профессор Горский? — тихо спросил нарком и, не дожидаясь ответа, гостеприимно указал рукой на твердое дубовое кресло. — Прошу садиться. Вы по делу Академии?

Профессор молча поклонился и подал письмо.

Нарком прочитал и снова поднял голову; неожиданно лицо его засияло, зрачки карих усталых глаз заинтересованно заискрились и все лицо его приняло приветливый и дружеский вид.

— Это в районе Подкаменной Тунгуски за Кежмой, если не ошибаюсь? — неизвестно почему обрадовался нарком.

Профессор удивленно поглядел на него:

— Вам, кажется, известны эти места?

— Слишком знакомы, профессор, слишком, — улыбался нарком.

Профессор догадался и с искренним уважением сказал:

— Каторга?

— Вы угадали. О, профессор, это прекрасные и страшные места — советские джунгли. А вот интересно, вы уверены, что найдете что-то?

— Будем надеяться, что найдем... — осторожно ответил Горский.

Нарком вдруг откинулся на спинку кресла и засмеялся молодого, по-мальчишески.

— Вы поверите, задор берет, — хочется поехать посмотреть. А что, если с вами поехать? А? Что вы на это скажете? А?

И профессор Горский, который умел владеть собой, как заправский актер (привычка лектора), очарованный простотой и радушием, растерянно и сбивчиво пробормотал:

— Что же, прошу... конечно, рад... очень...

Нарком прищурился и почесал рукой макушку.

— Хорошее дело — помечтать. Ну, ничего. (У наркома погасли в зрачках искры). Весной думаете идти? Вы были там? О, это хорошо! А вот интересно — пожалуй, колоссальная штукенция? А? Примерно?

О, это совсем другое дело. Может ли быть для профессора разговор занимательней, чем об аэролите? И ученый, полный гордости, важно промолвил:

— Это грандиозный аэролит, первый в мире по размеру. В нем около полсотни миллионов тонн.

Нарком удивленно посмотрел на профессора и восторженно повторил:

— Пол-сот-ни миллионов тонн?! Ну, профессор, если выйдет по-вашему, и окажется, что аэролит ваш состоит исключительно из железной руды, нам придется там целый завод металлургический строить! — И нарком весело пошутил: — Непредусмотренный вклад в индустрию нашей страны. Ну что же, — удачи вам! Восемь тысяч не жалко, но (нарком хитро улыбнулся) сообщите Академии, что это аванс в счет будущей дотации. Идет?

Профессору Горскому не верилось, что настал конец заботам и беготне. Он встал и почтительно поклонился, прощаясь с худеньким, озабоченным человеком.

Нарком пожал руку:

— Желаю успеха. Всего наилучшего. Знайте, у вас появился союзник, который будет внимательно следить за вашей работой.

Нарком проводил Горского до дверей и вдруг, крепко пожимая ему руку, улыбаясь, пожелал успеха:

— Удачи вам!

Профессор вышел из наркомата и долго шел по улице, спокойный, счастливо улыбаясь — сегодня ему выпал тот удивительный день, когда человек полно и радостно ощущает смысл и наслаждение жизни.

* * *

Марич не ошибся — на пороге стояла Гина. Мгновение оба стояли неподвижно, ошеломленные неожиданной встречей.

Наконец Марич, как слепой, пошел навстречу. Гина первой нарушила тяжкое молчание. Подала руку и, напряженно заглядывая ему в глаза, почти шепотом спросила:

— Не узнали?

— Да, — сказал глухо Марич, — не узнал.

С минуту держал ее маленькую безвольную ручку в мягкой перчатке, не зная, что дальше с ней делать. Потом неожиданно и неуклюже разнял свои крепкие пальцы.

Подвинул кресло:

— Прошу.

Сели и снова молча жадно смотрели друг на друга, вбирая глазами перемены, случившиеся за время долгой разлуки.

Восемь лет сделали свое дело. Напротив Марича сидела красивая женщина в дорогом, отделанном соболями, манто, в мягкой небольшой красной беретке, и эта женщина ничуть не походила на маленькую кудрявую курсисточку в скромной блузке, в темной шерстяной юбке.

И только холеное лицо, розовое и прозрачное, четкие очертания страстных губ и карие лучистые глаза немного напоминали о былой, любимой и дорогой Гине.

И от этого чувства у Марича защемило сердце томительной знакомой болью — и женщина, что вначале показалась чужой, стала близкой и родной, стала той, по которой он страдал долгие годы, которую не забывал в боях, в работе, каждый день.

Стараясь скрыть растерянность, Марич с притворной холодностью улыбнулся Гине и удивленно произнес:

— Необычная встреча! Ну, я уж и не ждал. Однако мне непонятно, как вы узнали, что я здесь?

Марич сделал ошибку и проиграл ход. Гина инстинктивно, женским чутьем ощутила фальшь и с обидой глянула на Марича.

«Ах, вы так? Что же, прошу», — говорил ее взгляд.

Марич забыл, что говорит не с худенькой курсисткой-идеалисткой худшего пошиба, в запале он позабыл, что перед ним лучшая мюзик-холловская певица — гордость Нью-Йорка, которая умеет петь веселые жанровые песенки о Китти и Джоне, даже когда хочется плакать.

Гина лучше Марича владела лицом, нежная страсть, сиявшая в ее глазах, внезапно погасла. Тренированное лицо приняло выражение безупречно сработанного удивления, а губы тронула вежливая холодная улыбка.

— Необычная, товарищ Марич, кажется, у вас так обращаются ко всем, — встреча необычная. Я и сама никогда не могла надеяться на нее. Не правда ли, вы гадаете, откуда я о вас дозналась? Не догадываетесь?

Марич широко развел руками.

— Нет.

Гина медленно сбросила с руки сумочку и достала оттуда газету.

Это был вчерашний номер газеты советского направления, выходившей в Нью-Йорке на украинском языке. На последней странице, рядом с различными объявлениями, по соседству с рекламой: «Петро Ярема — украинский гробовщик. Гробы по умеренным ценам в Нью-Йорке, Бруклине и окрестностях» — размещался портрет Марича и сообщение о целях его поездки в Америку (портрет был перепечатан из советского журнала).

Марич хотел было улыбнуться, но вместо улыбки губы его исказила неудачная гримаса:

— О, я вижу, вы интересуетесь страной ужасных большевиков.

— Как видите...

Они перекинулись несколькими незначительными фразами и оба почувствовали, что сами себя поставили в сложное, неловкое положение.

Вскоре Гина встала, собираясь уйти.

В глазах Марича мелькнул настоящий, неподдельный страх. Он умоляюще посмотрел на нее и встретил ее глаза — они чуть улыбались, тепло и с сожалением.

— Вы обедали? — вдруг спросила она.

— Нет.

— Я тоже. Может, пообедаем вместе?

— Конечно. Надо обязательно чем-нибудь отметить нашу встречу, — радостно отозвался Марич. — Как же, — старые друзья.

В его иронии звучали болезненные нотки.

Гина бросила на него взгляд из-под нахмуренных, четко очерченных бровей и негромко, двусмысленно проговорила:

— И только?..

Марич промолчал.

* * *

Эге-ге! Гина никак не могла предположить, что бокал дорогого «Хейсик» и гамма шумных звуков джаз-банда могут так повлиять на настроение и вызвать давние воспоминания, от которых щемит сердце и горло сдавливают комки — предвестник слез.

Дорогая аристократическая «Ротонда» в час обеда наполнилась посетителями. Стеклянные вращающиеся двери едва успевали пропускать чисто выбритых джентльменов (утомленных нервным биржевым днем) с роскошно одетыми спутницами, чья одежда стоила в сто раз дороже, чем все их существо.

После первой рюмки дорогого вина и искусно приготовленных блюд усталость у джентльменов как рукой снимало, глаза их оживлялись и начинали искриться огоньком

удовольствия и благожелательности. Здесь все было подчинено тому, чтобы за короткое время доставить озабоченному биржевыми сделками человеку максимум развлечений и радости.

В этом необычном для себя окружении Марич держался осторожно и строго. Официант налил в бокалы шипучую жидкость. Гина подалась вперед и искала взглядом глаза Марича.

— За что же выпьем?

— Удивительная вещь жизнь, Марич, — заговорила снова, не спуская с него блестящего взгляда. — Вот, казалось бы, ни логики, ни плана, контроля... А может, в этом и состоит ее закономерность...

Джаз-банд заглушил ее голос. Гина наклонилась к нему и глаза ее, и лицо показались смутными и манящими.

Оба мучились, обоим хотелось объясниться, узнать о теперешней жизни друг друга, не касаясь больного места.

Сильный физически, твердый и честный как общественная единица, Марич вне общества, в интимной жизни бывал иногда по-детски беспомощен и бессилен.

Вино и музыка пробудили страсти и заставили заговорить языком чувств. Марич первым протянул руку.

— За минувшее, Гина!

Гина вновь жадно выпила и сейчас же наполнила свой бокал.

Наклонилась еще больше вперед и тихо в лицо проговорила:

— За будущее, дорогой.

Ее слова прервал чужой голос. У стола остановился официант и протянул Маричу газету:

— Прошу — вечерний номер! Очень интересный номер. Поразительное изобретение инженера Эрге, а также подробности о знаменитом Аризонском аэролите.

Марич плохо понимал английский язык и потому только слово «Эрге» врезалось ему в голову. С минуту он растерянно смотрел на официанта, потом вытащил деньги, положил газету на стол.

С первой полосы на него смотрел серый портрет инженера Эрге.

В добрых голубоватых глазах Марича угасла нежность, мягкие очертания его хмурого лица заострились, и лицо покрыла серая, суровая маска.

И неожиданно голоса и шум джаз-банда — которых он к тому времени будто не замечал, — больно резанули его слух.

* * *

На улице напряженно протянули друг другу руки и с натугой произнесли обязательные, ненужные, как всегда при неискреннем прощании, слова:

— Всего хорошего.

— Всего.

— Думаю, еще увидимся?

— Конечно...

Гина подняла руку. С остановки неподалеку к ней с готовностью подъехало черное лакированное такси. Марич вернулся на Бродвей.

Воспетый и изображенный до малейшей детали туристами — в популярных описаниях и учебниках — прославленный тридцативерстный Большой Белый Путь уже тонул в пламени электричества разнообразнейших цветов и оттенков.

В глубоком черном провале неба искрились и мигали удивительные гигантские рекламы, а незримые пальцы, дополняя выкрики газетчиков и громкоговорителей, вывели блестящую огненную надпись — последнюю вечернюю новость Нью-Йорка.

— Изобретение инженера Эрге. Эрге совершает революцию в воздухоплавании! Завтра в клубе инженеров Эрге делает подробный доклад. Лайстерд уже купил изобретение Эрге.

Под хвостатой кометой кроваво искрилась другая надпись:

— В Аризону выехала первая партия исследователей. Завтра на месте, где упал Аризонский аэролит, начнутся первые раскопки. Аэролит даст миллиард долларов чистой прибыли. Покупайте акции нового товарищества «Аризона». Покупайте! Покупайте!! Покупайте!!!

Марич отдался на волю толпы, которая легко сжала его в своих гибких объятиях и понесла вниз по улице.

На миг улица ошеломила его, погасила болезненную тоску. И невольно, сам того не замечая, он начал с интересом наблюдать за жизнью Бродвея.

Зарево света со всех сторон больно било в глаза, шум и голоса толпы заглушали грохот элевейторов и сабвеев, прорываясь сквозь звон железа и рев сирен, из кафе-ресторанов в открытые двери вырывалась второсортная музыка.

Высоко (нужно было до боли забросить назад голову) на небоскребе плавно расправлял крылья зеленый орел — марка фирмы «Мажестик». Сбоку огромная маска, сверкая белыми зубами, весело подмигивая, размахивала зубной щеткой. Дальше огненным фонтаном лился в хрустальный бокал какой-то напиток. И повсюду между рекламами вспыхивали зарева огня: красного, янтарного, зеленого, синего.

Внизу, белая от огней электричества, улица была заперужена двойной прочной цепью черных блестящих авто, огневыми гадюками с грохотом ползли вверх трамваи.

И каждые две минуты на уличных маяках гасли зеленые огни и загорались красные; тогда стремительный поток авто, автобусов и кэбов сразу останавливал свой бег и застывал неподвижной полосой. Из других улиц, пересекавших Бродвей, стремительно неслись второй поток машин.

Улица, издавая поразительные гаммы мощных звуков, творила невероятный и удивительный джаз.

Поток нес покорного Марича все дальше и дальше. Мимо проплывали квадратные, удлиненные, старые и молодые лица в цилиндрах, белых манжетах, лица женщин с подведенными тонко глазами (глаза от этого казались глу-

бокими и соблазнительными), мелькали драгоценные роскошные наряды, шляпки, роскошные меха, шелковые ткани, жемчуг. От огня сверкали глаза болезненным, неестественным блеском.

Ошеломленный новыми впечатлениями, Марич не заметил, как оказался далеко от центра и остановился, увидев, что его больше не окружает толпа.

Тогда он вернулся в гостиницу. Посмотрел на часы — ровно два. В одиночестве снова почувствовал, как пришли к нему тоска и боль. И когда опять добрался до центра, где улицы по-прежнему покрывал мусор человеческих тел, ничто уже не могло отвлечь от назойливых знакомых мыслей. И внутренняя боль, беспокоившая его, превратилась в какое-то скучное душевное нытье, когда слух вновь резанул металлический, ровный, безжизненный голос громкоговорителя:

— В пятницу в клубе инженеров Эрге сделает доклад о своем изобретении. Это изобретение, по мнению знаменитых специалистов, совершит революцию в современном воздухоплавании.

* * *

«Ленинград 25/XI 192...

Дорогой Виктор Николаевич!

Дух беспокойства снова охватил меня. Опять мысли об Азиатском аэролите преследуют и тревожат старика. Как никогда ощущаю ваше отсутствие — ох, как нужны вы, дорогой мой — сравнение не подыщу. Я давно собирался вам написать, но дела так закрутились, что у меня не было и минуты, чтобы черкнуть словечко.

Вчера вернулся из Москвы, был у наркома. Виктор Николаевич! Ура, наша взяла! Вы не можете представить, что это был за прием, я вышел оттуда буквально очарованным.

То, чего я добивался десяток лет — то, что было непонятно моим же коллегам — он понял с полуслова. Он осознал, что это дело мирового значения и масштаба.

Когда шел к нему в кабинет, думал: «Не удастся — что ж, возьму и поплетусь, как и в 19... году, с клюкой в тайгу, на собственные гроши, искать наконец место падения — именно поплетусь — назло всем».

Вы, дорогой мой друг, понимаете, что после того, как я вдвоем с проводником-тунгусом достиг Краксовой горы и побывал у самой могилы аэролитов, я не могу не вернуться туда и не закончить начатого важнейшего дела. Как сейчас помню: я прошел, преодолевая хребты, десять километров на запад, и — диво дивное! По мере продвижения вперед (на запад), верхушки бурелома с юга-востока стали уклоняться к югу. И вдруг с одной макушки глянул на меня взволнованный, как толчея порога, ландшафт остроконечных голых гор с глубокими долинами меж ними. Глубокое ущелье просекло с севера на юг цепи гор. В нем я увидел ручей. Знаменитый ручей Великого болота.

Вы ведь, Виктор Николаевич, знаете, что тайга не имеет естественных полян. На перевале я разбил лагерь и стал кружить вокруг котловины Великого болота — сперва на запад по лысым гребням гор (бурелом на них лежал уже вершинами на запад). Огромным кругом обошел я всю котловину горами к югу и бурелом, как замороженный, вершинами склонился тоже к югу. Я возвратился в лагерь и снова по плешинам гор пошел к востоку — и бурелом все свои вершины туда же отклонял.. Я напряг все силы, снова вышел к югу, почти что к Хушмо — лежащая щетина бурелома завернула свои вершины тоже к югу... Сомнений не было: я обошел вокруг центр падения.

Огненной струей аэролит ударил в котловину и — как поток воды, ударившись о плоскую поверхность, рассеивает брызги на все четыре стороны — струя из раскаленных газов с роем тел, вонзившись в землю с непредставимой силой и взрывной отдачей, произвела мощную картину разрушения. И по законам физики (интерференция волн) — должно

было быть и такое место, где лес оставался на корню, лишь потеряв от жара кору, листву и ветви.

Представьте только, какие колоссальные разрушения причинил «он» — этот «бог огня и грома» — ослепительный Огды. Мощный ураган, разошедшийся от центра, свалил вековой лес на площади 10-15 тысяч квадратных километров. Но аэролит еще был окружен облаком раскаленных (до тысячи градусов) газов, поэтому опаленный лес остался безжизненно стоять вокруг центра — по причине, как я уже написал, интерференции волн. Как глубоко ушли куски аэролита в землю, сказать не могу — сил не хватило исследовать местность или начать раскопки — пришлось спасать свою жизнь.

И поэтому разве не больно было мне встречать скептические замечания, и видеть недоверчивое удивление в глазах, и выслушивать просьбы: «Будьте так добры, покажите снимки». Видите ли, они, коллеги мои, не верили Горскому.

И сейчас, кажется, пришел конец этому недоверию, и потому вы так нужны, дорогой мой — будет много работы по организации новой экспедиции, которая должна детально изучить это исключительное явление природы, и борьба предстоит еще немалая.

Я вот позавчера в американских газетах прочитал о раскопках Аризонского аэролита — меня просто поражает тот сутобо американский дух нездорового практицизма, которым окружено это научное явление — и потому я скептически отношусь к тем богатствам, что обещают разные ловкие людишки.

Я узнал, что раскопки взялись вести инженер Тильман и профессор Барингер; очень прошу вас, дорогой мой, наведаетесь к Барингеру, передайте ему привет (я знаком с ним) и подробно ознакомьтесь с их работами. Для нас американский опыт будет иметь колоссальное значение, потому что необходимо будет провести топографическую съемку местности и определить астрономические пункты (так как — только вообразите — в тех местах карты врут на целый градус, ни более и ни менее, как на 110-115 километров). За-

тем нужно изучить торфянистые плоскогорья и провести магнитометрические измерения.

Что же касается практической стороны, пользы (а мне, между прочим, везде на это намекают), то я уверен, что кроме своей огромной научной ценности — Азиатский аэролит оправдает с лихвой все наши затраты. Допустим, в крайнем случае, что это аэролит не железо-никелевого типа, пускай он из породы сидеритов — по кускам в музей продавать будем.

А покамест крепко жму вашу твердую мужественную руку и надеюсь как можно скорее увидеть вас в Ленинграде.

Ваш В. Горский.

Р. С. Совсем забыл. Простите меня, старика, без вашего согласия я объявил вас в прессе своим первым помощником.

Теперь поведаю вам то, о чем никогда и никому не говорил. Дело вот в чем. Исследуя район, где упал аэролит, я в одном чуме наткнулся на интересный «священный камень» из чистой платины. Я долго расспрашивал хозяина, где он его достал — тунгус упорно не желал отвечать, и только после настойчивых просьб и щедрых подношений, с ужасом оглядываясь, ответил, что это священный камень «бога огня Огды».

Огды, понимаете ли, тунгусы называют Азиатский аэролит.

Я, конечно, скептически отнесся к этой истории. Но вообразите мое удивление, когда я в другом чуме наткнулся на такой же точно камень, точнее, кусок платины. И услышал еще больше. Услышал, что шаман племени Тайгоров бывал несколько раз на месте, где лежит «бог Огды», и видел в земле множество глубоких воронок. Тунгусы благоговеяно рассказывали, что шаман молился там три дня и три ночи и собственными глазами видел бога, который упал с неба и превратился в тьму-тьмущую белого камня (т. е. в платину!). Тот шаман и принес несколько кусков кам-

ня, что, по мнению тунгусов, охраняет хозяйство от страшных пожаров».

Марич дважды перечитал письмо и задумался, анализируя свое состояние. Обманывать себя он больше не собирался, факт — он оказался в сложном и тяжелом положении.

Все мысли и мечты о покое и какой-то окончательной точке, которую должна была поставить встреча, развеялись мгновенно и незаметно. Долгожданная встреча принесла с собой лишь более острые страдания — и тем сильнее подчеркнула беспомощность.

Если бы дорогой Валентин Андреевич узнал, в каком состоянии находится его помощник и ученик, всегда твердый и суровый — и не расположенный, по мнению учителя, тратить время на сантименты и любовные истории — удивился бы профессор и не поверил сам себе.

Разве не убогая картина — брак двух совершенно чужих людей (пусть когда-то, может, и близких), которые смотрят на все разными глазами и никогда не смогут полностью понять друг друга, хотя, быть может, и связаны одним общим чувством и бессознательно тянутся один к другому.

Марич вновь вспомнил далекую Сибирь, и чем яснее вырисовывались в его памяти образы далекого прошлого, тем яснее становилось ему, что годы не только изменили их обоих физически, но и в чувства внесли глубокие и серьезные коррективы. Ясно и беспощадно: выход один, и если у тебя достаточно сил, если ты крепок не только физически — сделай так, чтобы встреча эта стала последней и прощальной.

Марич долго сидел, стиснув виски, после перевел взгляд на письмо профессора Горского, потянулся, протянул руку к письму, осторожно поместил его обратно в конверт. Деловито, как у себя в рабочем кабинете, извлек небольшой аккуратный блокнот и мелкими буквами написал на чистой странице:

«1) Визит к проф. Барингеру (по вопросу раскопок Аризонского аэролита). 2) Письмо Валентину Андреевичу. 3) 13/X лекция инженера Эрге».

Инженер Эрге, прямой и самоуверенный, стоял за кафедрой на высоком помосте. Черный костюм еще больше подчеркивал статность его сильного и гибкого тела. Все движения его, несмотря на суровую размеренность и, вероятно, подготовленность не производили впечатления неестественности, а дополняли эффектную и деловую речь.

Просторный зал с ровными высокими колоннами был заполнен преимущественно специалистами-инженерами и предпринимателями, которые напряженно слушали докладчика.

В бинокль было хорошо видно продолговатое, бритое, смуглое и спокойное лицо. Иногда легкая улыбка трогала ровные сухие губы, и тогда глаза сужались и испускали веселые хитрые искорки. Марич жадно рассматривал это лицо, напоминавшее облик спокойного уверенного хищника. Он видел Эрге всего лишь раза три-четыре, но эти встречи оставили яркое впечатление в его памяти. И вот что странно, за долгие годы Эрге физически нисколько не изменился, словно время обошло его стороной.

Вспоминая Гину, а вместе с ней и Эрге, Марич всегда ощущал глубокую злость и презрение к этому человеку, но сейчас, рассматривая в бинокль лицо соперника, Марич, к собственному удивлению, не испытывал знакомых чувств и глядел на него со спокойным интересом, спрашивая себя: чем именно привлек этот человек Гину, как заставил пойти за собой? Этот вопрос вечно преследовал Марича и он никак не мог дать на него ясный и исчерпывающий ответ.

Минуту спустя он перевел бинокль с лица инженера на окружавшие докладчика предметы.

На высоком мраморном постаменте стояло изобретение Эрге — дирижабль новой конструкции. Сбоку на квадратный черной доске крупным четким почерком были изложены главные принципы, примененные в новой конструкции. Вся суть изобретения состояла в открытии нового газа, что был втрое легче водорода и горел не так быстро.

Марич искал на доске формулу этого газа и, не найдя, обратился к соседу за объяснениями. Тот усмехнулся и ответил, что это тайна изобретателя.

Марич, не разбираясь в воздухоплавании, все же сразу понял огромный вес и значение изобретения. Газ в три раза легче водорода! Какие возможности для воздухоплавания! Это означало втрое увеличенную грузоподъемность, скорость и долговечность.

Конечно, революции в воздухоплавании (как рекламировала пресса) изобретение не сделало; Эрге лишь усовершенствовал современный дирижабль и продвинул технику вперед на три огромных шага. Новый дирижабль был оснащен длинной, продолговатой, цельнометаллической оболочкой в форме сигары с острыми ребрами, все помещения были спрятаны внутрь конструкции и помимо моторных гондол снаружи оставалась только небольшая командирская рубка.

Каждая группа моторов имела по два винта: один тянул, второй толкал конструкцию.

Марич застал конец лекции. Он видел, как Эрге вежливо улыбнулся и наклонил голову, благодаря аудиторию за внимание.

К постаменту подошел слуга и накинул на конструкцию рыжий чехол.

Зал утратил напряженную тишину, зашевелился и наполнился гулом. Слушатели, живо обмениваясь мнениями по поводу изобретения, двинулись в фойе.

Марич протиснулся в конец зала к главному выходу и остановился под колоннами. Он и сегодня не сумел одолеть себя и, направляясь на лекцию Эрге, лелеял скрытую робкую надежду — увидеть Гину.

Зал вскоре опустел и Марич, в последний раз окинув взглядом аудиторию, шагнул вперед, к выходу, но тотчас растерянно застыл на месте — навстречу ему из-за массивных колонн напротив вынырнула черная фигура инженера Эрге.

Тот с интересом посмотрел на одинокую фигуру и прошел было дальше, но и сам неожиданно замер и свел вое-

дино черные изломанные брови — глубокая задумчивость появилась в его глазах. Оба быстро обменялись взглядами и тогда напряжение внезапно исчезло из глаз Эрге и уголки сухих губ заострились. Марич побледнел: он понял, что Эрге узнал его.

Краткий миг оба стояли недвижно, пытаясь найти выход из этого случайного, но неприятного положения. Первым нашел выход Эрге — и такой, какого Марич менее всего ожидал.

Инженер приятно улыбнулся и протянул Маричу руку:
— Если не ошибаюсь, господин Марич?

Тот механически, как загипнотизированный, неуклюже протянул навстречу свою и растерянно, краснея, пробормотал:

— Вы не ошиблись.

Марич и сам не заметил, как через минуту оказался в фойе и шагал рядом с Эрге, который, улыбаясь и кланяясь во все стороны знакомым, вел его к свободному столику.

В фойе перед Эрге все вежливо расступались, и Марич с болезненным чувством сознавал, что его неуклюжую фигуру сейчас с интересом рассматривают сотни глаз. Досадней всего было за себя и за свое до невозможности глупое поведение. Наверное, этот прилизанный инженер-эмигрант в душе искренне потешается над его глупостью. Но что делать? Отойти сейчас куда-нибудь в сторону — неудобно, наговорить грубости — неостроумно и вообще грубо, только окажешься в еще более дурацком положении. Эх, черт побери, надо же было так увязнуть!

С такими мыслями, неудачно и невпопад отвечая на многочисленные и вежливые вопросы Эрге, Марич очутился у стула, который учтиво пододвинул ему инженер.

Расспрашивая об СССР, Эрге строго, деловым тоном осведомился:

— Простите, если не секрет, цель вашего приезда в Америку — научная командировка? Я слышал, что в СССР сейчас созданы прекрасные условия для молодых научных работников.

— Да, — строго буркнул Марич и, сам не зная для чего, добавил:

— Кроме командировки, имею еще личное поручение профессора Горского — узнать, как продвигаются раскопки Аризонского аэролита.

Эрге удивленно вздернул брови:

— А разве СССР интересуется Аризонский аэролит?

Марич потихоньку пришел в себя и радовался, что мог хотя бы дельно отвечать на вопросы.

— Видите ли, профессора Горского, равно как и научные круги СССР, интересуется не столько Аризонский аэролит, сколько сам процесс раскопок и в целом методы и средства, потому что, как вы, вероятно, слышали, в Сибири двадцать лет назад упал гигантских размеров аэролит, по своей величине значительно превышающий аризонский. Где он в точности упал, до сих пор не определено, хотя все данные говорят в пользу того, что он рухнул в непроходимой тайге близ Подкаменной Тунгуски. Профессор Горский добрался было до места падения, но за недостатком припасов и сил вынужден был отказаться от исследований. В этом году правительство ассигновало специальные средства для розыска аэролита, и поэтому профессора Горского так интересуется, какими методами пользуются американские ученые, проводя раскопки; их опыт станет для него большим подспорьем...

Марич неожиданно замолчал, прервав свою речь — он заметил, что Эрге, наклонившись вперед, не сводит с него острого взгляда. Маричу показалось, что в этом взгляде мелькнуло мгновенное выражение какой-то тревоги и ужаса; почудилось даже, что лицо инженера побледнело.

Поймав удивленный взгляд Марича, Эрге выпрямился и резко прижал ладонь ко лбу так низко, что заслонил глаза.

— Проклятое переутомление, малейшее напряжение вызывает острую боль, — произнес он затем медленно и устало. — С вами такое не случается?

В это время звонок возвестил, что пора возвращаться в зал. Эрге поспешно поднялся со стула и, вновь мило улыбаясь, протянул руку:

— Прошу прощения, должен идти. Понимаете, все же какая-то тоска по России. И потому несказанно радуешься каждой встрече с земляками. Всего хорошего. Очень рад буду видеть вас у себя, — сказал он, быстро пожимая руку, и в конце просто добавил:

— И Гина будет рада вашему визиту.

Еще раз пожав руку, он ровным шагом направился в зал.

* * *

Гина Мариш (в девичестве Регина Войтоловская) в минуты отчаяния и тоски и сама часто размышляла над теми же вопросами, что и Мариш. Но перед ней они никогда не вставали так остро и болезненно. Напротив, думая о минувшем, она погружалась в приятную печаль и с удовольствием вспоминала подробности жизни в далекой неприветливой Сибири. Вспоминала мечтательно, как чудесный, фантастический сон.

И Мариша вспоминала с той же приятной тоской и нежностью, а порой и укором, укором себе; она чувствовала, что неожиданно и незаслуженно причинила любимому и неуклюжему, милому Виктору глубокую боль и обиду. И потому нередко в нежной тоске тихо подступало смутное и неясное раскаяние, и капризно вилась мысль — увидеть Виктора, приласкать его, милого и неуклюжего, утомить ласками и вымолить прощение за боль и измену.

Неожиданная встреча состоялась, но Гина мечтала совсем не о такой, узнав, что Мариш в Нью-Йорке. Вот уже три дня, как она ощущает, что не может освободиться от нового тягостного и болезненного чувства и все мысли ее кружатся вокруг событий, что давно миновали и вернуться, как бы то ни было, не могли.

Сегодня тоскливая боль стала навязчивой и тягостной до невыносимости. Вернувшись из мюзик-холла, Гина прошла к себе в спальню и молча, не раздеваясь, легла на широкую массивную кровать красного дерева. Затем вытянулась на спине, положив ноги на дорогое шелковое одеяло и вглядываясь бездумно в черную и, казалось, глубокую бездну потолка. Голова отяжелела, тело словно отделилось и потеряло чувствительность, и вся обстановка комнаты утратила реальность, все утонуло в зыбкой бездонной темноте.

Заболели широко раскрытые глаза. Гина с трудом сомкнула ресницы, и будто бы рядом, на экране, четко и ясно возникло далекое прошлое, потерявшее уже, казалось, краски и целостность.

...Единственная дочь помещика-поляка Войтоловского, которую все считали еще капризной взбалмошной девчонкой, в одно прекрасное утро сообщила родителям, что выходит замуж за ссыльного студента и немедленно покидает Петербург. Родители было растерялись, сперва приняв это за шутку дочери, но когда поняли, что она вовсе не шутит, силой хотели принудить ее отказаться от дикого замысла.

Ничего не помогло — ни слезы, ни угрозы, ни проклятия — и дочь, продав все свои драгоценности (многочисленные подарки тетюшек, крестных, дядюшек, кузенов), проклятая родителями, направилась в район ленских золотых промыслов, куда этапным порядком двинулся и молодой студент, который, по правде сказать, ничегошеньки не знал о намерениях своей пылкой невесты (вспомнив все это, Гина улыбнулась и подумала: «Боже мой, какая же я была глупая»).

Весь Петербург судил да рядил тогда о ее подвиге, а один либеральный журнал посвятил ему даже целую статью, где сладко и патетически пел дифирамбы «великим русским женщинам» и сравнивал Регину Войтоловскую с княгиней Трубецкой.

Когда ссыльный-студент Виктор Марич узнал о решении девушки, он чуть не сошел с ума от радости.

В тихой сырой приисковой церквушке, с темными и страшными боролатыми святыми, лохматый батюшка с разрешения губернатора обвенчал молодую пару. Тихо горели две свечи в руках молодых, капая янтарными восковыми слезами на сырой, холодный пол, а шаги молодых и шаферов гулко отзывались где-то за темным алтарем. Молодой, высокий, широкоплечий студент с добрыми прекрасными серыми глазами неуклюже держал нежную ручку стройной, измученной долгим путешествием невесты и неловко улыбался счастливой улыбкой — ему, конечно, не верилось, что это не сон. Из церкви Регина Войтоловская вышла Региной Марич.

Потянулись дни, донельзя похожие друг на друга. Обитатели небольшой заимки — в трех километрах от центрального прииска — могли за неделю вперед описать до малейших подробностей будущий день. И, казалось, этому не будет конца и края. Тогда-то Гина почувствовала со всей полнотой, что такое ужас, и испугалась сама себя и своего поступка. Впервые за два года зашевелились тяжкие сомнения — от них никак не спасала любовь Виктора, его кроткий нрав, забота и самопожертвование. А однажды вечером, когда над тайгой бушевала яростная пурга, а воздух полнился страшным стоном вьюги, и казалось, что вокруг бесконечно, беспредельно расстилается пугающая пустота, ужас придвинулся ближе и охватил все тело, заполнил разум, всосался в кровь.

В детстве старушка-няня рассказывала ужасную историю о том, как в одном селе живую женщину положили в гроб и закопали. И страшно было представить состояние и чувства заживо похороненного человека. Тогда ей вспомнился рассказ няни. Видение гроба встало перед глазами. Где выход? Где конец? Нет конца! Нет спасения! Хотелось дико вскрикнуть и броситься из хижины сломя голову в тайгу, в метель. И вскрикнула бы, и выбежала, если бы стук в дверь не отрезвил и не привел в чувство.

В дом просились заблудившиеся исследователи с соседних приисков.

Так Гина Марич повстречалась с инженером Эрге, работавшим на приисках американского концессионера Лайстерда.

И Марич глубоко заблуждался, когда не мог разгадать странное поведение своей жены и считал, что разгадке оно не поддается. Он забывал, что их породили разные классы.

* * *

Период между бракосочетанием с Эрге и эмиграцией в Нью-Йорк остался в памяти Гины туманным, неопределенным воспоминанием — дни мчались так напряженно, и так кинематографически, напористо на протяжении короткого времени сменялись события, что ей трудно было уловить, осмыслить сознательно все общественные изменения и процессы, произошедшие в Сибири.

Лайстерд не хотел расставаться с Эрге и звал его к себе, в Америку. Эрге не согласился покинуть предприятие, считая, что революционные вихри скоро утихнут. Отправив в Америку совершенно растерянную Гину, он остался в Сибири.

Возвратился Эрге в Америку не скоро (все были уверены, что его нет уже на свете), целых три года спустя, когда остатки банд и генеральских армий были разгромлены и рассеяны регулярными частями Красной Армии. Что делал Эрге все это время — неизвестно. Он лишь привез Лайстерду подтверждение, что его концессии и имущество национализированы и вернуть их — пустая надежда.

За время разлуки много перемен в жизни испытала и Гина — Эрге застал ее уже выдающейся певицей. Такой блестящей карьере способствовали чистый и хорошо поставленный голос (Гина еще в Петербурге брала уроки у знаменитого профессора), упорный труд и деньги мистера Лайстерда. Пресса на удивление благосклонно (деньги, как известно, творят чудеса) встретила выступления Регины Марич, по большей части пересказывая ее автобиографию —

в чем-то правдивую, немного вымышленную; газеты часто помещали ее портреты, и Гина за каких-то три года стала примой самых известных и аристократических мюзикхоллов Нью-Йорка.

Встреча с Эрге была холодной, но приличной, и они, сами того не замечая, вновь стали супругами. Основной причиной, державшей их вместе, была дорогая кровать красного тяжелого дерева.

...Лента воспоминаний прервалась на сегодняшних днях. Гина лежала неподвижно, без мыслей. Вскоре почувствовала, как тягостная тоска легла на грудь и сжала все тело тяжкими объятиями.

Из глубокой темноты вынырнул образ неуклюжего человека с серыми хорошими глазами и тихо приблизился к кровати. Гина свела руки и заложила их за голову, и нежно, шепотом сказала в темноту:

— Милый, хороший.

Из глаз по щекам поползли два горячих ручейка, и грудь судорожно колыхнулась.

Где-то за дверью слышались шаги — узнала Эрге. Мигом вскочила с кровати и на цыпочках пошла к двери, заперла, вернулась к кровати и стала напряженно ждать знакомого стука в дверь.

Шаги прозвучали совсем рядом с дверью, но после затихли вдалеке, — догадалась, что Эрге свернул к себе в кабинет.

* * *

Эрге механически зажег свет, пододвинул ближе к столу удобное кресло и беспомощно застыл. В черных блестящих зрачках упорно билась назойливая мысль:

«Не может быть — черт поberi — с ума сойти можно».

Протянул руку к пузатому глобусу — повертел вокруг оси и остановил взгляд на Сибири. Глаза встретили знако-

мые названия — Вилуйск, Бодайбо, Алдан, Лена, Подкаменная Тунгуска, Якутск...

Черные застывшие зрачки блеснули вдруг задорным огоньком.

— Неужели правда? — пробормотал про себя с какой-то взволнованной и одновременно будоражащей тревогой.

Затем выражение тревоги сменилось сосредоточенностью и недоверчивой замкнутостью. Инженер наклонился к ящикам стола, открыл средний и осторожно извлек опрятную толстую папку из выделанной кожи.

Чрезвычайно бережно, даже с некоторой опаской, как исследователь проверяет результаты нового опыта — раскрыл ее и начал перебирать пожелтевшие листы с заметками, небольшие карты, начерченные от руки, нечеткие сероватые фотографии странного мощного бурелома и голых гор.

Еще достал из ящичка небольшую шкатулку и вытащил оттуда несколько бледно-серых кусочков металла — очень похожего на платину.

И чем дольше рассматривал Эрге неведомые документы, касавшиеся, очевидно, одного и того же события, тем сильнее вздымалась в нем тревожная волна.

Когда снова собрал все вместе и осторожно вернул на место папку и шкатулку — нервно прошелся, остановился на миг у окна, нервно вздернул сильные плечи (признак беспокойства и раздражения) и опять уселся в кресло, целиком предавшись тревожным мыслям.

В этот поразительный вечер и Эрге пришлось вспомнить (хотя он этого не любил и ненавидел) — свое безвозвратно ушедшее прошлое.

Какой бешеный ураган промчался! Какие руины оставил после себя! Не верится... И какие широкие перспективы открывались перед инженером Эрге — от ощущения силы и веры в себя легко и даже приятно туманилось в голове.

И сейчас перспективы и горизонты карьеры не стерлись и, быть может, видятся яснее, чем у кого-либо из его товарищей-эмигрантов, что прозябают, завидуя ему. Но надо

отдать дань правде — перспективы и горизонты чертовски сузились и не так уж ясны, как кажется на первый взгляд.

Слава и деньги! Хотел бы он видеть, кто отвергнет эти сильнейшие природные стимулы. Два этих слова ведут на борьбу миллионы людей, приручают дикарей, покоряют и превращают в ягнят великанов. Слава и деньги! Два слова, дополняющие друг друга — эти два слова были и остаются его идеалом, его путеводной звездой. Это его «верую». Хотел бы он видеть человека, который не пребывал бы в плену этих слов, не дрожал бы с нервным наслаждением, заслушав эти два слова.

Конечно, есть люди, что презрительно морщатся и ставят себя выше их — ложь! Они просто-напросто слабые и малодушные трусы; просто никудышные, бессильные бездари, фарисеи, они боятся этих двух слов, хорошо зная, что для них они все равно что неприступные, недостижимые крепости. И такие люди — он, Эрге, глубоко убежден — в одиночестве, когда не могут обманывать себя, бесстыдно дрожат, как рукоблудцы, благоговейно шепча два заветных слова. Как он их ненавидит! До чего они мерзки и в то же время глупы!

Злые, напоенные горькой бессильной злобой мысли вихрились в голове Эрге — бессистемно, хаотично.

Всплывали воспоминания, годы юности, надежд, годы урагана, проклятого урагана, что так неожиданно разбил и уничтожил годы долгой упорной работы, испепелил путь к деньгам и славе. Проклятие! Больше, обиднее всего, что он бессилен в своей злобе и ненависти! Будь ты проклят, бешеный ураган!

* * *

На улицах уже стихал гул и грохот, а Эрге все не мог усмирить свою бессильную ярость и избавиться от назойливых и неприятных воспоминаний.

Какие времена были! Какие возможности! Сколько сил и надежд! Крайний северо-восток Сибири упорно конкурировал со своей соседкой — Аляской.

В то время как Аляска, проданная в 1867 году Америке за 7,2 миллиардов рублей, дала новым хозяевам в первые сорок лет одного только золота более чем на полмиллиарда рублей, сибирские сокровища по-прежнему лежали мертвым капиталом. Залежи золота, меди, угля, железа, гранита, — все еще ждали рачительных хозяев.

Огромные просторы Якутии — в десять раз больше любого европейского государства — еще не были полностью нанесены на карты, и о несметных горных залежах железной руды, алданском и вилуйском золоте, эндыбальском свинце — знали лишь единицы, обычно отчаянные авантюристы с темным кровавым прошлым.

В те годы среди промышленников начало греметь имя молодого энергичного инженера Эрге. Все золотые тузы старались перетянуть к себе на работу «молодого черта», что знал тайгу как свои пять пальцев — точно он родился и вырос в ней.

Капиталы американского концессионера Лайстерда, у которого работал Эрге, с каждым годом все больше и больше округлялись и перед великой войной достигли порядочной, даже в американском понимании, цифры.

И когда Эрге открыл знаменитый «Томотский золотой узел» и переполошил всю Сибирь, хитрый и сдержанный Лайстерд не выдержал и взволнованно сказал, что он не прочь взять дорогого Эрге в дело — компаньоном.

С неслыханной быстротой и отвагой двинулись отряды во главе с Эрге к прославленному узлу, чтобы окончательно разведать, нанести на карту и закрепить за собой место.

Упрямо шли через невысыхающие топи, пересекали болота среди мертвой, глухой тайги, на протяжении сотен верст не слыша живого звука. Шли в край, где не ступала нога белого человека, в край, куда под угрозой голодной смерти и священного табу не решался проникнуть даже легконогий тунгус. Он не знал тогда усталости, он верил в свои физические и душевные силы — зная, что этот путь ведет его к деньгам и славе.

И в тот же год, носясь по тайге, покрывая тысячи километров, немый, бородатый, возбужденный успехом, пол-

ный одной упрямой до безумия мечтой об открытии новых месторождений, Эрге набрел за Подкаменной Тунгуской на удивительную, легендарную Страну мертвого леса — о которой ему не раз уже рассказывали тунгусы.

В памяти всплыли неясные слухи о громадном аэролите, упавшем давным-давно где-то в тайге. Заинтересованный и гордый тем, что первым нашел место падения — он начертил от руки карту местности. Сделав с десяток фотографических снимков мертвого пространства, густо покрытого вековыми стволами тайги, Эрге собрался было передать все материалы в научные инстанции — и, возможно, передал бы, если бы не одна находка, которая разрушила прежние планы инженера и заставила его глубоко задуматься, а затем и скрыть от всех свое открытие.

Фотографируя и осматривая местность, он обнаружил глубокие, подобные лунным кратерам воронки, догадался — места падения основных обломков аэролита. С интересом рассматривая одну из ям, на удивление небольших размеров, не удержался и начал железной палкой ворошить поросшую мхом землю — и вдруг наткнулся на кучку серых, похожих на камни мелких обломков. Когда поднял и очистил находку от мха и земли, едва не вскрикнул от удивления и восхищения — в руках серели не камни, а самая настоящая платина.

Сомнений не было — опытный глаз не мог ошибиться — на ладони лежала драгоценная платина.

Только одно беспокоило и заставляло скептически и недоверчиво отнестись к находке — сложно было предположить, что аэролит состоял из цельной платины. Если это так — то в болоте среди мертвого поваленного леса таятся несметные богатства, о которых трудно и страшно даже помыслить. Он читал, что до сих пор в аэролитах, доступных науке и хранящихся в музеях, иногда встречались среди железа значительные вкрапления платины, но чтобы весь аэролит целиком состоял из платины — такое трудно допустить. Он нервно обследовал тогда главные кратеры, разрывая их влажные и глубокие днища, но все напрасно, стра-

шная космическая сила загнала обломки на такие глубины, что простой палкой до них было не докопаться.

Взялся за мелкие, но время сделало свое дело — ямы густо заросли мхом, а бока, некогда острые и свежие, опали и сравнялись с обычным уровнем земли. И только в одной воронке, которая каким-то чудом избежала объятий мха, нашел на покатых склонах мелкие куски металла. Сомнения исчезли — местность хранила неисчислимые богатства.

С этой волнующей тайной Эрге вернулся на прииски, обдумывая планы раскопок, и у него, всегда спокойного, рассудительного, холодело в груди и становилось жутковато при воспоминании о Стране мертвого леса. Строя грандиозные планы на будущее, порой вздрагивал, — что если секрет Мертвого леса будет раскрыт? Ведь такое вполне может случиться! Подобные мысли заставляли сжиматься острой — как никогда — тревогой сердце. И в том же году явились первые вестники урагана, что за считанные месяцы превратился в гигантский вихрь и пресек все мечты о платиновом сокровище.

Вторично довелось увидеть Мертвый лес через пять долгих, бешеных, полных гроз и бурь лет. Вдребезги разбитый, его отряд (один из лучших отрядов пепеляевской армии) панически бежал от красной кавалерии. Спасая свою жизнь — один, как перст — он неожиданно очутился в знакомой местности.

Таким же мертвым спокойствием дохнуло на него, как и пять лет назад, стояла такая же мертвая, страшная тишина. Могучие кедровые и сосновые деревья лежали мертвыми рядами, ствол к стволу, поваленные космической силой аэролита, глубокие центральные кратеры, присыпанные сверху первыми хлопьями снега, таинственно чернели своими впадинами. Но тогда уже не волновала мысль о богатстве — все существо было полно одним — беги, спасайся! Беги!

Тайна раскрыта! Сокровища достанутся тем, кто разрушил жизнь, злейшим врагам. И достанутся легко, без борьбы — спокойно проведут раскопки, будут искать куски аэролита для музеев и внезапно наткнутся на серый драгоценный металл — задрожат руки, жадно заблестят глаза

(кто сумеет преодолеть извечную алчность человека?). И тогда мешковатые и глуповатые жрецы науки начнут, как заурядные воришки, набивать карманы драгоценным металлом.

Эрге вздрогнул и бессильно лег на руки, и в эту минуту мозг пронзила жадная, до жестокости соблазнительная мысль — ему по праву борьбы надлежит воспользоваться этими сокровищами. Он не утаивает свои чувства, он смело и открыто признается себе в этом. А что если...

Вдруг исчез хаос в мыслях — вместо него в уме четко наметился фантастический замысел.

Что если... действительно... нащупать, наладить прежние связи, пути. Три дирижабля... Пять часов лета. Полсотни отчаянных негодяев — и все. Месяц организованного, до мелочей распланированного труда — и только! И в самом деле — там остались такие же, как он, они жаждут денег и, быть может, не только денег. Полсотни отчаянных головорезов всегда готовы к услугам. Его новые дирижабли прекрасно отработают этот рейд...

И Эрге, неожиданно и в шутку отдавшись во власть фантастических мечтаний, почувствовал, что замысел его теряет призрачность, становится реальным и возможным. Нужно лишь твердо сказать себе: «Ты должен. Надо только уверенно воспринимать это как железную необходимость, и еще нужны деньги. Как бы деньги не стали главным...»

Подумав так, Эрге ощутил: по всему телу, как после напряженной работы, растеклась чудовищная усталость. С трудом поднял голову с рук, откинул туловище на спинку кресла и безразлично повел потухшим взором (без мыслей, без злобы) в сторону окон.

Серым спокойным потоком вливалось в комнату утро.

И уши, привыкшие слышать скрежет и грохот улиц, с непривычкой воспринимали тишину. Ничто больше не беспокоило, не волновало — все прежние мысли казались обыкновенными, только хотелось поудобнее пристроить куда-нибудь голову и заснуть.

Так в ту ночь в голове инженера Эрге просто, чуть ли не в шутку, возник план отчаянной и дерзкой авантюры.

Следующая неделя прошла у Марича спокойно, по-деловому.

Он съездил в Бостон к профессору Барингеру. Седовластый, крошечный и чрезвычайно милый и вежливый в общении ученый гостеприимно принял помощника профессора Горского (с Горским ученый познакомился три года тому на всемирном съезде астрономов). Он с радостью подробно ознакомил Марича с ходом раскопок Аризонского аэролита. Барингер только что вернулся в Бостон на отдых и, делясь своим опытом, пожелал дорогому профессору Горскому успеха в его почетном труде.

Поиски основной массы Аризонского аэролита осложнялись тем, что аэролит упал тридцать лет назад и ушел в землю не вертикально, а наискосок. Поэтому крайне сложно — как подчеркнул Барингер — найти правильную точку для бурения почвы. Аризонский аэролит, помимо научной ценности, даст, очевидно, и немалую материальную выгоду — поскольку найденные на месте мелкие куски аэролита состоят из железа и никеля.

Услышав это, Марич вспомнил приписку в письме профессора Горского и спросил Барингера — случилось ли, что в составе массы аэролита находили и включения платины. Барингер пожал плечами и признался, что наука об аэролитах все еще очень неразвита, материалов и данных мало и четко ответить на этот вопрос невозможно.

Возвращаясь из Бостона, Марич в вагоне снова вспомнил постскриптум к письму Горского и пораженно подумал — какие сокровища достались бы Совсоюзу, если аэролит на самом деле хотя бы частично состоял из платины. Возрождение материальной культуры и техники, прогресс. И, подумав это, улыбнулся сам себе: «И придет же такое в голову».

Под ритмичные такты колес экспресса задумался над тем, что вот он и вновь возвращается в Нью-Йорк, а оттуда через неделю выезжает в СССР. Вспомнил Гину. Было ли

виной тому деловое настроение или просто усталость, накопленная в пути, но только он спокойно, без тоскливого волнения вспомнил это имя.

Глубоко задумался. Едва ли не впервые мог спокойно, словно со стороны, как наблюдатель, взглянуть на себя и свои чувства.

И сам себе мысленно, спокойно и безжалостно говорил:

— Обратного пути нет. Подумай хорошенько — нет. И встреча была лишней. Ну что сказать, конечно, приятно вспомнить былое, приятно ощутить чувства молодых лет, но что с того?! И опять-таки — поедешь домой, и что же, снова захватишь в дорогу тоску и тягостную боль? Не лучше ли крепко сжать в кулаке эти внутренние терзания, послать к черту мысль о возвращении — потому что обратного пути нет и быть не может. И не так уж это страшно и трудно.

Уговаривал себя и чувствовал, как ощущение безысходности заглушает нервозность и сладкую тоску.

Близ Нью-Йорка решил, что через неделю непременно уедет из Америки, нарисовал в мыслях, как крепко пожмет ей на прощанье руку и поставит над тем, что прошло, твердую и осознанную точку.

Вздохнул, как после тяжелого и ответственного задания, и взял в руки забытую кем-то газету.

Развернул сложенный вдвое лист и удивленно распахнул глаза, увидев на странице собственный портрет.

* * *

Нью-йоркская пресса еще день назад получила телеграфные сообщения об экспедиции Горского, и все вечерние газеты уделили ей много места, притворно сочувствуя ученому — дескать, несчастный профессор, мыслимо ли, располагая каким-то десятком тысяч рублей, добраться до таежных джунглей и исследовать необычайно интересное

природное явление? А мящанская газетка «Уют» и вовсе ни с того ни с сего ляпнула: варвары, большевики — двадцать лет скрывали от всего мира ценный для науки феномен; вот, мол, и подумайте о состоянии науки в этой испорченной стране. Ах, ах — какой ужас! Газеты поспокойней напечатали только телеграфное сообщение и портреты Горского и Марича — добавив, что помощник главы экспедиции находится сейчас в Нью-Йорке.

В отеле толстый с рыжими баками швейцар, завидев Марича, с почтением склонил голову и уважительно (он читал утренние газеты) сказал:

— Мистера так хотели видеть репортеры — только и слышно было эти дни: «Мистер Марич у себя?», «Мистер Марич еще не приехал?», «Мистер Марич сегодня вернется?»

И швейцар гордо улыбался — уверенный, что сообщил большевику приятное известие; к тому же, он совсем не такими представлял себе заокеанских страшных людей.

Действительно, не успел Марич переодеться после ванны, как послышался настойчивый стук в дверь.

В комнату не вошла, а просочилась долговязая личность с реденькой русой бородкой и, будто балансируя на шаткой доске, приблизилась к Маричу.

Сгибая гибкое туловище, подобострастно склонив голову набок, человек оскалил редкие зубы и скривил рот в карамельной улыбке.

— Корреспондент «Голоса эмигранта», — сохраняя на губах улыбку, поспешно и льстиво заговорил он на чистом русском языке. — Полагаю, гражданину Маричу знакомо это название? Не откажете, два слова для газеты? Вижу, уважаемый гражданин Марич удивлен, что я говорю по-русски? — человек шире оскалил зубы и еще быстрее начал бомбардировать Марича каскадом слов. — Блудный сын родины, хе-хе-хе, ничего не поделаешь. Я откровенно, без раскаяния — воля судьбы! Мы ошиблись — хотя и не во всем, и поэтому должны нести, так сказать, свой крест. Но вполне откровенно — тяжело иногда бывает, очень тяжело, особенно при встрече с земляками.

Роня с необычайной скоростью слова, человек с бородкой шарил небольшими порсящими глазками по номеру, то делая заметки в записной книжке, то наводя аппарат на ошеломленного затрапезного Марича, который мысленно посылал репортера ко всем чертям.

— В нашей газете вы не встретите ни капли бессильной злобы, наша цель — правдиво информировать эмиграцию о далекой родине, — разглагольствовал репортер, уставя объектив на Марича. — Вот так — глаза немного в сторону. Вот так! Конечно, мы имеем собственное мнение о путях развития нашей родины, так как считаем, что и мы имеем право располагать по этому поводу своими взглядами. Еще немного, чуть в сторону — вот так! Простите, хотелось бы и в профиль. Благодарю.

Говорун умолк, поставил аппарат на стол и, вытащив блокнот, снова посыпал вопросами.

— Два слова об Азиатском аэролите. Что вы? Ну, неужели ничего больше не можете сказать? Нет, вы шутите! Не поверю. Неужели наша газета не сможет напечатать ваши высказывания? Я ждал вас три дня — наша газета хотела со всей полнотой осветить это событие на своих страницах. Вы безжалостны!

— Ну что же я могу вам сказать — когда я сам еще недостаточно информирован, — беспомощно в десятый раз ответил Марич и, стремясь отделаться от упрямого нахала, раздраженно добавил:

— Я только получил сообщение, и то личного характера, — и Марич указал на письмо профессора Горского, которое лежало на столе под прессом.

Репортер поспешно скосил глаза на письмо и вновь настойчиво взмолился:

— Я не могу даже допустить, что в нашей газете, которая информирует все культурные силы эмиграции, подчеркиваю — культурные и не враждебные Совсоюзу — не будет опубликовано ваше интервью. Никак не могу допустить, вы уж простите, ну хотя бы отрывки из письма приведите.

Терпение Марича иссякло и он, проклиная про себя «долговязую глесту», развернул письмо и прочитал то ме-

сто, где профессор Горский рассказывал о размерах аэролита.

Репортер по-утиному, одним глазом следил за своим карандашом, вторым смотрел на письмо Марича, и когда тот кончил читать и положил письмо на стол, снова зарядил целую речь о своей газете, о благодарности со стороны читателей, все время подчеркивая, что говорит искренне и откровенно. Напоследок он (оскалив зубы и извинившись) попросил Марича выйти на середину комнаты, сам расположился спиной к столу и снова начал целиться объективом. Нацелившись, протянул руку к кассетам, которые положил на стол, ловко и незаметно схватил вместе с кассетой письмо профессора Горского. Мгновение — и конверт оказался в камере аппарата.

Лишь позднее, уже вечером, Марич заметил, что письмо со стола исчезло.

Вспомнил привычки заграничных репортеров, стиснул кулаки и подумал: «Украл, мерзавец. И я хорош, дурак эдакий — в шею надо было подлеца!»

Не успел подумать, как снова стук в дверь. Раздраженно воскликнул:

— Войдите!

Неожиданно в дверную щель просунулась голова репортера с гаденькой, заранее заготовленной улыбкой.

— Простите, сто раз простите! Вы, конечно, могли всякое подумать, я так расстроился! Идиотский случай — вместе с кассетами сгреб и ваше письмо. Летел, как сто тысяч чертей, проклиная себя. Виновата дурацкая занятость.

Марич с отвращением взял письмо. Весь кипел злостью и еле сдерживался, чтобы с наслаждением не врезать по оскаленной физиономии.

«Не ври, подлец, нарочно ведь украл, тридцать копий сделал и, наверное, уже пустил в печать. Уходи поскорее, гадина, не искушай меня», — думал, яростно выпроваживая взглядом долговязую фигуру.

В 9 часов вечера на 9-й авеню у рыжего семиэтажного дома остановился потертый, коричневого цвета таксомотор.

Высокий пассажир в темном осеннем пальто (фетровая широкополая шляпа скрывала тенью верхнюю часть лица) быстро отдал деньги водителю и легким шагом направился к воротам, черневшим напротив глубоким туннелем. Поспешно пересек глубокий квадратный двор, тонувший в мутном осеннем мраке, и твердо, уверенной походкой, направился к крайнему подъезду.

Нетерпеливо прыгая через две ступени сырой цементной лестницы, не далее как через три минуты очутился на третьем этаже, перед дверью на небольшой площадке и, отпрянув, брезгливо сплюнул вбок (площадка издавала множество непристойных ароматов); ощупью нашел звонок и трижды нажал пальцем на скользкую пуговицу.

Через минуту дверь отворил знакомый уже читателю репортер с рыжеватой бородкой. Он по привычке оскалил зубы, но теперь в его сладких словах и улыбке чудились нотки страха и робкого ожидания — мол, что скажет по этому поводу гость?

— Какая точность, господин Эрге, ровно девять, — осыпал он комплиментами строгого инженера. — Я уверен, что ваша профессия, которая не допускает неточностей, влияет и на вашу повседневную жизнь. О себе я как раз не могу этого сказать.

— Очень жаль, — нетерпеливо перебил его Эрге.

Ему, очевидно, не по вкусу были эти дешевые комплименты и, обойдя долговязого, он двинулся, как у себя дома, по коридору. Репортера охладил суровый тон гостя, и он молча последовал за ним.

В маленькой и непомерно длинной комнате с дешевой мебелью Эрге вынул руки из карманов, снял шляпу и спокойно стряхнул капли дождя. Хозяин комнаты молча и робко следил за каждым движением гостя. Стряхнув капли, инженер вновь надел шляпу и тогда только перевел взгляд на репортера. Подошел ближе и тихо спросил:

— Ну?

Долговязый чуть ослабился.

— Есть, — в поросячьих глазках захрюкала радость.

— Что, и путное?

— О, господин Эрге, я и сам не верю своему успеху — ставлю сто долларов, что вы не поверите. Вот посмотрите, что у меня имеется.

Эрге взял в руки четыре увеличенных фотографии письма Горского и озабоченно, понизив голос, спросил:

— Украли?

Репортер победно улыбнулся и нахально ответил:

— Вы меня оскорбляете, господин Эрге, к чему такое грубое слово? Я лишь случайно взял письмо вместе с кассетами, через час снова вернул товарищу Маричу и, извинившись, объяснил ему, что произошло.

Лицо Эрге утратило суровость и снисходительная улыбка тронула уголки губ.

— Простите за выражение, Сорокин, — искренне сказал он. — Вы не такой глупец, как кажется на первый взгляд.

Сорокин нахмурился и, должно быть, хотел обидеться, но, очевидно, раздумал и рассудил, что лучше улыбнуться в ответ.

Эрге подсел к лампе и, рассматривая снимки, через какое-то время спросил:

— Конечно, и копии есть?

— Есть.

— Копии пусть у вас будут, снимки я забираю.

Затем Эрге спокойно положил фотографии в боковой карман и тихо, безразлично бросил:

— Пока что всего хорошего. Я ухожу. Напоминайте о себе иногда по телефону.

У дверей Сорокин робко пробормотал:

— Простите мою наглость, на минутку задержу... Понимаете ли, несколько неловкая просьба, я очень не люблю об этом говорить... но...

Эрге насмешливо оглядел его и резко прервал:

— Денег?

Сорокин расплылся в широкой улыбке:

— Вы угадали, но мне совсем немного.

— Напомните завтра, при мне нет денег, — сухо ответил инженер и плотно прикрыл за собой дверь.

Сорокин стоял с минуту неподвижно, с лица сползла стандартная, готовая улыбка. Злобно посмотрел на дверь, помолчал и затем беспомощно прошептал в серые доски:

— Своло-о-очь...

* * *

Покинув квартиру Сорокина на 9-й авеню, Эрге добрался на сабвее до 96-й улицы и пешком направился на знаменитую Парк-авеню — улицу миллионеров, где средняя квартира стоит более сорока тысяч долларов в год.

В 10 часов он должен был встретиться с Лайстердом, чтобы окончательно договориться о патенте на свое изобретение. После утраты концессий Лайстерд бросил все капиталы на Алеутские острова. Всего за три года почти все главные участки с залежами угля, железа, меди перешли в его собственность. Лайстерд не ошибся, за последние годы его фирма стала заметным и сильным фактором на американской бирже.

Ахиллесовой пятой фирмы была удаленность островов от Америки, что чрезвычайно затрудняло своевременную доставку сырья на рынок и ложилось тяжелым бременем на рыночные цены.

Лайстерд давно мечтал о воздушной транспортной линии, но современное состояние воздухоплавания не позволяло ему осуществить эти мечты. Бесполезно было даже думать об использовании современных дирижаблей для перевозки грузов.

Грузоподъемность современного дирижабля по сравнению с грузоподъемностью парохода была мизерной. Алеутские же месторождения, по мнению Лайстерда, должны были занять в промышленности одно из первых мест, и поэтому, услышав об изобретении Эрге, он решил любой ценой заполучить его.

Да и сам Эрге не противился этому, хотя и положил про себя никому не дарить свое изобретение.

Сейчас, идя к Лайстерду, он решительно отверг первоначальный план и решил подарить, именно подарить Лайстерду изобретение, но, конечно, таким образом, чтобы от подарка получить больше пользы, чем от продажи.

Старый морщинистый камердинер встретил Эрге ласковой улыбкой. Хитрый старик рассуждал так: раз хозяин, миллионер, приветает этого человечка, то приветает неспроста, человечек, значит, достоин того, и потому всегда и сам приветливо встречал инженера.

— Мистер Лайстерд в библиотеке, можете пройти прямо туда, — почтительно сообщил старик, принимая от Эрге верхнюю одежду.

Инженер по знакомой мраморной лестнице направился в библиотеку.

Перед темной резной (орехового дерева) дверью библиотеки Эрге на мгновение остановился, будто колеблясь. Затем решительно толкнул дверь и оказался на высоком балконе.

Внизу, у камина, увидел Лайстерда — миллионер рассматривал плакаты конструкций современных дирижаблей.

Эрге перегнулся через перила:

— Мистер Лайстерд, к вам можно?

Миллионер поднял широкое бледное лицо, густо исчерченное глубокими тонкими морщинами, и приветливо ответил:

— Прошу, друг мой, прошу.

Когда минуту назад Эрге остановился на мгновение у дверей библиотеки Лайстерда, он окончательно решил — говорить или не говорить ему о своем замысле, возникшем неделю назад, ночью, после лекции в клубе инженеров. То было единственное неопределенное место в его плане дерзкой авантюры.

Неясный замысел похищения Азиатского азролита неожиданно возник неделю назад и за семь дней оформился окончательно, до последних мелочей. Все рассчитано и учтено. Нужны только деньги. Вначале Эрге хотел было

откровенно поведать о своем замысле Лайстерду и разделить с миллионером будущую добычу. Но здесь, у дверей, план этот вдруг показался детским и наивным, и Эрге отверг его.

Инженер поздоровался и опустился в тяжелое кожаное кресло рядом с Лайстердом. Миллионер наклонился в кресле и ворошил щипцами уголь в камине — голый череп его продолговатой головы блестел в огне коричневым отливом и казался бронзовым.

Переворачивая угли, он непринужденно заговорил ровным хриплым голосом:

— Думаю, друг мой, сегодня мы окончательно решим наше дело? Да?

При звуках ровного, лишнего интонаций голоса, который так не вязался с его приподнятым настроением и нервным напряжением, Эрге охватил беспокойный, почти суеверный страх.

О главном он и не подумал. Главное же — это Лайстерд, его деньги, от него зависит практически все, ибо копейки, что можно взять за продажу патента — ничтожны.

Эрге заволновался. Терпкий холодок прошел по всему телу и показалось, что на этот раз — может, впервые в жизни — он не сумеет сохранить на лице маску равнодушно-го спокойствия. Еще немного, и он, чего доброго, станет выглядеть смешным и жалким.

Лайстерд, не услышав ответа на свой вопрос, поднял голову.

— Да... конечно, — нетвердо ответил инженер.

Легкое удивление мелькнуло в глазах миллионера. Что-то странное говорит друг.

Что такое?

— Собственно, решать ничего, — наконец выдавил Эрге. — Я хочу подарить вам свое изобретение.

Лайстерд насторожился. Удивительно! Поразительно! Невероятно!

Эрге собрал остатки сил и, не спуская глаз с лица Лайстерда (который следил за ним, как боксер на ринге за своим противником), уже более равнодушным тоном добавил:

— Но у меня один вопрос, вернее, два. Первое, сколько прибыли дают вам в год, скажем, пятьсот тысяч долларов? Допустим — пятьсот долларов сверху.

Ага! Лайстерд уже понимал Эрге, но инженер вполне овладел собой и, улыбаясь, произнес:

— Второй вопрос. Предположим, я — Эрге — обращаюсь к вам за суммой в пятьсот тысяч долларов и даю вексель, а через год возвращаю вам наличными ровно миллион долларов. Выделил бы мистер Лайстерд такую сумму?

Лайстерд сидел в кресле, вытянув ноги к огню, и мертво глядел на инженера водянистыми холодными глазами. Затем смежил ресницы, загадочно улыбнулся.

— Зачем дорогому Эрге такая сумма? Секрет?

— Да. Я получаю пятьсот тысяч долларов, исчезаю ровно на год. Через год, в назначенный срок, возвращаюсь в Нью-Йорк и вношу на текущий счет мистера Лайстерда, скажем, в Национальном банке, ровно миллион долларов.

Лайстерд бросил острый взгляд на спокойное лицо инженера и шутливо заметил:

— Насколько я понимаю, мой друг затевает необычайную по своим масштабам авантюру?

— О, зачем так грубо, — так же шутливо отвечал Эрге. — Разве мистеру Лайстерду не нравится это слово? По моему мнению, в наше время авантюра ничем не отличается от приключений рыцаря во времена средневековья.

Лайстерд ничего не сказал и снова наклонился к камину с щипцами в руке.

Эрге смотрел на блестящее темя, обвисшую толстую шею и думал: «Даст или не даст, даст, не даст».

Минуты через две (Эрге они показались часами) Лайстерд нарушил тяжелое, напряженное молчание.

Не сводя глаз с камина, он сказал по-прежнему спокойным голосом:

— Согласен. Я принимаю ваш подарок и одалживаю вам пятьсот тысяч долларов. Вам, разумеется, наличными, друг мой?

Запах наживы приятно щекотал мясистые грубые ноздри Сорокина. О, Сорокин знает, где чем пахнет. Сейчас, конечно, пахнет деньгами. И Сорокин настороженно, как верный пес, готовый к услугам, — всматривался в лицо Эрге.

Чертовски повезло Сорокину! Как же — самому инженеру Эрге, которому завидуют все эмигранты, которому сам Лайстерд, как равный равному, пожимает руку — потребовались его услуги. Больше того, он сам позвонил ему, сам напомнил о деньгах и вызвал на разговор к себе в кабинет.

Здесь воздух, кажется, пахнет деньгами. И немалыми! У Сорокина набирается полный рот слюны, он жадно глотает ее, и в глазах его мерцают радужные цвета долларов.

Эрге, окутанный ароматным дымом гаваны, будто сквозь вуаль с усмешкой вглядывался в лицо Сорокина и восторженно думал:

«Какой прекрасный образчик холуйства и мерзости. И впрямь, Господи, дивны дела твои».

— Я хотел бы, Сорокин, побеседовать с вами об одном серьезном, важном, даже почетном и ответственном деле, — начал наконец Эрге, спокойно, нарочито строго подчеркивая каждое слово, — мне кажется... что вы... вероятно, единственный человек... в нашей эмиграции, с которым можно... обсудить это дело.

Сорокин не успевал глотать клубки едкой слюны, от напряжения его бугристое угреватое лицо приобрело свекольный оттенок. Давясь слюной, он лепетал:

— Я от всего сердца благодарю гениального изобретателя за оказанную мне честь и полагаю...

Эрге, не слушая, прервал его болтовню:

— Еще раз подчеркиваю, дело ответственное и важное. И, прежде чем рассказать вам о нем, я должен взять с вас слово, что тем, о чем вы услышите сейчас от меня, вы сможете поделиться с другими лишь по моему разрешению и выбору.

— О, господин Эрге может всецело положиться на меня, как известно... — забормотал вновь Сорокин.

— Хорошо, — спокойно перебил Эрге, — с этим покончено. Я верю вам (Сорокин облизнулся). Итак: мне нужны сейчас несколько человек — люди надежные, мужественные, хорошо знающие Россию и в любую минуту готовые по моему приказу выехать за границу. Вы меня, думаю, поняли?

Еще бы Сорокин не понял! Чего бы стоил тогда Сорокин? Ясно, Эрге просто требуется несколько опытных шпионов. Пахнет деньгами. Сорокин не ошибся! Но надо пользоваться моментом. Такие моменты выпадают все реже. Нужно загрести как можно больше долларов.

Эрге не сводил глаз со своего собеседника. И Сорокину нелегко было под этим взглядом стереть с лица готовность услужить, напустить на себя выражение, так и говорившее: ох, и трудное, господин Эрге, дело, ох как трудно найти в наше время таких людей.

Сорокин деланно вздохнул, поднял вверх свои маленькие глазки, словно задумался над сложной, неразрешимой задачей.

Трудно было долго сохранять задумчивость и деланную напряженность, потому что острые глаза Эрге безжалостно кололи лицо. Вскоре Сорокин виновато посмотрел на инженера и нагло, но одновременно робко прошептал:

— Господин Эрге, дело нелегкое. Но я всем, чем сумею, помогу. Потребуется большие деньги.

Эрге строго остановил его:

— От этих забот я вас освобождаю.

Сорокин боязливо улыбнулся (дурак, так и клиента спугнуть недолго) и, стараясь загладить свое опрометчивое легкомыслие, наклонился ближе и таинственно понизил голос:

— Да простит меня господин Эрге, я совсем позабыл о Пауле. Вы слышали это имя? Нет? Удивительно... Это его кличка. Настоящая его фамилия — Брауде. Молодой и неуловимый дьявол. Двадцать лет, из всех переделок выходит честным и сухим, знает десять языков, Россию изучил, как свой галстук. Внешность ангела, первоклассный боксер, стрелок, пловец. Единственный недостаток — дорогой. Раз-

брасывается деньгами, как мусором — капризный. Но он сможет вам организовать таких молодчиков, что и в огне молчать будут, у него огромные связи за рубежом. — Сорокин еще больше понизил голос и почти благоговейно произнес: — Польская дефензива* предлагала ему постоянное место, он у них свой человек, — Сорокин хихикнул. — Рассказывают, однажды поляки задержали его, допрашивали, допрашивали — молчит, хоть бы слово. День молчит, два молчит, вызывают начальника пограничной охраны, заходит он, посмотрел и как воскликнет: «Пауль, черт тебя подери, ты откуда взялся?» — и давай обниматься и целоваться.

— Завтра этот Пауль сможет быть у меня?

— Ставлю двести долларов на то, что он будет здесь.

— Жду его в семь часов вечера. Ровно в семь.

Эрге поднялся с кресла, давая понять, что и гостю следует встать. Сорокин понял и с готовностью выпрямил свое длинное тело.

У дверей Эрге даже руку подал. Сорокин от счастья ступешевался и выгнулся ужом.

— Всего хорошего. Завтра в семь вечера здесь.

Сорокин пробормотал что-то о том, что господину Эрге не стоит напоминать, раз Сорокин пообещал, то будьте уверены, он этого Пауля из-под земли достанет.

* * *

На первое октября было назначено открытие «Колумбии», самого аристократического нью-йоркского мюзикхолла. За два месяца до открытия гигантские световые рекламы Бродвея кратко оповестили:

— Открытие осеннего сезона «Колумбии» состоится первого октября.

* В описываемое время — польская государственная организация, занимавшаяся контрразведкой и выполнявшая роль политической полиции.

За полтора месяца все газеты кричали, что в «Колумбии» на открытии сезона будет происходить нечто грандиозное и неслыханное.

За месяц до открытия в газетах появились статьи известных театральных критиков, сотни юмористов писали специальные юморески, громкоговорители ежедневно сообщали программу открытия и биографии актеров.

За неделю до открытия газеты запестрели портретами актеров и актрис и завели особые разделы под заголовком: «Мысли выдающихся людей Америки об открытии сезона в “Колумбии”». Тысячи репортеров охотились на выдающихся женщин Америки, на богатейших банкиров, на миллиардеров, чтобы выудить у них хоть два слова о предстоящем открытии «Колумбии». За три дня до открытия администрация «Колумбии» выкинула забавный трюк, объявив, что после долгих размышлений над программой открытия, учитывая интерес дорогих посетителей, ей, администрации, стало стыдно за неуважение к драгоценным гостям, а потому на экстренном совещании, с целью угодить уважаемым зрителям и наилучшим образом отблагодарить их за внимание и заботу, было принято решение кардинально изменить предварительно намеченную программу и в 5 часов утра была составлена новая, вдесятеро более обширная, оригинальная, блестящая, яркая, веселая.

Администрация собиралась преподнести эту программу зрителям в качестве сюрприза. Уловка имела успех. Три дня «Колумбию» штурмовали тысячные толпы, а цены на билеты подскочили до небывалых высот.

Первого октября кончался и срок командировки Мари-ча, и в этот день он собирался покинуть Нью-Йорк.

* * *

Еще утром администрация отеля отправила весь багаж в порт, формальности с документами уладили заранее, так что до отплытия парохода у Мари-ча оставалось довольно

много времени. Это время он решил посвятить последней встрече с Гиной.

Марич боялся этого момента, пытался не думать о нем, гнал от себя все мысли, что хоть чем-нибудь могли напомнить о прошлом, знал, что сегодня он должен поставить над прошлым точку, и будет ему больно или нет — не важно, — обратного пути нет.

Он стал представлять, как пройдет их последняя встреча, как он открыто скажет ей простое слово — «прощай», крепко пожмет руку. Но как только он начинал думать об этом, мысли делались непослушными, не желали повиноваться придуманному им сценарию, начинали рисовать совсем иную картину прощания, нежную, болезненную, волнующую.

Марич стиснул зубы. Какая глупость. Будто два человека сидят в нем, враждебные и непримиримые, пытаясь обмануть друг друга.

Тогда он пошел на хитрость. За два часа до отплытия парохода решительно подошел к телефону. Как только протянул руку к аппарату, забренчал звонок. Удивленно подумал: «Кто может звонить?»

— Алло!

Лицо побледнело, потом розовые пятна пошли по щекам. Узнал знакомый голос. Голос Гины звучал в ухе далеким нечеловеческим шепотом.

— А знаете что? Я хочу вас видеть. У нас сегодня открытие, есть лишний билет, вы сможете быть, конечно?

— Нет. Я сегодня уезжаю, — сказал и не узнал своего голоса, будто кто-то отвечал за него глухо и неровно.

Трубка безжизненно молчала. Стало слышно особенный, способный иногда испугать шелест тишины. Опять глухо:

— Пароход уходит в 5.20, я буду ждать вас.

Трубка молчала. Напрасно он напряженно вслушивался. И только потом чей-то голос неожиданно прошептал:

— Мисс Марич, вы так бледны, вам плохо?

Марича закружил на пристани водоворот толпы. В воздухе плотно сплелись раздраженные возгласы, слова прощания, приказы команды, рев сирен.

Грузный океанский гигант «Мажестик» тяжело сопел и нервно подрагивал. Пустая еще полчаса назад палуба гудела теперь людскими голосами, пассажиры перегибались через борт, складывали рупором ладони:

— Джо, мальчик мой, не грусти!

— Фифи, зачем прячешь глаза, ай-ай-ай, разве можно плакать!

— Я пришлю телеграмму!

— Джо, мальчик мой, слушайся маму, води себя хорошо!

— Ключи в комод, ключи в комод!

По другой бок парохода лежал Гудзонов залив, густо усеянный катерами, паромами, яхтами. Но туда никто не глядел, все глаза были прикованы к пристани.

Марич, сдавленный беспокойной, раздражительной толпой, не замечал шума и суеты. Ежеминутно вынимал часы, смотрел, не замечая цифр на циферблате, и повторял сам себе упрямо и строго:

— Пятнадцать минут, пятнадцать минут.

Стрелка, спокойная и неумолимая, давно уже миновала цифру пять. «Пятнадцать минут, пятнадцать минут, — нервно выстукивали мысли, — пятнадцать минут».

Первый сигнал усилил гомон, суету и напряженность. Из трех черных труб повалил облаками рыхлый дым, похожий на хлопок.

Гины не было. Напрасно напрягал зрение, поворачивался во все стороны, бесстыдно всматривался в женские лица — бесполезно. Тело сжали безумные объятия тоски, раздавили заранее подготовленный, намеченный умом сценарий последней встречи.

Поднялся по крутому трапу, шатаясь, как после болезни, с трудом передвигая ноги, не веря себе. На палубе подошел к борту, вздрогнул и наклонился вперед.

К пристани бешено подскочило авто, из него стремительно выскочила знакомая женская фигура, и он скорее инстинктивно узнал Гину.

Поздно! «Мажестик» вздрогнул. У бортов зашумела вода и легла ржавой пропастью между пароходом и пристанью.

В бинокль видел широко раскрытые глаза, они быстро, как в тумане, исчезли, и фигура таяла и теряла очертания.

Далеко позади остались доки, корабельные мачты, Бруклинский мост; удалявшийся Нью-Йорк казался скалистым островом.

Марич слепо глядел вперед, ничего не видя, ничего не замечая. Он даже не заметил, как за минуту до отплытия парохода, вслед за авто, привезшим Гину, примчалось второе, из него легко выпрыгнул запоздавший пассажир среднего роста с небольшим коричневым чемоданчиком. Когда уже поднимали трап, он ловко и смело, под аплодисменты публики, перескочил через воду и очутился на пароходной лестнице.

* * *

Гина нетвердым шагом вошла в свою уборную, с трудом опустилась на диванчик. В зале бесновался джаз. В уборную долетали отдельные высокие ноты и грохот барабана. Голова устало упала на руки.

«Колумбия» тонула в электрическом ливне разноцветного огня. Световые рекламы пламенно чертили одно только слово: «Колумбия», «Колумбия», «Колумбия».

Джаз неистовствовал. Казалось, гудит метель, воеет нечеловеческим стоном, точно так же, как восемь лет назад в глухой тайге. И так же кажется, что вокруг простирается страшная холодная пустота.

Гина вздрогнула. Напротив стояла тихая служанка:

— Мисс, вам пора одеваться. Позвольте принести одежду.

Подняла глаза и покачала головой:

— Нет, Эли, не надо. Я сегодня не выйду на сцену.

Лицо Эли передернул ужас: «Что говорит мисс? Мисс сошла с ума!»

Минуту спустя вбежал испуганный директор:

— Боже мой, что случилось? Мисс Марич, неужели вы хотите опозорить «Колумбию»?! Одну, одну песенку, только одну. Одну маленькую песенку! Сегодня у нас сливки Нью-Йорка. Не верю и верить не желаю! Через три минуты я вернусь. Уверен, мисс Марич будет уже одета.

Он озабоченно выбежал прочь.

Эли молча стояла и услужливо подавала одежду. Гина чувствовала, как билась в голове назойливая мысль: «До чего тоскливо, до чего тоскливо».

Служанка осторожно начала натягивать на ноги золотые туфельки, — ноги мисс были вялыми и безвольными.

...Черной пропастью показался глубокий знакомый зал. Гина подошла к самому краю; казалось, сделаешь шаг — и полетишь в бездну. Будто простерся безбрежный океан, а где-то вдали мигает огонек парохода. Вспомнила популярную уличную песенку про Мези и капитана Джо. И неожиданно даже для себя, Гина запела песенку о том, как Мези увидала на пристани капитана Джо, увидала и заплакала от радости. Затем капитан Джо улыбнулся Мези, и она заплакала от счастья, а когда капитан Джо отправился в поход — Мези зарыдала от горя.

Тихий мучительный финальный аккорд песни полетел в черный зал. И в тот же миг черный провал взорвался людским несдержанным ревом удовольствия, бешеными аплодисментами, дикими криками. Вежливые, тактичные джентльмены перегибались через стулья, бортики лож, кресла, широко разевая рты и издавая довольные звуки. Зал бушевал, зал буквально ревел от радости.

Как же, невероятно, неслыханно! Талант! Прекрасная Регина Марич сегодня так бесподобно пела, так бесподобно всхлипывала, так бесподобно роняли ее глаза настоящие неподдельные слезы!

Оглушенная аплодисментами, болезненно улыбаясь, Гина нетвердой походкой скрылась за кулисами. Позади

бушевали аплодисменты, возгласы, рев. Такой успех выпал ей впервые в жизни.

В уборной села против огромного, во всю стену, зеркала, безразлично наблюдала, как из глаз текли одна за другой прозрачные, кристальные слезы. «Как тоскливо, как больно, какая пустота».

В зеркале заметила согнутую фигурку Эли, худенькие плечи служанки часто вздрагивали — она тоже плакала. И неожиданно близкой, нежной стала эта тихая, худенькая девушка. Гина тихо повернула к ней голову.

— Вы плачете, Эли?

Девушка всхлипнула.

— Да, мисс.

— Значит, Эли, вы тоже любили?

— Да, мисс.

— И вам было больно.

— Да, мисс — он не любил меня.

Гина утерла слезы и сама по-детски всхлипнула.

— Мне хуже, Эли — он любил меня.

Эли удивленно поглядела на мисс — иногда она совсем не понимала свою госпожу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Двадцать три (да еще и неполных) года, крепкий, тренированный организм, веселый непоседливый нрав плюс май и любовь волей-неволей обязывали Аскольда быть сто-процентным оптимистом.

Да и откуда мог взяться чертов пессимизм, когда все мышцы наполнены неудержимой молодой силой, в русой кудрявой голове тысячи планов и проектов, и все желания и перспективы стоят близко и четко, перед самым носом, кажется — протянул руку и готово — все желания в цепких молодых пальцах.

А ко всему этому над городом раскинулся май и Аскольд не сегодня-завтра должен жениться. Последние дни он ходил как наэлектризованный этой мыслью и даже, идя по улице, начинал ни с того ни с сего улыбаться людям, которых видел впервые.

Черная душистая майская ночь застала сегодня Аскольда на скамейке перед дверью его квартиры. Он присел отдохнуть и немного умерить бьющую через край радость. Но спокойствие никак не приходило — напротив, несмотря на все усилия, мысли начинали водить в голове бешеный хоровод.

Завтра — Загс! Черт возьми, такое короткое и, кажется, простое слово, а какое приятное. Аскольд почувствовал, как его и без того переполненное счастьем тело вновь наполнилось непрерывным кипением. Еще немного, и он начнет прыгать на одной ноге, как школьник, или ходить вниз головой на руках. Кажется, пояись кто — и он предложит незнакомцу померяться силами.

Аскольд сорвался со скамейки, выпрямился, хрустнул мышцами и решительно дернул за ручку звонка.

Легко перепрыгивая через ступеньки, направился к себе в комнату.

Комната Аскольда и все ее убранство как нельзя лучше отражали характер хозяина и те двадцать две профессии,

что он перепробовал (и, как водится, забросил) за свой короткий век.

Соседство с сапожной мастерской довело десятилетнего Аскольда до того, что он ушел из подготовительного класса гимназии, решив, будто нет на ничего приятнее жизни сапожника. Два месяца — и он научился довольно прилично сучить дратву и тачать сапоги. Но, к великой радости матери, вскоре разочаровался, опять захотел в школу.

Конечно, скоро вновь заскучал. Но здесь история пришла на помощь Аскольду — гимназию закрыли. Тогда он с радостью начал торговать семечками, папиросами, а после жизнь его стала такой, какую увидишь разве что на киноэкране. За 12 лет он успел поучиться в трех техникумах (конечно, не закончил), в четырех профшколах (тоже не закончил), поменял десяток должностей, мечтал стать ученым, а потом захотел слесарить. Начал писать стихи, изучал химию, учился на кооператора, интересовался педагогикой, увлекался медициной, играл в театре, работал в газете репортером и, в конце концов, решил стать кинооператором.

И всюду не без успеха. Увлечшись каким-нибудь делом, тратил все деньги на соответствующую литературу, просиживал ночи. Удивлял всех, и все были уверены, что растет талант. Надежды были, разумеется, напрасны.

И единственное, что никогда не надоедало, что всегда волновало непоседливую натуру, влекло, заставляло забыть обо всем на свете — это путешествия.

Аскольд зажег свет и отворил окно. Ночь вторглась в комнату влажным холодноватым воздухом и обняла своими лапами русую взбаламученную голову. Неподалеку шевелился и тяжело дышал темный ботанический сад, с его дыханием врывалось в окно соловьиное щелканье и далекое кваканье лягушек. Где-то вдали, за садом, высекал искры и громыхал запоздалый одинокий трамвай.

Аскольд, вспоминая подробности сегодняшнего дня, неподвижно стоял перед окном, мечтательно и немного глупо улыбался черной ночи.

Не помнил, сколько так простоял. Побеспокоили соседские часы: хрипло зашипели, потом ударили дважды. Аскольд легко повернулся на каблуках и обвел глазами свою комнату. Остановил взгляд на противоположной стене, увешанной фотографиями и этюдами. Губы вновь расплылись в неудержимой улыбке. Из пяти черных рамок на него глядела одна любимая, знакомая наизусть девичья головка.

Вот одна головка смотрит, овеянная мукой ожидания; вторая чуть улыбается полными губами, третья, высоко подняв брови, сверкает белыми зубами, дразнясь, показывает кончик языка.

Аскольд подошел ближе, постоял минуту, рассматривая знакомые дорогие черты, потом подошел к зеркалу. На него дружелюбно глянуло свежее молодое лицо с растрепанными волосами, по-детски возбужденное и веселое. Схватил себя за нос и радостно спросил:

— Значит, женимся?

В это время с улицы кто-то застучал в дверь и грохнул чем-то деревянным. Аскольд подскочил к окну, перегнулся на улицу.

— Кто?

— Телеграмма и деньги.

— Кому?

— Горскому.

Удивленно переспросил:

— Горскому?!

Снизу спокойный и равнодушный голос подтвердил:

— Ну да, Горскому.

Стремглав метнулся открывать двери. Низенький, усатенький и толстенький почтальон, пряча глаза под козырек, протянул телеграмму. Аскольд прочитал раз, прочитал второй, не верилось. В третий раз прочитал:

«Экспедиции нужен кинооператор Немедленно первым поездом Москва Метрополь 20

Горский».

Почтальон ушел, Аскольд прикрыл дверь, достал из кармана кучку купюр и, прикусив верхнюю губу, растерянно застыл посреди комнаты. Постоял с минуту, не больше. Встряхнулся, пересчитал деньги, старательно спрятал в карман, забегал по комнате, не зная, за что раньше взяться. Решено! Конечно же, он едет!

* * *

— Болван, дурак, какого свет не видывал. Дубина стое-
росовая, о чем ты только думал?!

Этими красноречивыми эпитетами награждал себя озабоченный, вспотевший Аскольд.

Харьков, еще свежий, незадымленный, еще сырой от ночной прохлады, с вымытыми тротуарами, нежился, щурясь тысячами окон на ослепительном утреннем солнце. Многоликая толпа на Свердловской улице (улица уже гомонила и была полна шумом, гулом и лязгом) оказывала нешуточное сопротивление тяжело нагруженному оператору.

Он извивался ужом, обходя прохожих, соскакивал с тротуара на мостовую, семенил по неровной брусчатке (проклятый рыжий чемодан мешал широко ступать!). Опять возвращался на тротуар, толкал встречных, бросал по сторонам «простите, пожалуйста» и слышал вслед — «нахал, вахлак». Вспоминая, что сейчас чуть ли не восемь утра, что поезд отходит ровно в девять, что билета в кармане нет, а Майя... (дорогая, любимая Майя ничегошеньки не знает об отъезде), Аскольд готов был швырнуть на мостовую чемодан и даже дорогой спеленатый «Септ» и отхлестать себя по щекам.

«Вот же разиня, — мысленно укорял себя, — промучиться целую ночь и ничего не сделать, напихать в чемодан ненужный хлам и только в семь часов утра вспомнить о Майе и билетах». Аскольд злобно закусил губу, яростно скрипнул

зубами: «Вчера о Загсе распиная, соловьем пел, а сегодня, не предупредив даже, убегает из города».

Бежал и искал глазами телефонный автомат. У аптеки остановился, загородил на мгновение чемоданом узенький тротуар и еле протиснулся узкие двери. Схватил трубку и дико и нетерпеливо закричал:

— 60-53! Товарищ, 60-53! Что?! Занято! О-о-о-х!

Протиснулся назад и вновь двинулся по улице. На ходу тихонько проклинал тяжелейший чемодан, предусмотрительно рассыпал по сторонам извинения, зная заранее, что услышит в ответ все то же: «нахал» да «вахлак».

Пробегая мимо витрины с часами, косо, одним глазом робко глянул на стрелки и вдруг почувствовал, как по горячей мокрой спине пробежал холодок — половина девятого!

Бухнул чемодан на сырой асфальт. За углом промелькнул черный таксомотор. Аскольд диким, не своим голосом, как погибающий, завопил:

— Такси!

Машина с готовностью повернула к нему, вежливый шофер с рыженькими усиками ловко открыл дверцу.

— Куда?

— Вокзал.

Рыженькие усики ощетинились, приветливые карие глаза спрятались под лоб и колюче осмотрели Аскольда с ног до головы.

— Куда?!

— Вокзал.

— Ты что, из Сабурки?*

Машина задрожала, фыркнула бензином под ноги, резко сорвалась с места и понеслась вдоль улицы.

Некоторое время Аскольд ошеломленно смотрел вслед черному такси, а когда подхватил чемодан и рванулся дальше, густо покраснел, — теперь только понял, отчего разозлился шофер. Прямо за углом серел вокзал.

* Имеется в виду т. наз. «Сабурова дача» — психиатрическая больница в Харькове.

Аскольд колебался. Справа черная рука, выпятив палец, указывала: «Телефонный автомат», слева топталась плотная и длинная, сердитая, злая очередь в кассу. Победила, как и следовало ожидать — любовь. Дрожащими пальцами он никак не мог попасть гривенником в тоненькую щелочку автомата.

— 60-53! Товарищ, пожалуйста, 60-53! Что? Спасибо! Маюся. Я! Где? На вокзале! Любимая, сейчас, сейчас же, немедленно. Не спрашивай, немедленно! Московский перрон!

Аскольд почувствовал, как незримый груз сдвинулся и упал с его плеч. Легко подхватил чемодан (милый, дорогой рыжий чемодан). В голову пришла блестящая мысль. Зачем очередь, без очереди! Спокойно, Аскольд Петрович, пятнадцать минут в вашем распоряжении.

Нашел глазами серую с зеленой полосой фуражку агента. Мгновенно подскочил к нему.

— Без очереди.

Агент безразлично прошелся взглядом по одежде.

— Документы?

Прочитал телеграмму. Она не произвела, к сожалению, должного впечатления. Агент вяло сказал:

— По телеграмме нельзя. Надо документы с печатью.

В глазах у него на миг мелькнуло: «Много вас таких с телеграммами».

Аскольд понял, что попал на упертого и проигрывает бой. Хотел сказать какое-то страшное слово, но никак не мог подыскать.

— Это научная командировка. (Поздно, не так надо было, дело проиграно).

Агент дважды упрямо покачал головой:

— Нельзя, сказал, значит — нельзя.

Знакомый холодок опять пробежал по взмокшей спине. Растерянно и ошеломленно огляделся, ища поддержки. Сбоку приветливые незнакомые глаза пристально всматривались в его лицо.

Незнакомый человек с молодым чисто выбритым лицом, в сером коверкотовом костюме и фетровой мягкой шляпе, приблизился к Аскольду.

— Простите, товарищ, вам в Москву?

— Да, в Москву.

— У меня лишний билет, товарищ должен был со мной ехать и заболел.

Незнакомец показал большой зеленый билет международного вагона. Аскольд покраснел — растерялся:

— Но у вас купе международного, а я хотел...

— Уступлю его, как обычный, за тринадцать.

Мгновение Аскольд колебался. Раздумывал — мошенник или нет? Да нет! Говорит громко, спокойно, рядом стоит агент. Аскольд вытащил кошелек.

Шум вокзала пререзал пронзительный звонок и усатый, похожий на моржа дежурный, широко раскрывая рот, низко загудел:

— Пе-е-рвый звонок — Белгоо-ород, Ку-у-урской. Оре-о-ол. Ту-у-ула... Моск-ва, — и уже потише добавил: — Поезд стоит на первом пути.

Аскольд поспешно протянул деньги:

— Прошу.

Незнакомец безразлично отвел его руку:

— Потом. Мы же с вами же в одном купе, поспешите, дайте помогу.

Аскольд со своим спасителем направились к первой платформе.

.....

Резко застрекотал свисток, ему с готовностью ответила мощная глотка черного паровоза. Поезд вздрогнул. В конце платформы из вокзального лабиринта выбежала девушка в белом. Аскольд повис на лесенке, свесился всем телом вперед.

— Майя, Маюся!

Поезд выпрямился, лязгнул буферами — тронулся. Девушка сразу остановилась, лицо ее передернулось от злости.

Аскольд, размахивая рукой, кричал:

— Майя, Маюся! Телеграмма... Немедленно ехать. В Загс сейчас же, как только вернусь.

Он еще что-то кричал, но голос терялся в шуме колес и до девушки долетали лишь разорванные невнятные звуки.

Стоглазая перронная толпа удивленно и нагло созерцала странную сцену. Поезд, выгибая зеленую спину, быстро исчезал за вокзальными постройками. Девушка тихо двинулась в конец перрона. Злость медленно таяла на лице. Печаль, подернутая болью, заволокла ее темные глаза.

Смотрела вслед поезду скорбно и строго. А когда дошла до конца, застыла и сказала:

— Сумасшедший, любимый мой...

* * *

В романах авторы, показывая читателю героя, допустим, через полгода после психологической драмы, всегда глубокомысленно отмечают, что герой очень изменился, новые морщины легли на его благородное чело, в глазах затаилась грусть и скорбь.

К сожалению, а может, и к радости, дорогие читатели, о Мариче этого сказать нельзя. Мы оставили его без внимания с первого октября минувшего года, а сейчас уже начало мая, но за это время он ничуть не изменился. Высокий лоб его отнюдь не покрылся новыми морщинами, глаза вовсе не излучают грусть и скорбь. Некогда скучать, некогда испускать скорбные лучи, потому что все существо кипит напряжением и силой.

С третьего этажа «Метрополя» видна радостная, шумная площадь. Солнце растапливает последние кучки почерневшего снега. Видны счастливые (по причине весны и солнца) прохожие, видно, как на деревьях суетятся грачи, а на крышах, лихо распутив крылья, прыгают воинственные воробы. На тротуарах кое-где уже мелькают клетчатые блузы задорных физкультурников.

Площадь радовалась запоздалой московской весне, не радовался только Марич. Он стоял у широкого окна, напряженно размышляя, проверял — сделал ли все, что наметил с утра. «Кажется, все, — в десятый раз думал он, — оружие, одежда, приборы, еда... еда... Что еще... Кажется, все. Да, все. Лишь бы Валентин Андреевич покончил с делами, и в путь».

Внизу на улице высокая знакомая фигура, держа под руку женщину и шагая озабоченно и широко (спутница едва успевала семенить за своим кавалером), пересекла трамвайные пути. Оба исчезли у центрального подъезда отеля.

Марич узнал Горского и пошел навстречу, к лифту. В последние дни ученик и учитель, занятые делами экспедиции, понимали друг друга без слов, и разговоры их обходились почти без вопросов.

Аккуратно подстриженный, с подрезанной, подбритой бородкой, профессор Горский казался еще более высоким и сухим. Пропуская вперед молчаливую Клавдию Марковну, он будто предчувствовал, что Марич встретит его и у самой дверцы лифта деловито сообщит:

— Все в порядке, можно ехать.

— У меня тоже все готово, но телеграммы от Аскольда пока нет.

Горский разделся, стал посреди номера и на минуту задумался, глядя поверх очков за окно. Марич выжидал.

Ученый смотрел на ясное небо с белыми стайками облаков, на залитые солнцем крыши Москвы. Затем недовольно мотнул головой.

— Задержали нас, эх, задержали. Видите, что делается? Весна. Сегодня же необходимо выезжать, иначе все полетит к чертям. Аскольд пусть догоняет.

Горский посмотрел на удивленное лицо своего помощника, который словно бы спрашивал: «Как это так — догоняет?» Улыбнувшись, обратился к жене:

— Клавус, наш дорогой Виктор Николаевич не знает Аскольда, — и, повернувшись к Маричу, добавил, — представьте себе создание, у которого при слове «путешествие» начинает течь слюна, рефлекс, так сказать. Мы оставим ему

письмо... Не то и на этот раз придется обойтись без оператора.

Профессор вновь задумчиво посмотрел на ясное весеннее небо.

Да, надо спешить, иначе будет поздно. Весна запоздала, нужно считать даже не дни — часы. Профессор вспомнил далекую Ангару: тысячи километров протянулись в даль и тысячи мелких преград еще встретит экспедиция. Вот такие мелкие препятствия все время путаются под ногами. Они задержали его до самого мая в Москве, когда давно уже нужно было быть, по крайней мере, хотя бы в Тайшете.

Деньги, срочно ассигнованные еще в марте, учреждения каким-то образом умудрились выдать только вчера, и то лишь половину, и только сегодня — остальное.

Клавдия Марковна сидела в углу, примостившись на большом пакете, молчаливо и тоскливо глядела на своего любимого «мальчика».

Наряду с непомерной любовью она ощущала боль и волновалась больше него. Ее тревога была болезненней, беспокойней волнений ученого. И вот сейчас, когда он радуется победе, она тоскливо думает, что где-то там, в тайге, за тысячи километров от человеческого жилья, он будет самоотверженно тратить остатки своего здоровья, быть может, в грязи, в холоде, голоде, забыв о ней, а она в это время будет одиноко просиживать долгие вечера в пустом кабинете. Робкая ревность тихо сдавила сердце — глаза заблестели слезами. Горский посмотрел на женщину и, заметив слезы, быстро подошел, нежно обнял и удивленно сказал:

— Клавсик, разве можно плакать, наша взяла, ты пойми: за Азиатским аэролитом еду, — и платком начал нежно утирать ее слезы.

За этим занятием их застал Марич, вышедший заказать грузчиков.

— Ишь, на старости лет милуемся, — улыбнулся Горский и в шутку спросил: — А скажите, Виктор Николаевич, и по вам кто-то слезки проливать будет?

Марич в ответ мрачно улыбнулся.

Аскольду впервые в жизни довелось ехать (и так неожиданно) в международном вагоне.

Он пытался не упустить ни единого движения незнакомого гражданина и с точностью до одной сотой искусно копировал их. И как же, к чертям, не копировать, когда вокруг тебя все блестит, сверкает, а ты не знаешь, как с этим всем обходиться.

Рассматривая большие зеркала, мягкие диваны, электрику, умывальник, удобные полки, Аскольд удивленно и восхищенно думал: «Чего только не придумала наука и техника».

А товарищ уже спокойно разделся, небрежно забросил на полку чемоданчик и, закулив папироску, приветливо обратился к нему:

— Может, познакомимся?

Аскольд засуетился, покраснел, торопливо заговорил, пожав протянутую руку:

— Вот остолоп, так закрутился. Аскольд Горский.

— Павел Самборский. В Москву?

— Да.

— По делам?

— Собственно, не в Москву. В Сибирь. В Москве должен присоединиться к экспедиции в качестве оператора. Может, слышали, экспедиция на поиски Азиатского аэролита.

— Конечно, слышал, прекрасная идея, завидую вам.

— А вы москвич?

— Как вам сказать, — и москвич и нет.

— Интересно. А где же работаете?

— Я разъездной корреспондент «Научной мысли», вот из Сванетии возвращаюсь.

— А-а, — обрадовался Аскольд, — значит, и вы перелетная птица?

— Как видите. — Самборский встал, одернул пиджак и спросил: — Конечно, не завтракали? Так, может, в ресторан пойдем?

Аскольд покорно и радостно согласился. Шагая позади статной фигуры своего нового товарища, который так неожиданно и бескорыстно спас его, Аскольд с присущей ему искренностью и легкомыслием окончательно решил, что молодой журналист парень свойский, в доску, и вообще прекрасный человек всесоюзного масштаба.

В ресторане Самборский занял уютный уголок и, взяв в руки меню и карту вин, лукаво спросил Аскольда:

— Вы как, перед завтраком по рюмочке коньячку, а? Я грешным делом того... немного, иногда. Согласны?

Аскольд согласился.

— Бутылку сараджевского, — компетентно бросил Самборский официанту, — лимон с сахаром.

Аскольд никогда не пил коньяка и поэтому с радостью согласился выпить, и грех было отказаться — ведь он всеми силами старался показать, что тоже не лыком шит.

До сих пор он, когда случалось выпивать с товарищами, чаще всего глушил пиво и мог выпить солидное количество бутылок; поэтому, чокнувшись с Самборским, он едва не задохнулся от крепкого напитка.

После второй рюмки он уже умудрился так наловчиться, что жидкость клубочком исчезала в горле, а ломтик подсахаренного лимона приятно освежал рот.

После третьей Самборский лукаво спросил:

— И не жаль вам было оставлять русую дивчину?

Вопрос приятно поразил и вместе с тем наполнил его уже затуманенную алкоголем голову легкой печалью, и он, вздохнув, наклонился к товарищу, чтобы поведать о своем горе и радости.

Самборский налил ему и себе по рюмке. Аскольд захватски выпил, и этот, недавно совсем незнакомый человек, показался ему вдруг таким близким и родным, что и вымолвить трудно; пьяно, сразу перейдя на «ты», он нежно обратился к журналисту:

— Эх, Павлик, первый раз в жизни так влюбился. И ты пойми, сегодня в Загс должны были пойти, и пошли бы, если бы не телеграмма от дяди. Погоди-ка, ты не знаешь, кто у меня дядя — дядя, братец, у меня большой человек,

известный, слышал о профессоре Горском, том, который в 1918 году объявил в прессе, что он большевик? О! Так понимаешь, вчера вечером — соловьи поют, воздух пахнет, любовь грудь распирает, вот мы и решили пожениться. Как пришел домой — бац! телеграмма и деньги — «приезжай немедленно» и т. д. А я эти экспедиции так люблю, как... Нет, сравнения не найду. Мучился, мучился, не выдержал. А ты бы выдержал — не куда-нибудь, а за Азиатским аэролитом, знаменитым, легендарным небесным камнем, за тысячи километров, в непроходимые таежные дебри, где не ступала нога белого человека, а? Ты бы не поехал?

Аскольд выпил еще рюмку и мутными скорбными глазами уставился на друга. Тот, качая в знак согласия головой, искренне сочувствовал. И гладкое, красивое лицо Павла лицо стало Аскольду еще милее, еще ближе. Он наклонился к нему и вдруг умоляюще вскричал:

— Павлушка, знаешь что, прости меня, зебру полосатую, знаешь, поехали со мной. Ну что тебе? Бери задание от редакции и кати! Мы же вдвоем горы свернем, тайгу переломаем. Ну? Поехали? Никто не будет против. Я тебе такую аттестацию для дяди дам, ну! Дядя — это же человек! Павлушечка, едем? Амба, едем, и не говори, ты писать будешь, а я буду снимать! Иди, я тебя обниму. Ну дай хоть руку пожму!

Он окончательно опьянел и положил голову на руки. Самборский, заплатив за завтрак, взял его легонько под локоть и повел в купе. Аскольд покорно шел и лишь тихо бормотал себе под нос:

— Факт — едем! Решено и подписано. Ты будешь писать, я буду снимать... Горы сворачивать будем и тайгу ломать. Ей-богу, ломать. Подъедем к кедру столетнему, как наляжем, хрясь и нету! Накажи меня Рабкрин, ломать!

* * *

— Значит, Аскольд, ровно в три у меня — обед, до тех пор я любой ценой выбиваю командировку, деньги и айда

в советские джунгли. А если что случится — звони 21-23. Пока!

— Пока!

Друзья простились и с Курского вокзала двинулись в разные стороны. Самборский домой и в редакцию, Аскольд в «Метрополь».

За пятнадцать минут молодой оператор на таксомоторе добрался до гостиницы. Извлек аппарат, чемоданчик и стал неподвижно на тротуаре, дав волю невеселым мыслям.

Эх, Аскольд, Аскольд, ты все же самый что ни на есть классический образец легкомыслия и неблагодарности! Крутую ты заварил кашу. Ну вот, скажем, заходишь ты в гостиницу, встречаешь дядю, здороваешься и так далее. Дядя суетится, радуется, вечером экспедиция отправляется в путь, а ты тогда несмело:

— Видите ли, дядя, тут такая история, я не один.

— Как не один?

— Да со мной товарищ еще, журналист такой хороший, Самборский, я ему предложил присоединиться к экспедиции.

— Ты предложил?

— Гм, я.

— А меня ты спросил?

— Гм, нет.

— Так кто же, по-твоему, глава и начальник экспедиции — ты или я?

Аскольд представил, как нахмурится доброе лицо дяди, как встопорщатся густые с проседью брови и усы, и беспомощно вздохнул. «Дурачина, и что же ты скажешь в ответ?» Неприятное чувство стыда охватило Аскольда.

— Да, действительно, каша крутая, и как же в глаза Павлу смотреть, если дядя категорически откажется принять его в состав экспедиции, потому как не так-то это просто: сел и поехал. Эх, черт возьми, историйка!

Павел (прекрасный, учтивый, умный Павел) непременно решит: «Трепло, болтун, брехло».

— Ну и дурак же, — подумал вслух Аскольд и, еще раз глубоко и безнадежно вздохнув, побрел, как на казнь, к две-

ри гостиницы.

— Извините, пожалуйста, какие номера занимает экспедиция профессора Горского? — обратился оператор к швейцару. — Я участник экспедиции — оператор, только что прибыл из Харькова.

Швейцар важно осмотрел поверх очков Аскольда, прищурился, будто что-то вспоминая и, помолчав, безразлично ответил:

— Профессора Горского, стало быть, нет, вы опоздали. Вчера экспедиция выехала из Москвы.

По спине Аскольда поползла холодная волна и он удивленно раскрыл глаза.

— Как же так, а я?! — беспомощно и наивно спросил он швейцара.

Тот усмехнулся и пожал плечами:

— Кто его знает, как хотите. Да здесь вам письмо оставлено, кажется.

Аскольд хищно схватил рыженький конверт, впопыхах разорвал и нетерпеливо уставил глаза в мелко написанные знакомым почерком строки.

«Аскольд!

Нам пришлось отправиться без тебя, так как возможности ждать больше нет. Если приедешь в Москву и будешь располагать силами и желанием — немедленно выезжай вслед за нами. Если согласен догонять, телеграфируй на ст. Тайшет на имя экспедиции, в Кежме мы будем ждать тебя один день.

В. Горский

3/V Москва».

Прочитав это краткое сообщение, Аскольд и на сей раз вздохнул, но уже радостно и облегченно, как человек, сумевший выпутаться из неприятной истории. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Оператор нашел глазами телефон и бросился к нему:

— Станция! 21-23. Спасибо. Алло! Самборский? Нет его? Хорошо. Скажите: буду в три ровно. Завтра отправляемся в путь. Скажите, Аскольд звонил — он знает.

* * *

Аскольд свернул с Чугунного моста и пошел налево вдоль балчутского берега, время от времени заглядывая в бумажку с адресом квартиры Самборского.

Миновав домов десять, остановился перед неряшливым красноватым трехэтажным зданием. Стены его, очевидно, давно скучали по извести и кистям маляров — дом стоял облупленный, побитый непогодой, и огромные, подобные лишаям, пятна густо серели на его фасаде.

Внизу над широкой — как в прачечных и тому подобных заведениях — дверью потертая и грязная вывеска извещала, что мужской портной Пинхус Мейзман шьет здесь мужские костюмы.

Аскольд остановился, сверился с бумажкой и сказал себе:

— Дом 10, кв. 6. Так точно — 10, 6.

И, постояв еще немного, решительно направился к широким дверям.

В просторном, разделенном невысокими фанерными перегородками и похожем на лабиринт зале Аскольда встретила невысокого роста девушка, краснощекая, рыженькая. Она мило улыбнулась и предупредила его:

— Вы к Павлу Николаевичу Самборскому? Прошу. Он говорил, что вы придете.

Аскольд и сам ответил теплой улыбкой:

— Спасибо. К нему.

— Вы, наверное, звонили?

Девушка повела его в комнату Павла.

В небольшой комнате с мягкими диванчиками горело электричество (окно помещения выходило на темный узкий

проход). Самборский стоял, склонившись над большим кожаным чемоданом.

Он резво повернулся к Аскольду и радостно вскричал:

— Все устроил, хоть сейчас к твоим услугам. Редакция руками и ногами за. А у тебя как?

— Хорошо. Но, друг...

Самборский успел опередить:

— Мы опоздали.

— А ты откуда знаешь?!

— Ого, это вся Москва знает.

— Я застал лишь письмо, ты согласен догонять?

— Зачем же я тогда готовлю свой такелаж? — ответил Самборский и помолчав немного, нерешительно спросил:

— Но знаешь, Аскольд, у меня к тебе вопрос. Вот скажи, ты уверен, что дядя не будет иметь ничего против, если мы будем вдвоем? Говори откровенно.

Аскольд, напустив на себя равнодушный вид, спокойно помотал головой.

— Ну вот еще! Пустяки! Если хочешь, я тебя не только журналистом, а еще и своим помощником представлю. Согласен?

Самборский засмеялся:

— В таком случае, лапку, — и, пожав руку, добавил: — А теперь должен сообщить, что... отважных и смелых путешественников Аскольда Горского и Павла Самборского ждут друзья, жаждущие в последний день с ними отобедать, а возможно, и...

— Но как же, дружище?! — удивился Аскольд и, окинув взглядом стройную фигуру Павла в блестящем белом воротничке и свою (отражалась в зеркале) в косоворотке, в мятых серых штанах, простоволосую, покраснел и замотал головой. — Как-то то неудобно. Потому что я, видишь ли...

— Ничего, прошу в столовую. — И, приобняв за плечи Аскольда, повел его из комнаты снова в зал, разделенный фанерными перегородками, а оттуда темным, длинным коридором в столовую. В конце коридора Павел ткнул рукой куда-то вбок, и Аскольд растерянно остановился на пороге просторной комнаты.

Красный, сконфуженный, Аскольд растерянно вошел в комнату, до крайности смущенный присутствием незнакомых людей в летах, которые сидели за длинным, уставленным тарелками, закусками и винными бутылками столом и, видимо, ждали их.

Павел начал представлять своих друзей.

Дородного лопоухого лысого мужчину Павел отрекомендовал своим дядей, хозяином квартиры, девушку, что встретила Аскольда — кузиной, смуглого худого гражданина с черными ровными бровями и английскими усиками над крепкими губами представил помощником директора Всесибирского платинового треста, а молодого, веселого парня с карими глазами, сидевшего рядом и хитро помаргивавшего — как инженера из того же треста.

— Аскольд, прошу сюда, — познакомив, предложил Павел стул рядом с местом кузины, а сам сел с другой стороны, велел девушке как можно любезней ухаживать за другом.

Задав два-три незначительных вопроса о целях экспедиции: когда думают отправляться, давно ли Аскольд работает оператором, — хозяин поднялся.

— Что ж, товарищи, за счастливое и смелое путешествие!

— Счастливо вам!

— Удачи!

Минут через пятнадцать Аскольд позабыл о стыдливости и почувствовал себя как нельзя лучше.

Краснощекая Лиза все время гостеприимно подсовывала сбоку закуски и то и дело подливала вина. В голове витали знакомые мысли, напоминая о Майе. Опыневшая Лиза, глядя в лицо янтарными глазами, щебетала:

— Товарищ Аскольд, пойду ваш фильм смотреть. И всех знакомых поведу. Буду хвастаться, что знакома с вами. А что!

Аскольд, тронутый такой лаской и вниманием, вспомнил свой отъезд, дорогу, Майю, не выдержал и неизвестно к чему ляпнул:

— Эх, Лиза, я ведь чуть было не женился.

Лиза лукаво засмеялась.

— На Майе?

Аскольд вытаращил глаза.

— Извини, дружок, не выдержал, рассказал, — засмеялся сбоку Павел. — Прости уж, — и погрозил пальцем Лизе, — молчите, кухня, больше ни слова!

Лиза наклонилась к Аскольду и шутливо, нежно прошептала:

— Бедный, бедный, жалеете?

Аскольд пьяно кивнул.

— Ох, и жалею!

После обеда, когда подали ликер и кофе, Аскольд вконец опьянел, обнял Самборского и сказал:

— Знаешь, Павлуша, давай ляжем спать.

Самборский провел его в свою комнату, бережно раздел, обыскал карманы, вытащил письмо профессора, быстро пробежал глазами и вновь положил в карман. Затем вернулся в столовую и спокойно сообщил своим друзьям, которые напряженно и резко обернулись при его появлении, будто спрашивая глазами: ну?

— Ничего важного, будут ждать в Кежме.

После Павел обратился к смуглому с усиками, назвав его Люром:

— Билеты заказал?

* * *

Люр протянул Самборскому два билета на трансманьчжурский экспресс, отходивший из Москвы каждый вечер ровно в девять часов. Самборский посмотрел на часы (стрелка показывала шесть), свел брови, пытаясь что-то вспомнить.

— Да, все, — медленно сказал сам себе, — ну, а теперь насчет вас. Садитесь-ка вот сюда.

Самборский придвинул стул к кругленькому столику, сел, наклонился близко и ровным низким голосом обра-

тился к собеседнику. Оба напряженно и осторожно смотрели друг на друга. Самборский почти приказывал:

— Завтра получите деньги, после нашего отъезда дадите в Тайшет телеграмму Дворянину. Вслед выезжаете завтра. Ваша основная работа: связь с Алеутской станцией, организация явок, подбор людей. В целом, лучше ни на кого не полагайтесь. Все ответственные задачи выполняйте лично. Почту доверяйте только Трудлеру — он единственный знает тропу со стороны Лены и Олекмы. Новых людей без моего разрешения не берите. Дополнительные инструкции, на всякий непредвиденный случай, получите у Дворянина.

Люр слушал молча и внимательно. Лицо, загорелое и худощавое, порой казалось деревянным. Лишь глаза меняли блеск и точки зрачков то сужались, то расширялись.

Договорив, Самборский спросил:

— Ясно?

Люр кивнул. Самборский еще немного подумал и, помолчав, уже дружески и тепло, как товарищу, бросил:

— Предыдущие задания вы выполнили прекрасно. А вы как, вполне за себя спокойны? Верят?

Люр едва разомкнул уголки твердых губ и сухим, неприятным голосом нехотя и коротко ответил:

— Верят.

Самборский выпрямился, лениво повел плечами, как со сна и, выдохнув воздух, пробормотал:

— Ну, пора его будить.

А после снова перевел взгляд на Люра:

— А вы Эрге раньше знали?

— Знал.

— Ну и как?

— О-о-о, — и, помолчав, Люр безразлично добавил: — Сволочь и авантюрист высшего разряда!

Самборский засмеялся:

— Молодец.

В десять часов вечера, после этой беседы, выпроводив с северного вокзала экспрессом Аскольда и Самборского, Люр

отправился на телеграф и написал на бланке короткую телеграмму:

«Тайшет советская десять Дворянгину Задержите приезде погода плохая».

* * *

Транссибирский экспресс (Москва-Маньчжурия), как птица, летел вперед, оставляя за собой станции и полустанки.

Вслед гналась весна, и экспресс никак не мог вырваться из ее ласковых теплых объятий.

Теплынь напористо, опережая поезд, летела на север. До самого Урала уже нигде не было снега. Каждое утро профессор Горский беспокойно подходил к окну, встревоженно смотрел на привлекательные, полные солнечных красок и тепла чистые и ясные весенние пейзажи.

Лицо профессора бледнело, лохматые с проседью брови сходились вместе, а аккуратно подстриженные (в Москве) усики и борода раздраженно топорщились — профессор сердился на солнце и весну. Это совсем никуда не годится! Если еще день-два будет так глупо жарить солнце — гиблое дело. Как хотите, а профессору совершенно не нравилось такое поведение природы.

На хребтах за Кунгуром неожиданно ярко заблестели белые заплатки снега (лицо профессора посветлело). Он потер ладони и охотно, с аппетитом пообедал.

Пообедав, долго стоял у окна, влюбленно глядел поверх очков на пятна снега. Смотрел, пока сумерки не сгустились за окном вагона.

Утром поезд мчался по бескрайним степям Западно-сибирской низменности. Профессор бросился к окну да так и сел, беспомощно сложив руки на коленях. За окном лежала бурая степь, а где-то далеко на небосводе вставал громадный огненный круг солнца.

Белых снежных пятен не было.

И только за Красноярском, когда паровоз с грохотом повел выгоны по лесным ущельям, холодные белые пятна стали все чаще и чаще попадаться профессору на глаза.

Тайга и суровый континентальный климат Сибири упорно боролись с весной.

Профессор охотно завтракал, пил чай, шутил с Мари-чем и невольно заводил разговоры, конечно же, об аэролите.

Марич вспомнил свою странную мысль-мечту, которая пришла ему в голову после визита к Барингеру. Она и теперь частенько посещала его, но какое-то странное чувство не то стыда, не то подсознательного страха гнало эту мысль прочь и мешало серьезно поговорить с Горским. К тому же Марич замечал, что и его учитель словно избегает такого разговора.

Но сейчас Марич не вытерпел.

— Послушайте, Валентин Андреевич, — обратился он после некоторых колебаний к Горскому, — я давно хотел задать вам один вопрос...

— Какой же? — насторожился Горский, интуитивно почувствовав, о чем намерен спросить его Марич.

— Я вспомнил постскриптум к письму, которое вы прислали мне в Нью-Йорк.

— А-а-а, знаю, знаю, — торопливо и взволнованно заговорил профессор, — видите ли... вы хотите знать мое мнение? Да? Может показаться странным — у меня нет мнения. Честное слово, нет. Сомневаюсь!

Горский отодвинул от себя стакан и растерянно посмотрел Маричу в глаза. Затем потер ладони, нервно поправил очки, пожал плечами.

— Сомневаюсь. Нет! Вернее — боюсь. Да, боюсь. Трудно предположить — это же фантастическое сокровище.

Ученый торопливо взял карандаш и начал нервно выписывать на листке формулы.

— Известно и доказано, — запальчиво бросал он Маричу, — что состав аэролитов, как химический, так и минералогический, очень своеобразен. Считается, что они возникли в восстановительной атмосфере. Или же, по крайней

мере, в отсутствии окислителей. Элементарный состав интересен в том отношении, что до сих пор ни в одном аэролите не найден какой-либо элемент, неизвестный на Земле. Чаще всего в состав аэролитов входят: железо, никель, фосфор, сера, углерод, кислород, кремний, магний, кальций, алюминий. Иногда: водород, азот, хлор, никель, натрий, калий, стронций, титан, хром, марганец, кобальт, мышьяк, свинец, медь и платина. Сравнение состава аэролитов с составом земных горных пород показывает, что при сходстве элементарного состава в качественном отношении, наблюдается большое различие в количественном распределении элементов: характерными признаками аэролитов является — значительное распространение в них металлических сплавов, преимущественно железа с никелем, отсутствие минералов и щелочных силикатов, господство оливина, ромбических пироксенов и таких соединений, которые не могли образоваться или существовать в атмосфере, содержащей воду и много кислорода. В аэролитах до сих пор не найдено никаких признаков организмов: ошибочно за остатки организмов принимали иногда хондры*; присутствие углеводов, алмаза и графита так можно объяснить совершенно независимо от организмов. Классификация аэролитов у разных авторов, конечно, различна. В одном согласны все, а именно в том, что следует различать каменные аэролиты, состоящие из силикатов и других минералов, в которых не бывает самородного железа, а если и имеется, то в незначительных количествах, от железных аэролитов, состоящих преимущественно из никелистого железа с примесью других минералов, но не содержащих силикатов. И еще встречается, так сказать, переходная группа — мезосидериты, то есть аэролиты, содержащие железо и силикаты. Но до сих пор ни одна классификация не могла претендовать на полное, безоговорочное признание, так как наука об аэролитах едва зарождается.

* Хондры — в метеоритах (хондритах) мелкие округлые образования, состоящие из расплавленного и затвердевшего силикатного вещества.

Горский замолчал, устало положил руку на лоб. Помолчав, заговорил вновь:

— Я по большей части доверяю и следую классификации Коэна, — и профессор начал быстро писать на обратной стороне листка знакомые определения:

1) *железные аэролиты:*

а) аэролитное железо,

б) литосидериты;

2) *каменные аэролиты:*

в) ахондриты, совсем или почти без железа,

г) хондриты, с хондрами и заметным количеством железа,

г) сидеролиты.

Написав это, профессор опять замолчал, а потом откровенно обратился к Маричу:

— Теперь вы понимаете меня? Могу ли я сказать что-то определенное, когда все авторитеты ни словом не обмолвились об аэролитах, исключительно или хотя бы частично состоящих из платины? Ну? Лишь кое-где, в незначительных, микроскопических количествах, платина встречалась в аэролитном железе. Однако же, твердо сказать: «абсурд», «нет, не может быть» — я, честно признаться, не могу. Сомнения гложут! Не готов! Но вместе с тем и предположить... Нет! Это ведь сказочные сокровища! Впрочем, пусть там даже окажется обыкновенный железный аэролит: полсотни миллионов тонн железа — чудесный подарок советской металлургии.

Профессор замолчал и устало поглядел в окно купе.

Молчал и Марич — пока вагонный проводник не нарушил молчания и не оторвал от мечтательных, фантастических дум.

То был шестой день путешествия. Экспресс оставил позади тысячи километров, и проводник сообщил, что поезд скоро прибудет на станцию Тайшет.

В полутемном сером уголке станционного зала (неподалеку от окошка кассы), на широкой скамейке, склонив безвольную голову на широкую грудь, храпел упитанный, грузный человек.

Он со свистом выдыхал воздух и заполнял зал тяжелым водочным перегаром. Волосатая шапка съехала на самые глаза, подбородок увяз в складках тулупа, затянутого спереди черным замызганным передником, какие всегда надевают носильщики.

— Фу-у-ух-у-у, — человек затрудненно выпускал воздух и сонно чмокал губами.

Вскоре у скамьи остановился низенький старичок в черной шинельке с кантами на красной фуражке. С минуту растерянно смотрел на носильщика, а затем воскликнул:

— Мирон, Мирон, поезд скоро. Мирон! — и побежал дальше.

Вскоре вернулся с еще более озабоченным видом. Принялся тормошить носильщика.

— Мирон, Мирон, поезд сейчас! Багаж надо выгрузить, Мирон, слышишь?

— У-гу... — прогудел Мирон и трубно свистнул носом.

Начальник станции сильнее задергал носильщика за плечо, зашелся криком:

— Вставай, сейчас поезд придет, Мирон, черт, Мирон. Черт!

— У-гу-у... — промывчал Мирон и снова засвистел носом.

Начальник станции цепко схватил старческими морщинистыми пальцами огромную руку Мирона, — силился стащить его со скамейки. Где-то забренчал телефонный звонок и он, оставив Мирона, бросился сломя голову из зала.

Через пять минут, громя буферами, на станции, с трудом сдерживая разгон, остановился трансибирский экспресс.

Марич и Горский растерянно стояли на перроне. Что же делать? Поезд стоит три минуты, а багаж? Ведь все в багажном вагоне!

— Носильщик! Багаж! Черти косматые, багаж берите! — донеслось откуда-то со стороны паровоза.

На перрон выбежал начальник станции. Растерянно покрутился на одном месте и снова исчез в здании. Профессор и Марич услышали умоляющие крики:

— Мирон, Мирон!

В эту минуту профессор Горский заметил, что кондуктор багажного вагона пододвинул к двери самый объемистый ящик (с инструментами), очевидно, решив выбросить багаж прямо на перрон. Профессор неистово закричал:

— Стойте, осторожно!

Марич, широко раскрыв глаза, смотрел вслед профессору, который по-мальчишески проворно мчался к вагону. Потом понял, в чем дело, и сам побежал.

Опоздал. Когда первая пятипудовая ноша оказалась на спине профессора и тот, тяжело передвигая ноги, потащил груз к платформе, раздался свисток. Паровоз вздохнул, и черные двери багажного вагона тихо поползли вперед.

Увидев, что поезд тронулся, профессор бессильно опустил свою ношу — ноги его задрожали, он устало сел на ящик, жалобно посмотрел на Марича и, как ребенок, тихо спросил:

— Виктор Николаевич, что же делать?

Потом вдруг резко вскочил, распрямив длинные ноги. Побледнел и задрожал от злости:

— Это черт знает что такое! Это же ... — и помчался на станцию.

Начальник станции, увидев совнаркомовский мандат, смертельно побледнел. У него задрожали пальцы и болезненно задергались мышцы на правой щеке. Горский грозно допытывался:

— Вы понимаете, что натворили? Я жаловаться на вас буду! Вы сорвали...

Профессор неожиданно замолчал, оборвав начало фразы. Только теперь он заметил смертельную бледность на лице старичка, мучительное подергивание щек и полные ужаса глаза. Ученый что-то неразборчиво и уже незлобиво забормотал, а затем, сдвинув брови, словно бы даже неловко сказал:

— Вы, пожалуйста, сейчас же задержите, чтобы багаж немедленно вернули сюда... Вы уж там как-нибудь... сами понимаете...

До самого вечера профессор не произнес ни слова. Видел — весна заполонила Тайшет. Как можно скорее, скорее мчаться на север.

В райисполкоме совнаркомовские печати произвели магическое впечатление — к вечеру все было готово: лошади, проводники, сани, не было только багажа.

Марич ежечасно навещал станцию. Начальник дрожал и виновато оправдывался:

— Я депешу послал, ответ есть, но придется подождать до завтра.

Наутро в десять часов на специальной дрезине прибыл багаж.

И когда все уже было сложено, проверено, запаковано в огромные грубые брезенты — ровно в двенадцать экспедиция должна была выйти из Тайшета — все увидели, как от станции, размахивая руками, бросились к обозу две фигуры. Это прибыли Аскольд и Самборский.

* * *

Юго-западный берег Алеутов, суровый и холодный, вот уже полторы недели задыхался в тяжелом, насыщенном водой тумане.

Черные гряды голых гор едва виднелись в густых клочьях испарений.

С океана шла весна. Порой долетало сюда дуновение теплого ветра, принося йодистые запахи водорослей, и тогда завеса тумана вздрагивала и расходилась. Но дыхание ветра было редким и слабым. Туман быстро густел и вновь застилал густо-серым мраком берег, ущелья и вершины гор.

В глубокой, просторной лощине, сжатой с трех сторон высокими каменными кряжами, в свете радужных огней громадных электрических ламп вырисовывались горбатые ангары, прямоугольные здания, низкие бараки. Электричество с трудом одолевало объятия липкого тумана, и здания, окруженные высоким забором, на свету едва проступали в тумане и казались призрачными, нереальными в суровой, мертвой пустыне.

Юго-западный берег был почти незаселен, так как не прятал в своих недрах ни золота, ни угля, ни меди. Поэтому он и не привлекал к себе никого. Непреступно высились прибрежные скалы, и ни один пароход не приближался к ним. Разве что изредка китобойные суда, подняв паруса, проплывали молчаливыми призраками близ неприветливых скал.

И потому о странных зданиях, что выросли за каких-то полгода в уютной лощине, почти никто не знал.

Даже правительство, продавая эти земли Лайстерду, в точности не знало, где именно лежит Лощина трех кряжей.

Центральное место среди построек, расположенных в лощине, занимали двухэтажный дом и радиостанция.

В нижнем этаже разместился технический персонал. За домом, чуть поодаль, образуя четырехугольник, тянулись: электростанция, мастерские, лаборатории, бараки, эллинги.

День и ночь в мастерских сверкало электричество, а у эллингов неизменно стояла вооруженная охрана.

Работа продолжалась день и ночь. Работали в две смены. В мае по плану должны были закончить постройку пяти дирижаблей. Всеми работами руководил лично Эрге. В лабораторию, кроме него, никто не имел доступа.

В начале мая Эрге назначил постоянное дежурство на радиостанции. День и ночь без перерыва, как гигантская оса, гудело динамо, незримые чувствительные щупальца охватывали пространство.

Наушники молчали. Лишь иногда неровно и спутано долетали обрывки веселых фокстротов, речей, объявлений. Трижды в день в стеклянную кабину радиостанции заходил Эрге и сухо спрашивал:

— Ну?

Дежурный молча качал головой. Эрге круто поворачивался и выходил раздраженный и злой. В голове вертелись страшные мысли о неудаче и провале.

Двенадцатого мая после обеда, после визита Эрге, дежурный услышал, как трубка приглушенно и четко, растягивая слова, прошептала:

— Слушайте, слушайте, слушайте!

Дежурный дрожащими пальцами нащупал электрический провод сигнала. Через минуту в кабину вбежал Эрге. У него, как и у дежурного, дрожали пальцы, возбужденно блестели черные глаза.

Он схватил слуховые трубки, крепко, до боли прижал к ушам. Трубки шептали:

— Слушайте, слушайте, слушайте. Все хорошо, все хорошо, все в порядке. Вышли, вышли, вышли...

* * *

Через неделю после отъезда Марича из Нью-Йорка Гина узнала, что Эрге собирается на Алеутские острова. Он сказал, что получил новое назначение — должность главного инженера на рудниках Лайстерда.

Приняла это известие спокойно, даже равнодушно, как обыкновенную необходимость, и даже не стала расспрашивать, что именно побудило его принять назначение — хотя и знала, что дальнейшие исследования, связанные с изобретением, он решил проводить тут же, в Нью-Йорке.

Заметила только, что муж перед отъездом стал необычайно нежным и вежливым, окружил ее чрезвычайной заботой, и в каждом его слове она чувствовала какую-то странную ласковость, граничащую даже с сентиментальностью, чего раньше она в Эрге не замечала.

Он каждый вечер приезжал в «Колумбию» и часами просиживал у нее в уборной. А когда оставался с ней наедине, нежно, как влюбленный юноша, гладил ее по голове.

Эти перемены Гина объяснила разлукой и догадалась, что разлука, видимо, будет долгой. А однажды даже промелькнула беспокойная мысль об опасности. Чтобы хоть чем-нибудь отблагодарить за страстные ласки, с тревогой спросила:

— Послушай, Игорь, а новая твоя работа очень опасна?

Эрге крепко сжал ей плечи и, заглядывая в глаза, ответил:

— Ого! Надо же, моя Гиночка беспокоится за жизнь своего мужа. — Это было произнесено с иронией, но она различила в иронии нотки благодарной нежности.

По случаю отъезда Эрге у Лайстерда состоялся небольшой банкет. Пригласили ближайших знакомых, в основном знакомых Лайстерда.

Эрге пригласил только Сорокина (Гина никак не могла объяснить себе эту прихоть мужа).

Сорокин был так был поражен оказанной ему честью (ну как же, сидеть за одним столом с Лайстердом), что едва не задышался от счастья. Сидя рядом с Эрге и Гиной, он то бледнел, то краснел, вместо сладкой улыбки у него на лице застыла испуганная, смешанная с ужасом и счастьем неприятная гримаса.

Когда произносили тосты, неожиданно поднялся и он. Обратился к Эрге и сбивчиво, брызгая слюной, глотая окончания слов, забормотал:

— За смелого, гениального мистера Эрге, который затеял отважное дело. Я желаю ему...

Сорокин не закончил. Вдруг онемел и с ужасом вытаращил глаза. Все заметили, как лицо Эрге передернулось зло-

бой и отвращением. Возмущенно и почти угрожающе он посмотрел на Сорокина. Тот, как зачарованный, с минуту постоял и тихо, боязливо сел на свое место. Губы его дрожали от страха, противно приоткрылся рот.

И когда прошла неприятная минута, Гина заметила, что Эрге наклонился к Сорокину и яростно прошипел по-русски:

— Идиот...

И тогда все ее существо вдруг охватило страшное подозрение, от которого ей сделалось жутко. Это было ровно полгода назад. За полгода смутное подсознательное подозрение превратилось в страшную мысль, пугавшую своей неизвестностью. Делала тысячи предположений, пыталась найти какое-то объяснение, хотя бы намек. Одно знала твердо: Эрге утаил от нее какой-то злоедейский замысел.

В конце концов, измученная беспокойными мыслями, догадалась, что объяснение нужно искать у Сорокина.

Гина не ошиблась. Две-три приветливые улыбки, милостивый ответ на приветствие сотворили чудеса.

Сорокин стал все чаще и чаще попадаться на глаза. Встречая ее взгляд, заискивающе кланялся и простодушно краснел.

Вскоре заметила, что он обзавелся хорошим, дорогим костюмом и начал частенько наведываться в «Колумбию». По всему было видно, что у него водились деньги и он выдавал себя за богатого джентльмена.

В те вечера, когда он бывал в мюзик-холле, служанка всегда приносила ей после выступления пышный букет роз. Сорокин, как глупый карась, быстро клюнул на обычную удочку. Ничего удивительного. Гина считала, что и этого для Сорокина многовато. И она искренне забавлялась, когда милостиво кивала головой и видела, как он судорожно сгибается пополам и долго еще, как опереточный злоумышленник, бросает в ее сторону несмелые взгляды.

А что с ним сделалось, когда она однажды протянула руку и приветливо спросила:

— Как поживаете, мистер Сорокин?!

Он хотел было что-то ответить, но подавился словами, закашлялся, и мясистый нос его покрылся капельками пота. Так ничего и не сказал.

* * *

В самом буйном полете фантазии Сорокин, конечно, не мог предположить, что ему будет оказана такая честь, да еще и кем! Только подумать, знаменитой, прославленной Региной Марич!

На самом деле, честь была не так уж велика. Просто Гина решила зайти в гости к Сорокину на 9-ю авеню.

На первых же ступеньках в нос ударил острый, тяжелый запах грязи, плесени, отбросов. Гина закрыла платком ноздри и ощупью героически начала преодолевать скользкую лестницу.

На звонок вышла невысокая женщина, еще молодая, коротко постриженная, грубо накрашенная. Впустила в прихожую и подозрительно оглядела богатую одежду гостьи. Услышав, что незнакомка хочет видеть мистера Сорокина, ревниво спросила:

— Вам мистера Сорокина?

— Да.

— Его нет дома.

— А скоро будет? Я по очень важному делу.

Женщина еще раз внимательно осмотрела гостью и уже благосклонней ответила:

— Мистер Сорокин должен скоро вернуться домой. Вы можете подождать в его комнате.

Получив согласие, хозяйка провела Гину по коридору в комнату Сорокина.

— Вот, пожалуйста, сюда, я сейчас зажгу свет.

Хозяйка вышла. Гина усмехнулась ей вслед и стала нехотя разглядывать небогатую обстановку.

Рассматривая фотоэтюды на стене, дошла до старого письменного стола с забрызганным чернилами сукном. На

столе неопрятной пыльной кучей лежали исписанные листы бумаги, книги, журналы, пожелтевшие газеты. Рядом с массивным мраморным прибором, под тяжелым прессом, чернели фотографии.

Гина села в потертое твердое кресло, протянула руку к журналам и лениво начала их листать: все старое, неинтересное! Зевнула и подумала: «Ну и скука, хоть бы явился поскорее».

Взялась за фотографии. Вытащила наугад из середины одну, поднесла ближе к свету, и в ту же минуту у нее помертвело лицо, в ужасе расширились глаза: она держала в руке портрет Марича.

Страшная мысль больно резанула мозг, и, стараясь не вскрикнуть, Гина закусила губу.

Где-то далеко в коридоре раздался звонок; он заставил ее опомниться, мысли заработали быстро и нервно. Дрожащими пальцами расстегнула сумочку и едва успела спрятать туда фотографию. В коридоре совсем близко, у самой двери слышались шаги. Отворилась дверь, на пороге появился растерянный и удивленный Сорокин. Овладела собой. Заставила губы сложиться в улыбку.

Сорокин, донельзя пораженный и ошеломленный такой честью, видимо, не мог сдвинуться с места. Решив вывести его из этого состояния, Гина еще раз улыбнулась и пошла навстречу.

— Мистер Сорокин удивлен? А может, не рад, потому что, как гласит наша родная пословица, незванный гость хуже татарина?

— О, что вы, — забормотал наконец Сорокин. — Я от счастья просто не знаю... потому что так неожиданно... Разве я мог..?

Еще одно маленькое усилие, и Гина уже могла вертеть им, как пожелает. Капризно сложила губы, обиженно заговорила:

— Ах, мистер Сорокин, такая скука, такая скука, осточертело все, и театр, и постоянные поклонники, захотелось отдохнуть от проклятого ежедневного шаблона. Вспомнила вас и решила завернуть без приглашения в гости, а по-

том забрать вас и без забот весело провести время. Я полагаю, вы не откажетесь сегодня быть моим рыцарем?

О, черт возьми — отказать! Эх, куда только красноречие делось! (Сорокин был уверен, что обладал этим даром). Репортер задыхался и широко разевал рот, как рыба:

— Ну что вы, я, конечно, счастлив...

— Только условие — самый веселый уголок в Нью-Йорке. Согласны?

В таксомоторе страшная мысль вновь сжала до боли сердце. Откинув назад голову, Гина ломала пальцы и беспомощно думала: «Что же случилось? Виктор, любимый, что же случилось?» В пробках, когда такси приходилось останавливаться и ждать, пока не иссякнет встречный поток, боль доходила до кульминационной точки. Пересиливала себя и смеялась, обращаясь к Сорокину:

— Вы танцевать ведь умеете, правда? О, прекрасно! Я так давно не танцевала. А эта «Мавритания» — что-то путное? Представьте себе, я ни разу там не была. Пойдите-ка, я где-то слышала. А, помню, процесс контрабандистов. Да? А как там сейчас?

— Сейчас не хуже, если не лучше. Нынешний хозяин «Мавритании» — лучший друг полиции. Джон Фарф был слишком гордым, потому и прогорел.

И Сорокин весело захохотал, гордясь тем, что ему известны такие детали.

* * *

«Мавритания» была одним из самых веселых заведений Нью-Йорка, где каждый (конечно, каждый, имевший при себе доллары) спокойно мог повеселиться и залить влагой иссушенную сухим законом душу.

Здесь можно было достать решительно все, начиная от вонючего виски и джина до ароматных дорогих «Хейсик» и «Мумм». Недаром хозяин был едва ли не лучшим, ближайшим и самым щедрым другом полиции.

Огромный золотой зал «Мавритании» уже сиял светом разноцветных фонариков и мерцал радужными цветами. Неустанно наигрывал джаз, раздражая чувства, заставляя тело ритмично и бесстыдно покачиваться в такт фокстрота.

Шум зала пьянил и раздражал.

Сорокин быстро опьянел. Глаза его сузились, заблестели маслянистым тусклым блеском.

Джаз заиграл «Пеликана». Гина стройно поднялась с места и протянула руки Сорокину:

— Я хочу танцевать, трам-тим-там-там, — запела она в такт фокстрота, мягко положив руки ему на плечи.

Сорокин дрожащей рукой взял за талию и близко (слишком близко) наклонил к ней голову. Так близко, что виден был нечисто выбритый угреватый подбородок и мелкие рыженькие волоски бородки.

— Трам-тим-там-там, — ловила Гина ритм музыки. — Ну?

Сорокин танцевал хорошо и легко, не сводя возбужденного взгляда с соблазнительного лица Гины. Он чувствовал сквозь шелк теплоту ее тела, видел темные большие глаза, полные губы и тяжело дышал. Глаза его выдавали робкое и скрытое, наглое желание.

Иногда, когда его колени касались колен Гины, его рука, державшая ее талию, мелко дрожала.

«Достаточно», — подумала Гина и попросила Сорокина вернуться к столику. Пританцовывая, подошла к своему месту и устало села на стул. Тотчас же, откинув голову на спинку, игриво заговорила:

— Вы прекрасно танцуете, очень легко. Вот с Игорем настоящая морока — всегда на ноги наступит. А кстати, он вам пишет? — В тот же миг Гина озабоченно перегнулась через стол и, уже шепотом, строго добавила:

— Думаю, с вами об этом можно говорить?

В глазах Сорокина на мгновение пропал пьяный блеск, глаза протрезвели и растерянно уставились на нее.

Строгий взгляд обманул его, заставил шепотом ответить.

— Пишет, — Сорокин боязливо оглянулся и еще тише добавил, так тихо, что Гина едва расслышала, — позавчера письмо получил.

Ответила так же тихо:

— Я получила неделю назад.

Ответ вполне успокоил Сорокина и отогнал робкие подозрительные мысли.

Сдерживаясь, чтобы не раскрыть игру и не вызвать никаких подозрений, она взвешивала каждое слово.

— Я так боюсь за Игоря.

— О, не беспокойтесь, мистер Эрге знает, что делает.

— Но все же дело рискованное.

— Конечно, конечно, но зато какое дело! А вообще мистеру Эрге нечего беспокоиться. Я подобрал таких молодчиков, что ад перевернут!

Сорокин говорил теперь самодовольно, гордясь собой.

— Я даже не представляю, где это.

— И неудивительно, — свысока ответил Сорокин, — это у черта на куличках. Только мистеру Эрге могла прийти в голову такая мысль. Вы представьте себе — с Алеутских островов, из-за океана в Якутию, в непроходимую тайгу, в край врага, это же неслыханный в истории рейд!

Гина сжала пальцы, и ногти больно впились в тело. Едва сдержала себя, чтобы не вскрикнуть: «А Виктор, Виктор?»

Устало приложила ко лбу руки, тихо попросила:

— Отвезите домой. Мне плохо.

* * *

Спальня казалась тесной и душной. Гина металась из угла в угол, садилась на диванчик, пыталась сильнее сжать маленькими ладонями виски и с тихим отчаянием говорила себе:

— Что же делать, что же делать?

Ясно и понятно — Виктору угрожает смертельная опасность. А может, уже сейчас он лежит где-то замертво? Все

неясные подозрения оформились, их укрепили незначительные, казавшиеся второстепенными события, которые она оставляла когда-то без внимания, не придавая им никакого значения.

Страшная тревога сдавила сердце. «Виктор, дорогой Виктор, друг мой синеглазый, одного тебя я любила и так подло, малодушно покинула». Думала и чувствовала, что сейчас могла бы бросить все, от всего отречься, пойти за ним, рабски покорно и безвольно.

— Что же делать?

Тогда вспомнила о кабинете Эрге. Может, там что-нибудь есть? Может, именно там ключ к тайне. Пьяный Сорокин в такси хвастливо бормотал о каких-то сокровищах. Она не расспрашивала подробнее, боялась выдать себя. А теперь в отчаянии, задыхаясь, тревожно прошла из спальни в кабинет. Со времени отъезда Эрге там все оставалось по-старому. Никто не заходил в кабинет, только служанка каждое утро смахивала пыль со стола и протирала статуэтки, модели дирижаблей и шкафы.

На столе, кроме письменных принадлежностей, ничего не было. Гина подергала средний широкий ящик — заперт. Со злостью дернула ящик на себя. Беспомощно оглянулась, увидела сбоку у куска породы, служившего пресс-папье, узкое, блестящее стальное долотце. Схватила его и подсунула под замок. Навалилась всем телом на рукоятку, дерево затрещало под напором, резко хрустнул замок.

Как воровка, выдвинула ящик, дрожащими пальцами вытащила все бумаги, папки, начала внимательно просматривать.

Найдя фотографию письма Горского, чуть не вскрикнула.

Испуганными глазами читала постскрипtum:

«...Поведаю вам то, о чем никогда и никому не говорил. Дело вот в чем... из чистой платины. Я долго спрашивал хозяина, где он его достал — тунгус упорно не желал отвечать...

...Азиатский аэролит. Я, конечно, скептически отнесся к этой истории... Но вообразите мое удивление, когда я в

другом чуме наткнулся на такой же точно камень, точнее, кусок платины... видел в земле множество глубоких воронок... белого камня (т. е. в платину!). Тот шаман... охраняет хозяйство от страшных пожаров...»

Гина вскрикнула. Она поняла, о каких сокровищах пьяно бормотал в таксомоторе Сорокин. Поспешно листала другие бумаги, но это были малозначащие деловые записки. Только под конец попалась на глаза небольшая карта, на ней красным карандашом была смело проведена прямая линия от Алеутов до Туруханского края — Эрге, обдумывая план своей авантюры, бессознательно начертил карандашом эту линию.

С минуту Гина сидела неподвижно, беспомощно глядя на горящую лампу. За эту минуту в голове успели сложиться десятки планов. Но все они были непригодны, фантастичны, она и сама это хорошо понимала. Оторвав взгляд от света, тихо положила голову на руки.

Ясно и понятно. Вот теперь уже совершенно ясно! Вот теперь-то необходимо твердо, решительно спросить себя: «Что же делать?»

Долго сидела так, закрыв глаза, мысленно спрашивая себя:

— Что же делать?

Тихо поднялась, спокойно спрятала все бумаги в ящик, погасила свет, вернулась в спальню. Но и раздевшись, долго не могла заснуть. Лежала на спине с открытыми глазами, спрашивала себя спокойно и твердо:

— Что же делать?

Спрашивала по инерции, потому что вполне осознала, что именно она будет делать и как поступит.

* * *

Опасения Аскольда по поводу встречи с дядей не оправдались. Обеспокоенный теплой погодой, которая буквально пожирала последние остатки снега, профессор Горский даже не стал подробно расспрашивать племянника о но-

вом товарище, который должен был стать участником экспедиции.

Он лишь крепко пожал Самборскому руку и пробурчал что-то себе под нос о трудностях дороги и о том, что каждому, дескать, придется хорошенько потрудиться.

Марич и вовсе ничего не сказал, только произнес свою фамилию и приветливо улыбнулся.

Не до разговоров было. Теплый ветер, вестник весны, каждый раз все теплее и чаще овеивал суровые лица участников экспедиции. Аскольд радовался, что все сложилось наилучшим образом, и, шагая рядом Павла, весело подмигивал: а что я тебе говорил, ага?

Продвигались вперед медленно, с чрезвычайными сложностями. С трудом преодолевали каждую сажень размокшей дороги. Порой сани ползли по вязкой грязи, и тогда все вместе впрягались и помогали усталым лошадям. Снег таял быстро и заметно. Талая вода заполняла глубокие лощины, овраги, приходилось распрягать лошадей и самостоятельно извлекать сани из воды.

На шестой день вдаль зачернели берега Ангары. Река набухла водой, злое синева, готовая в любую минуту разорвать ледяные оковы. Еще медленней двинулись дальше. Впереди осторожно шел проводник, а за ним чередой, тихо и молчаливо, как на похоронах, ползла экспедиция. Кони пугливо настораживали уши, чуя опасность, и бережно касались копытами ноздреватого льда.

Круглые сутки шли без сна и пищи, с натянутыми, как струны, нервами.

На следующее утро добрались до Кежмы. Все облегченно вздохнули. А к вечеру лицо совсем посветлели, завязались разговоры, потому что с севера подул холодный ветер и с неба начали сеяться сухие искрящиеся снежинки. Весна осталась за Ангарском. Ура, весна позади!

Двести дворов Кежмы стояли тремя ровными рядами — последний поселок к северу, а за ним тайга, трясины, болота и лишь кое-где мелкие, как точки, фактории и чумы тунгусов.

Весна позади, но спешить все же надо. Через два дня экспедиция вновь тронулась в путь, наняв две новые подводы и четырех рабочих.

И снова день и ночь, часто без сна, упорно шли вперед, на север. Аскольд умудрялся спать на ходу. Иногда спотыкался и, падая, приходил в себя, удивленно смотрел на туманные силуэты саней, лошадей. Опять налетал сон, крепко смыкал ресницы, и ноги снова механически шагали дальше.

На четвертый день по выходе из Кежмы, экспедиция добралась до Вановары — 800 километров остались позади.

На высоком правом берегу Катанги приютилась последняя северная фактория. На юг через болота и страшные топи вьется узкая, извилистая дорога-тропа. В другие стороны путей нет. Зеленеющие трясины, тонущие ночами в белых клубах тумана, разбросались вокруг. И только великий знаток тайги и ее законов, ее любимец тунгус со своим легконогим оленем рискует кочевать в этом краю.

Зимой или поздней осенью можно дойти до фактории, когда замерзнут, скованные страшным морозом, болота и таежные реки. Летом, даже в засуху, пройти от Кежмы к Вановаре почти невозможно. Белые кости лошадей у берегов топей служат жутким доказательством этой истины.

Горский хорошо это знал и потому так спешил к Вановаре. Мечтал поскорее, любой ценой добраться до фактории. Еще немного, и экспедиция опоздала бы, тогда пришлось бы ждать зимнего пути. Но и сейчас нужно спешить. Вперед, вперед, не останавливаясь!

* * *

За два дня построили три лодки. Профессор сам помогал пилить сосны, волоком, вместе с рабочими, тащил их в факторию. И когда лодки были уже готовы, весна не замедлила прийти и сюда.

Лед на Катанге с грохотом затрещал, пошел колотиться и за день уполз куда-то вниз по течению.

Погожим утром на воду спустили «Болид», «Комету» и «Аэролит» (идея Аскольда). Перенесли груз и, когда все было готово, профессор торжественно, с первой лодки, махнул прощально рукой. С берега закричали:

— Счастливого пути!

Аскольд вскочил и жалобно посмотрел на Павла. Тот спросил:

— Что такое?

— Письмо!

— Какое письмо?

— Майе!

— Что?

— Майе письмо забыл послать.

— Как же так — забыл?

Аскольд покраснел и негромко, смущенно ответил:

— Я, видишь ли, забыл... написать. — И уже смелее добавил: — Вот я дурак, так дурак!

* * *

Безумное течение донесло лодки до устья Чамбы — правого притока Подкаменной Тунгуски. В устье профессор велел повернуть лодки вверх. Начался тяжелый перегон. Надо плыть против весеннего течения.

Весла не помогали, лодки упорно сносило вниз, наладили лямку, впрягались по очереди и, скользким берегом, под отвесными скалами, обходя валуны, тащили лодки вперед.

Пройдя двадцать километров, теряли последние силы и без памяти падали у костра.

На пятый день с востока и запада к реке подступили высокие хребты Буркана. Профессор узнал их остроконечные голые вершины. Он не ошибся, это верный и легкий путь к

месту падения аэролита, вот и знакомый, стиснутый в объятиях камня, бешеный порог.

Лагерь расположился в километре от порога и профессор, охраняя костер, забыв усталость, до поздней ночи сурово прислушивался к зловещему грохоту валов.

Наутро подошли к порогу. Быстро разгрузили лодки и порожняком начали перетаскивать по одной на высокий залавок порога.

Аскольд прицепился к высокой скале и нацелился киноаппаратом снимать переправу.

«Болид», наибольшую из лодок, вытягивали трижды и трижды обезумевшие струи бросали ее обратно в водоворот бешеных мертвых толкунцов.

В четвертый раз, напрягая до боли мускулы, кое-как перетаскивали лодку.

Взялись за вторую.

Рабочий не справлялся с рулем, лодку крутило и бросало во все стороны. Вдруг профессор сбросил кожух и нервно воскликнул:

— Послушайте, вылезайте, дайте я попробую!

Лодку подтянули к берегу. Горский сел на корму.

— Тяните! — скомандовал он и изо всех сил налег на рулевое весло.

Лодка зыбко пошла к порогу. Ее успели наполовину вытащить на залавок, когда внезапно дикий вал плеснул на «Комету». Лодку закрутило, повернуло боком к течению, еще минута — и все увидели, как блеснуло дно и Горский исчез в водовороте.

Никто даже не вскрикнул. Помертвели лица — все видели, как несло в страшных волнах перевернутую лодку, а затем у самого порога вынырнула голова Горского.

Еще мгновение — и Марич, должно быть, бросился бы в воду. Но Самборский схватил его за руку и, толкнув обратно на берег, торопливо начал скручивать в кольцо веревку. Скрутив, разбежался и изо всех сил, резким размашистым движением, как лассо, бросил в реку. Конец веревки задел голову Горского. Ученый поднял руки, схватил веревку и снова на миг ушел под воду.

— Тяните! — неистово закричал Самборский.

Марич, напрягая все силы, схватил веревку и потянул к себе.

В этот момент услышал, что кто-то его зовет. Поднял голову и увидел на скале Аскольда. Оператор, раздраженно размахивая руками, кричал:

— Товарищ Марич, в сторонку, в сторонку, я вас прошу! Кадр мне портите!

Марич, как загишнотизированный, отошел в сторону.

— Вот так! — радостно воскликнул Аскольд и схватился за ручку аппарата. Крутил и радостно кричал дяде, который, держась за веревку, плыл к берегу:

— Дядя, дядя голову повыше! Вот так! Еще чуть-чуть! Еще! Спасибо!

На берегу профессор вздрогнул, нервно засмеялся. Марич сорвал с него мокрую одежду и накинул доху. Профессор молча с благодарностью пожал ему руку, провел ладонью по лбу, неожиданно наткнулся на очки. Опять нервно рассмеялся и удивленно сказал:

— Нет, вы посмотрите, очки-то мои целы! Вот оказия!

* * *

Из-за скалистого холма, где экспедиция должна была пристать к берегу, внезапно вынырнуло черное плоское строение и рядом остроконечный тунгусский чум. Горский поднялся, пристально посмотрел вперед и удивленно пожал плечами.

— Странно... у самого ущелья... так далеко, — сказал он сам себе и тут же приказал направить лодки к зимовке.

Оттуда, наверное, заметили лодки, потому что от чума отделились две фигуры и стали приближаться к берегу.

Хозяева зимовья, — приземистый косоглазый тунгус с изуродованным оспой лицом, в косматой рваной шапке, и русский, молодой парень лет двадцати трех, безусый, с обветренным красным лицом, — удивленно смотрели на не-

знакомых гостей, но охотно помогли вытащить лодки. За работой разговорились и познакомились.

Тунгус, широко улыбаясь тонкими острыми губами, тыкал себя пальцем в грудь, долго повторял одну и ту же фразу на ломаном языке:

— Аванька Лючетан, Люче, Аванька Лючетан. Олень... охотник...

Парень строго объяснил:

— Тунгусом Лючетаном его кличут. Промышляет оленями и охотой.

— А ты с ним живешь, или как? — в свою очередь с удивлением спросил Горский.

— Я вроде как сын ему, — охотно, но строго ответил парень. — Отец мой здесь когда-то богатейшую россыпь золота нашел, да попользоваться не успел — медведь его на охоте задрал, я тогда мальцом был.

Парень помолчал, кивнул головой в сторону тунгуса.

— Так что он меня вроде как сыном взял.

— А как же с золотом? — с улыбкой спросил Марич.

Парень повернулся к нему, недоверчиво окинул взглядом и приглушенно буркнул:

— В секрете папаня держал. Теперь я ищу. А вы что, тоже за золотом?

— Нет! Мы за камнем «небесным» едем. Слыхал, может, в Великое болото упал?

Парень нахмурился, повернулся к тунгусу и сказал ему несколько непонятных слов. У того сразу в ужасе расширились глаза и он, испуганно глядя на гостей, воскликнул:

— Огда! Ой чудо, чудо! Тайгу валил, тайгу кончал. Огда тайгу сжигал!

Горский с улыбкой положил левую руку на плечо тунгуса, а правой указал на ущелье, тянувшееся черной полосой вдаль, на север. Тунгус замолчал.

— Слушай, Лючетан, знаешь тропу?

Тунгус, очевидно, не понял слов профессора и, беспомощно оглядев всех, перевел взгляд на своего приемного сына. Парень перевел слова профессора на тунгусский. Тогда Лючетан в страхе замотал головой, затем будто поду-

мал немного, затих, помолчал и снова повернулся к профессору. Стал что-то говорить, быстро-быстро повторяя фразу: «Джан-пуд мука. Джан-пуд мука».

Парень перевел:

— Говорит, аванька туда сам ходить боится. Страшно, говорит, но с вами пойдет, если дадите десять пудов муки.

Все оглянулись на Горского. Десять пудов муки в тайге в это время — неслыханная цена! Горский, подумав, ответил:

— Дадим, но придется идти до фактории.

Парень снова обратился к тунгусу и перевел ему слова Горского. Лючетан радостно закивал головой в знак согласия.

— А спроси его — шаманить умеет? — попросил с улыбкой Горский.

Парень перевел просьбу и тунгус, смущенно улыбаясь, покачал головой.

— Нет, Люче нет.

— А в первый раз довел меня проводник сюда — довел и ни шагу дальше, — обратился ко всем профессор. — Просил, просил, не помогает. А затем он начал шаманить. Пошаманил, встал и пророчески произнес: «Идешь, бае, ну иди, иди. Там минешь Дилюшму и попадешь на Хушмо, по нему пройдешь Укогитон и Ухагитту, а там увидишь и ручеек Великого болота. Рад буду, если обойдет тебя стороной беда!»

Профессор задумался. Никто даже не улыбнулся.

На ночь у костра остались караулить Самборский и приемыш тунгуса.

Часа через два зимовье погрузилось в густую темень. Костер то вспыхивал слабым пламенем, то едва теплился. Самборский, который сидел, низко склонив голову на винтовку, встал, осторожно постоял без движения, потом тихо толкнул парня. Тот с готовностью поднял голову и мгновенно вскочил на ноги. Затем оба, неслышно ступая, скрылись в направлении берега.

Река шумела глухо и тревожно.

17 мая в воскресных приложениях, под портретами Регины Марич, было помещено сенсационное сообщение о том, что знаменитая артистка едет отдохнуть на Гавайи и на днях инкогнито покинет Нью-Йорк.

Это, конечно, не помешало репортерам в день отъезда Гины буквально запрудить перрон, с которого отходил экспресс «Нью-Йорк-Сан-Франциско», и сфотографировать со всех сторон мисс Марич, ее спутника мистера Сорокина, комфортабельное купе с шелковыми обоями, ванную комнату, теннисный зал, библиотеку, будуар и специально заказанный в вагоне-ресторане столик напротив огромного блестящего окна. А некоторые даже сфотографировали джаз-банд, собиравшийся развлекать мисс Марич в пути любимыми фокстротами.

Сорокину все время казалось, что это галлюцинация. Он с ужасом оглядывался вокруг. Но нет! Вокруг действительность, прекрасная действительность; поезд мчится вперед, покрывая в час сотню километров. В ресторане ежедневно ждут его вкусные завтраки, обеды и ужины, гремит джаз, а лакеи втрое сгибают туловища — угодливо ожидая распоряжений.

Сорокин часами простаивал у зеркала, разглядывая свой прекрасный костюм, расчесывал реденькую бородку, строго хмурил брови, принимая разнообразные позы. В конце концов, пришел к мысли, что смело может очаровать любую красавицу.

На другой день Гина вошла в ресторан в шелковом голубом платье, с пышной прической — стройная и соблазнительная. Джаз — грянул тривиальный марш. Все посетители ресторана заинтересованно повернули головы. И Сорокин, сияя, гордясь тем, что может стоять рядом с такой красивой женщиной, говорить с ней, поспешил пододвинуть стул и прильнул к руке долгим поцелуем.

Гина уселась, закинула ногу на ногу, небрежно посмотрела на присутствующих. Сорокин оскалил зубы, всем кор-

пусом хвастливо перегнулся к ней.

— Я уверен, что мисс Марич сегодня положит конец моим мучениям, — начал он, — и объявит свой сюрприз.

— Вы не ошиблись, мистер, как раз сегодня, точнее сейчас, я раскрою его.

Понизив голос, Гина низко наклонилась к Сорокину и быстро произнесла какую-то фразу, от которой тот резко откинулся назад.

— Вы шутите?! — прошептал он, выпучив глаза.

— Нет.

— Не верю, не может быть! Вы шутите, это невозможно!

Гина удивленно посмотрела на него и почти в полный голос, намеренно громко, чтобы все услышали, бросила:

— Вы просто трус. Но слышите, Сорокин, — я так хочу! Слышите? Я все же не ожидала, что вы такой трус. Удивительно.

Джаз заиграл «Джо и Кэт». Весело, будто ничего не случилось, Гина начала напевать мотив, отбивая такт ногой, а потом беззаботно спросила:

— Потанцуем? — и, не дожидаясь ответа, встала со стула.

Покраснев, сам не свой, Сорокин поднялся и неуклюже взял ее за талию. Но никак не смог попасть в такт и в конце концов наступил ей на ногу. Гина капризно и громко воскликнула:

— Ай, увалень!

В ресторане эту фразу услышали, засмеялись. Сорокин растерянно и глуповато улыбнулся.

* * *

Сан-Франциско ласкала горячая субтропическая весна. В ослепительных лучах солнца нежился город, украшенный роскошными парками и пальмовыми бульварами. С океана долетало бархатное соленое дыхание.

Порт, заполненный до отказа океанскими пароходами-великанами, пестрел клетчатыми разноцветными флагами всех наций. Воздух полнился ревом сигнальных сирен, лязгом и грохотом кранов, людским гомоном и выкриками.

Сорокин беспомощно оглядывал шумную пристань, безжалостно теребя бородку. Сердце его щемила невыразимая боль. Вот уж попал, так попал! И надо было такой глупой мысли прийти ей в голову. И что теперь? Вот тебе и путешествие на Гавайи. Вот тебе и беззаботная жизнь в чудесном Гонолулу. И как незаметно все случилось! Ну разве мог он такое ожидать?

Настырная боль еще сильнее сжала сердце Сорокина. Мечты испуганно метнулись прочь. Факт, не лежать ему на бархатном прекрасном пляже в Вайкики, рядом с красивыми, элегантными женщинами, и тихий океанский прибой не будет нежить его тело! А главное, что запоем Эрге, когда увидит свою Гину? Ух! (У Сорокина похолодело под мышками). Убьет, уничтожит!

Сорокин едва не упал в обморок, когда Гина в ресторане спокойно преподнесла чертову новость о том, что в Гонолулу ехать передумала и намерена отправиться из Сан-Франциско к Эрге, на Алеутские острова.

Трудно представить, никак невозможно, это же... и главное, спасения нет! Ну что ему остается делать? Он хорошо знает Регину Марич, ее упрямство, и вообще — как он смеет перечить, денег же у него ни цента! Ох-хо-хо. Вот угодил, так угодил.

Сорокин перестал теребить бородку — поправил шляпу, встряхнулся и еще раз посмотрел на гавань. Сто чертей его матери — надо все же искать капитана «Атлантиды». Тысячу ему болячек в печень!

Сорокин тронулся с места и направился вдоль гавани, минуя пакгаузы, в бухту, где стояли на якоре шхуны.

Через полчаса, обливаясь потом и проклиная в душе все на свете, начиная с палящего солнца и кончая днем своего рождения, он увидел наконец на рейде, среди леса мачт и парусов, голубую «Атлантиду». Шхуна лениво покачивалась на синей, спокойной поверхности океана.

Взял лодку. Подплыл к «Атлантиде». В сотне метров поднялся на ноги, крикнул, составив рупором ладони, вахтенному:

— Эй, ты, мистер, соленая душа, капитан где будет?

Вахтенный лениво посмотрел в сторону лодки, смачно сплюнул и затем безразлично ответил:

— А тебе, обезьяна, он зачем?

— В кости поиграть приехал. Нужен, раз спрашиваю.

Матрос снова помолчал, перегнулся через борт, будто высматривая что-то на поверхности воды, а затем, выдержав паузу и словно вспомнив, что ему задан вопрос, вяло бросил:

— На берегу.

— Без папаши твоего знаю, что на берегу. Где именно?

— Наверное, в «Золотом олене», или во «Встрече друзей». А может, и в «Пятнистой собаке». — И через минуту матрос уверенно добавил: — Найдешь, коли охота. Спросишь Блондинчика Билла — любой ребенок покажет.

Сорокин приказал повернуть лодку к берегу, снова проклиная все на свете. В первую очередь Блондинчика Билла.

Лишь к вечеру он нашел капитана «Атлантиды» в дансинге «Синяя волна». Статный капитан в белом, тщательно отутюженном моряцком костюме, который красиво и плотно облегал его крепкую фигуру, вдохновенно танцевал фокстрот с черноволосой девушкой.

Добросовестно дотанцевав последнее па, капитан вежливо отвел девушку на место и тогда только подошел к Сорокину. Тот отвел его в темный угол и шепотом рассказал о своем деле. Билл свел воедино выжженные солнцем брови и, помолчав немного, спросил с легким удивлением:

— А какого вам черта, мистер, так захотелось в Лошину трех кряжей, да еще в такое время? Впрочем, дело ваше, вопрос лишь, сколько? — Капитан подумал еще с минуту и договорил спокойно и весело: — Тысячу долларов и не меньше, мистер.

Тропа с каждым километром становилась все более угрожающей. Топи, скрытые багульником и ерником, все ширились, и приходилось осторожно обходить зеленые страшные полосы. Легкий туман фантастически мерцающим призраком колыхался над трясины.

Лючетан вел перед уверенно и смело, заранее чувствуя опасные места. Вскоре все убедились, что без него в это время экспедиция вряд ли выбралась бы отсюда. Тунгус вел их такими зарослями, что без пальмы* продрасться сквозь них было невозможно. Он владел пальмой, как виртуоз, одним махом рассекая густые ветви. Но пальма мало помогала. Лошади часто застревали между деревьями, и тогда от выюков только ключья летели. Все чаще бросались в глаза вывернутые с корнем деревья, никак не напоминавшие таежный бурелом. Как ни странно, поваленные деревья лежали вершинами в одну сторону. Дальше вверх по стремительной Маките, притоку Чамбы, таежные проплешины начали попадаться одна за другой.

Экспедиция шла молча, не обмениваясь ни словом, устремляя мысли в Страну мертвого леса.

Когда лучи солнца разогнали туман, вдали на востоке показался двуглавый хребет, закрывавший собой проход ущелья. На нем, казалось, не было никакой растительности. Но тунгус приложил ладонь к глазам, пристально всмотрелся и глухо сказал, помотав головой:

— Там не надо ходить... Тайга.

Горский взял бинокль. Тунгус не соврал. На хребте была тайга, но она лежала, поваленная страшной космической силой. Профессор повернулся к тунгусу.

— Куда же?

Лючетан махнул рукой в сторону и без слов свернул в густую заросшую седловину, яростно размахивая пальмой. Казалось, зарослям не будет конца. Кони окончательно выбились из сил.

* Длинный острый меч (*Прим. авт.*).

Но неожиданно впереди заблестели светлые полосы, чуть дальше они расширились и затем широко, как занавес, разошлись в стороны.

Все ошеломленно остановились, рассматривая странный пейзаж.

Так вот она, легендарная, сотканная из сказок и причудливых легенд Страна мертвого леса, резиденция страшного «бога огня Огды»!

На десяток километров, насколько хватал глаз, до самых неровных коричневых хребтов, сжимавших с двух сторон равнину, безжизненно лежала выкорчеванная неслыханным ураганом тайга. Сожженные, почерневшие деревья образовали плотный помост. Сплетясь черными ветвями, они по какой-то неведомой закономерности указывали верхушками в одну сторону. Над гигантским пожарищем висел ужасный покой. В небе не было видно ни единой птицы. Ни одно движение не нарушало страшную тишину. Слышно было, как бьется сердце и гудит в висках.

И внезапно молчание нарушил тунгус. Он тихо, с ужасом прошептал:

— Ой, чудо, чудо, как валил! Кончал... Всю тайгу — кончал...

Для него наступил решительный, переломный момент: идти вперед по мертвым деревьям, лежащим на земле, словно трупы, дальше в страну могучего Огды — или повернуть назад и с молитвой бежать прочь от страшного места? Он размышлял с минуту, не более. Увидел — смело шагнул вперед высокий белый человек, а за ним, как за вождем, потянулись все его товарищи.

Победило любопытство, что бывает порой сильнее и отважней храбрости. Тунгус опасливо, не чувствуя под собой ног, двинулся вслед за экспедицией. Сердце его бешено колотилось в груди: он нарушил священное табу.

Страна мертвого леса молчаливо, мертвым спокойствием встретила отважных и неугомимых пришельцев.

Десятые сутки разведывательный отряд Всесибирского платинового треста во главе с инженером Люром пробирался по непроходимым дебрям Якутии.

Вел отряд высоченный и очень худой мужчина-скелет по фамилии Трудлер, вел сквозь такую чащу, что временами члены отряда, закаленные в суровой борьбе, с детства знакомые с жизнью в тайге, думали, что им вот-вот станет конец.

Трудлер вел их в Туруханский край — ни разу не взглянув по пути на компас.

Отряд составил Люр, набрав одних отчаянных храбрецов и головорезов; в тресте никто ему не перечил — в разведывательную экспедицию никто другой не пошел бы. Потому-то в приказе об отправке отряда (на поиски новых месторождений золота и платины) не были даже указаны фамилии рабочих. Больше того, никто не знал, кто такой сам Трудлер.

В тайге это было излишним: никто таким вопросом не задавался. Аборигены тайги привыкли к тому, что у каждого есть свои личные, быть может, страшные и кровавые тайны.

Трудлер ни с кем, кроме Люра, не разговаривал, точнее, за исключением Люра никого не удостоивал ответом. Он целыми днями шел вперед, широко и вместе с тем очень осторожно ступая на землю, будто ощупывая подозрительную почву, и словно подсознательно чувствовал страшные места. Все осторожно продвигались вслед за ним, стараясь ступать именно там, где ступал проводник.

Время от времени Трудлер останавливался, возвращался к рабочим и приказывал рубить ветви. Он ни разу не ошибся. В таких случаях впереди всегда подрагивала зеленая предательская трясина.

Продвигались довольно медленно, делая в сутки километров двадцать, не более. Но и эти переходы отнимали последние силы и у людей, и у лошадей, хотя лошади были нагружены только инструментом и едой.

Отряд шел молча, почти без слов выполняя приказы, никто даже не имел охоты поинтересоваться, далеко ли ид-

ти, скоро ли конец пути. Никого не пугала дорога, все они с детства привыкли к однообразному вою тайги, к ее зарослям, в которых, если поднять голову, можно увидеть только клочки голубого неба.

На одиннадцатые сутки, пройдя утром километров пять, Трудлер свернул налево, вывел отряд на берег безымянной таежной речушки и, оставив отряд, в одиночку пошел вперед.

Все, радуясь неожиданному отдыху, дружно разделись на берегу, подставляя тела весеннему солнцу, по которому так стосковались, видя последние десять суток лишь слабые солнечные зайчики.

Отдыхали недолго. Через час вдали замаячила высокая, напоминавшая аиста, фигура Трудлера.

Люр поднялся навстречу с встревоженным видом; подойдя к Трудлеру, спросил:

— Как?

— Все в порядке, — ответил тот и снова крикнул отряду: — Вставай! — Затем опять обратился к Люру: — Станция работает, все без изменений, зимовья только что-то не слышать, может, застрял где, черт.

Утомленный однообразными густо-зелеными стенами тайги взгляд с наслаждением скользил по строениям, расположившимся на берегу быстрой реки.

Небольшое становище состояло из продолговатого сруба из свежей сосны, трех приземистых крепких лабазов и радиостанции со стройной антенной в центре двора.

Как только отряд вошел в ворота, все без сил попадали на землю, с наслаждением ощущая под собой твердую почву, что уже не может угрожать жизни и хищно заманить в зеленую страшную бездну.

Обитатели становища, видимо, знали заранее, что сегодня должен прибыть отряд, так как сейчас же под навесом на хвое начали готовить обед. Подали огромный котел с борщом и бутыль водки. Каждому досталось по стакану жгучей жидкости, и она окончательно обезволила натруженные тела, расслабила мышцы, нагнала сон. Неохотно доели кашу и тут же вповалку разлеглись у котлов.

Люр и Трудлер обедали в конторе. После обеда они вместе вышли из дома — рабочие уже храпели под навесом.

Руководители отряда постояли немного, потом посмотрели друг на друга и молча ушли со двора к берегу.

Не доходя до воды, Трудлер остановился и протянул руку к мощным кедром:

— А вот и он!

Люр прищурился, на фоне зеленой стены яснее выделилась фигура: развалистым шагом к ним приближался парень — приемный сын тунгуса Лючетана.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Эрге, как полоумный, метался по своему кабинету. Ослепленный злобой, натыкался на мебель, забывая, что в углу, у письменного стола, сидит нарочито спокойная Гина.

Как ненавистна ему теперь эта женщина! Что ей нужно? Гадина! Злость текла из сжатых кулаков, поднималась вверх, до боли, как судорога, сжимала горло.

Эрге боялся, что не сдержится и набросится на Гину с бранью и кулаками.

Знал хорошо, что совсем не грусть от разлуки с мужем погнала ее сюда. Но даже не это вызывало злобу и лютую ненависть. Нет! Откуда узнала она о его делах, откуда такая точная осведомленность? И именно в этот, самый ответственный момент, когда все готово к рейду.

Сорокин! Конечно, он, только он мог раскрыть тайну. Мерзавец! Понятно, почему он так неожиданно заболел и остался на шхуне. «О, если бы ты оказался здесь, у меня», — чуть не вскрикнул вслух Эрге.

Гина же, притворно спокойная, кокетливо заложив ногу за ногу, будто где-то в веселом уютном ресторане, молча следила за своим разъяренным мужем. Вяло перебирала журналы на столе, с минуту пробежала глазами заголовки, а после снова поднимала голову, словно спрашивая: «Странно, вы все еще мечетесь? Хватит, не стоит, честное слово», и снова склоняла голову над журналом.

Эрге в конце концов все-таки сдержал себя. Усмирил злость и перестал метаться из угла в угол.

Заложив руки в карманы, неторопливо подошел к Гине и так же, как она, напустил на лицо притворно спокойное выражение, будто только что заметил ее.

Решил, что лучше всего в этот момент одним махом положить конец игре.

Остановился у ее ног (даже коснулся коленом носка приподнятой туфельки Гины) и ровным голосом, сохраняя на лице безразличное выражение, спросил:

— Тебе все известно?

Гина ответила ему в тон, так же ровно и безразлично:

— Все.

— Абсолютно?

— Да.

После этого ответа Эрге отодвинулся от ее ног, повернулся на каблуках и зашагал из угла в угол, сухо бросая на ходу короткие вопросы. На каждое слово Гина отвечала так же сухо и коротко.

— Это глупо...

— Напротив...

— Конечно, Сорокин?

— Он.

— Мерзавец...

— Дело ваше.

И снова через минуту Эрге остановился рядом с Гиной и, покачиваясь с каблуков на носки и обратно, спросил:

— Что же привело тебя сюда?

— Соскучилась.

Эрге, не сдержав злости, воскликнул:

— Ложь!

Гина засмеялась, встала и нежно потянулась к нему.

— Дорогой мой, чистая правда.

Он грубо отбросил ее руки и снова яростно заметался по комнате.

— Брось играть, это не мюзик-холл. К тому же, ты играешь отвратительно и неестественно.

Эрге замолчал на мгновение, ожидая ответа, но Гина молчала, склонив голову над журналом. И это напускное спокойствие еще больше разозлило его; он едва сдерживал себя, чтобы не вырвать журнал из ее рук.

— Послушай, — проговорил он, стискивая кулаки, — из твоего плана ровным счетом ничего не выйдет. Мы на днях вылетаем, а ты спокойно вернешься в Сан-Франциско. Слышишь?

Гина подняла голову, побледнела и, подчеркивая слова, бросила в лицо:

— Слышу! Что ж, я полечу с тобой. А если ты заставишь меня вернуться в Сан-Франциско, в тот же день весь мир узнает о твоей аванюре. Слышишь?

Такого Эрге не ожидал, даже не мог себе представить. У него беспорядочно задергались щеки, и он ощутил, как все тело охватило терпкое, похожее на испуг чувство — словно он незаметно для самого себя очутился на краю бездны.

* * *

На столе дважды вспыхнули зеленые лампочки и резко зазвенел звонок: сигнал из радиокабины.

Эрге выпрямился, ничего не ответив Гине, и выбежал из кабинета.

Торопливо прижал к ушам трубки, услышал знакомый шепот, сразу отрезвивший его мысли:

— Слушайте... слушайте... слушайте... Вверх... вверх... вверх...

Эрге побледнел — это был сигнал вылетать. Он изо всех сил прижал трубки к ушам, не веря себе, но нет, трубки глухо и настойчиво повторяли:

— Вверх... вверх... вверх...

Затем голос умолк, но Эрге еще долго сидел, не снимая наушники с головы.

Когда поднялся, захотелось уйти из здания куда-нибудь подальше, чтобы в одиночестве успокоиться и обдумать финальную часть своего смелого плана.

* * *

На Алеутских островах наступила весна. Давно уплыли прочь льды, и каждый день сильно припекало солнце. Сегодня Лощина трех кряжей полностью освободилась от

въедливого тумана, и черные скалистые горбы гор казались не такими уж мрачными и неприветливыми.

Эрге возвращался с гор успокоенным, с уравновешенными чувствами. Да, он чувствовал себя прекрасно — даже уселся на отвесную скалу и, опираясь на локти, осознанно решил немного помечтать (имел он такой недостаток, правда, сам же его недолюбливал).

Отчего же не помечтать немного — дальнейшие ходы борьбы начертаны, проверены сознательно и спокойно, узлы, что так неожиданно возникли сегодня, самым чудесным образом развязаны. Что ж, пусть Гина едет. Все-таки она переоценила свои силы, надеясь как-то помешать его планам — чепуха!

Эрге вспомнил, как растерялся, когда услышал ее угрозу, и чуть поморщился — не следовало. Как же он не сумел сдержаться? Фи!

Легко отогнав это неприятное воспоминание, снова погрузился в свои мечты, что, как и в Нью-Йорке, пьянили его и вызывали внутри терпкий холодок — предвестник воодушевления.

Конечно, Гина помешать не сможет. Оторванная от людей, она сразу почувствует свое бессилие. По правде, лучше было бы, если... и тут Эрге невольно вспомнил о Сорокине. В ту же секунду в голову пришла навязчивая мысль немедленно увидеть его.

Мысль понравилась. «Умрет ведь, мерзавец, когда уви-ди меня», — с улыбкой подумал инженер и легко встал на ноги.

Защищая ладонью глаза от солнца, посмотрел в сторону шхуны, белевшей парусами на черной воде океана, справа от скалистого горбатого полуострова. Смотрел и снова улыбался себе:

«Умрет, мерзавец».

* * *

Отдав приказ грести к шхуне, Эрге уселся на корме шлюпки, перегнувшись, трогал рукой воду и, забавляясь,

злорадно предвкушал встречу с Сорокиным. Вместо злости появилось желание помучить проклятое животное — измучить, отыграться за все неприятности.

Ровно через 30 минут матросы остановили шлюпку у трапа.

Эрге легко взбежал по ступенькам вверх, остановился на палубе, ища глазами кого-нибудь из экипажа, чтобы спросить, где находится каюта Сорокина.

У капитанского мостика увидел сильную фигуру Билла, направился к нему. Билл тоже заметил гостя и пошел на встречу.

В трех шагах от Эрге Билл приложил два пальца к фуражке и вежливо спросил:

— Каюту мистера Сорокина?

— Да.

— Прошу за мной. Мистер имел несчастье заболеть у самого берега.

Эрге чуть улыбнулся.

Он, конечно, имел право улыбаться. Однако, дорогой читатель, Сорокин в самом деле заболел, как только увидел темные очертания береговых скал. Но заболел он необычной болезнью — испугом. Увидев берег и представив себе встречу с Эрге, он задрожал, как в настоящей лихорадке, весь вспотел и лишился сил. Наутро, когда пристали к берегу, заявил, что на берег сойти не может, так как чувствует себя очень скверно.

Через два дня ему стало хуже, ночью он от страха не мог сомкнуть глаз, а если и смыкал, то его начинали душить кошмары.

Так, в постели, и застал его Эрге.

* * *

— Здравствуйте, господин Сорокин! Как себя чувствуете, а? Что же вы молчите? Может, не узнаете? Или рот раскрыть не в состоянии?

Сорокин приподнялся на локте да так и застыл. Небольшие глазки расширились и округлились, насколько позволяли орбиты, и стали напоминать испуганные зрачки кролика.

Эрге на минуту замолчал, медленно и спокойно подошел к кровати. Сорокин, не спуская с него глаз, с ужасом отодвинулся к стене.

— Так что же вы молчите? Откройте наконец рот. Это ведь невежливо — молчать, когда к вам обращаются. Вы, кажется, говорить умеете, и довольно-таки красноречиво?

Сорокин сразу понял, на что намекает инженер, и едва пошевелил помертвелыми губами. Не сказал, а выдавил:

— Я себя сейчас очень плохо чувствую. — Заискивающая гримаса сложилась на его испуганном лице, и он подавленно воскликнул: — Мистер Эрге, я не виноват, честное слово, не виноват. Клянусь всем дорогим, что это произошло как-то случайно и бессмысленно.

Эрге удивленно поднял глаза, пожал плечами, будто услышав что-то неожиданное и приятное, а потом весело замахал руками:

— Господи, да кто же вас винит?! И мысли не было — придумаете же!

Сорокин ощутил, как по телу прошла волна настоящего холода. Он пропал, теперь-то этот проклятый человек добьет его как следует!

Треклятая сухая усмешка — это неспроста, за ней кроется дьявольская злость. Сорокин понимал, что Эрге, конечно, не простит ему появления Гины, и все надежды на то, что «Эрге, может, и не приедет сюда», окончательно развеялись.

Он с ужасом следил за каждым движением инженера, который спокойно покачивался на каблуках перед ним. Умоляюще думал, что лучше бы все поскорее закончилось — боялся не выдержать и завопить от дикого страха.

«Лучше бы подошел, закричал, ударил бы», — тревожно размышлял Сорокин.

Эрге, не останавливаясь, весело рассказывал по небольшой каюте и игриво продолжал:

— И в мыслях не было, дорогой друг, винить вас. Я просто вспомнил, что вы больны, и меня охватили угрызения совести: как же я своего поверенного в делах не навещу, не отвлеку от грустных мыслей. И поэтому я немедленно решил завернуть к вам.

Эрге остановился у кровати, наклонился и сочувственно произнес:

— Действительно, не повезло вам. Доехать из Нью-Йорка в Сан-Франциско, добраться, наконец, до этих проклятых островов и вдруг заболеть. Заболеть, когда уже виден берег. Знаете, что я придумал? Не знаете? Вот что! Сейчас поедем ко мне.

Сорокина проняла дрожь.

— Я не могу... Плохо себя чувствую... — прошептал он.

Эрге молча подошел вплотную к кровати и наклонился к самым глазам Сорокина.

— Чепуха, — проговорил он и левой рукой сдернул с него одеяло, а правой взял за руку повыше локтя. — Ерунда! — снова проговорил он. — Одевайтесь.

Длинные сухие ноги Сорокина нервно дрожали в коленях, и вся его долговязая фигура неожиданно вызвала у инженера неопишемое отвращение. Он уже не мог сдерживать свою ярость. Злобно сжал руку и силой сдернул Сорокина с кровати.

— Вставай, мразь, симулянт, ну!

Помертвевший Сорокин дрожащими руками начал натягивать на себя одежду.

Капитан Билл даже сдвинул брови, когда увидел на палубе рядом с Эрге бледного, нечесаного, кое-как одетого Сорокина. Подумал про себя: «Быстро глиста выздоровела, странно, что-то здесь не то...» Но тут же решил, что ему, фактически, нет до этого никакого дела. Да и дело-то ясное, раз уж между двумя молодцами оказалась хорошенькая женщина, будьте уверены, что у кого-то из молодцов заболят ребра. Конечно, у слабого.

Капитан Билл усмехался в душе, наблюдая за Сорокиным. Услышав, что Эрге нужно сейчас же возвращаться на

берег, бросил команду матросам и, ловко приложив руку к козырьку, весело крикнул инженеру:

— Есть шлюпка!

* * *

Три дня неустомимого труда — и среди молчаливо застывшего пожара выростла небольшая, 7 на 7 метров, низенькая, без окон, с ровной крышей хижина-склад.

Она мало чем оживляла мертвый ландшафт и напоминала скорее такую же грудку мертвых деревьев.

Горский знал, что вскоре наступит душное континентальное лето, и беспокойно проверял запасы продовольствия.

Запасы были мизерными. Профессор хорошо понимал, что их не хватит на всех даже на два месяца.

Дичи вокруг не было. Только на Хушмо, уже утратившей весеннюю полноводность, удавалось иногда разжиться свежей рыбой. За двумя небольшими сетями следили день и ночь. Но этого было мало. Тогда перегородили речку плетневым забором и в окнах поставили плетеные корзины.

Подготовив базу, решили стать лагерем в центре падения аэролита, на плоскогорье Великого болота, и немедленно начать детальную разведку.

Без устали, с теодолитом в руках, Горский выхаживал десятки километров и что-то старательно записывал в блокноте, рассматривая с верхушек гор пустынную местность. За ним, едва поспевая, с тяжелым аппаратом на спине шагала Аскольд, мокрый от пота.

Работали в невероятно тяжелых условиях. Мириады комаров, порождения трясины, темными звонкими облаками налетали на людей. Пытаясь защитить себя, натягивали на тело по три фланелевых рубашки, лица закрывали накомарниками, а руки прятали в кожаные рукавицы.

Летели дни, каждое утро все более жаркое, ясное солнце вставало над Страной мертвого леса. Тысячи ярких, чудесных цветков распустили свои разноцветные венчики, украшая черное пепелище.

Болезненным контрастом на фоне обгоревших пней пестрели нежные орхидеи, бархатные и пятнистые, как шкура леопарда, лилии, саранки.

Торфяное болото, где упал аэролит, лежало сжатое со всех сторон амфитеатром голых гор. Кое-где в ущельях торчали обожженные космическим огнем, изуродованные стволы деревьев.

Местность была изъедена кратерами, как будто ее долго обстреливала тяжелая артиллерия. Воронки — с резкими краями, переходившие ближе ко дну в узкий конус — разнились по диаметру и глубине.

В центре болота чернел глубокий и наиболее крупный кратер метров в 500 диаметром. Вокруг венчиком чернели воронки поменьше.

В первые дни Горский явно откладывал осмотр центральной части, однако никто не мог в чем-то заподозрить ученого: все знали, что нужно запастись припасами на лето. Только после этого можно было приступить к исследованиям. Замечал поведение профессора один только Марич, но держал свои мысли при себе. Замечал, правда, и Павел Самборский.

* * *

Сквозь сон Марич смутно почувствовал, как кто-то остановился у лежанки и осторожно тронул его за плечо. С трудом протер глаза и увидел на фоне серого квадрата открытой двери высокий знакомый силуэт. Узнал фигуру ученого, удивленно спросил:

— Вы, Валентин Андреевич?

— Я.

Профессор ответил шепотом, и Марич сразу догадался, что и ему следует говорить тихо.

— Что такое?

— Простите, что беспокою. Выйдем-ка на минутку из помещения.

Марич быстро поднялся с постели (спал в одежде), поспешно начал обуваться.

Снаружи серое утро соперничало с ночью. Великое болото лежало, укрытое тяжелыми волнами тумана, которые окутывали верхушки окрестных гор и сожженную, поваленную тайгу.

Горский неслышно прикрыл дверь и снова так же тихо и осторожно обратился к Маричу:

— Я решил, что центральные кратеры мы осмотрим сами, только вдвоем. Поэтому и не беспокоил остальных. До восхода солнца, думаю, дойдем?

Марич не возражал, поскольку и сам считал, что исследования им необходимо провести в одиночестве, как можно более осторожно, не разглашая до поры до времени полученные результаты.

Профессор подготовился заранее — все снаряжение уже было сложено у хижины.

Молча взяв лопату и топор, Марич двинулся вслед за Горским, который зашагал вперед, широко ступая прямыми, все еще сильными ногами. В тумане он казался совсем худым и высоким.

На протяжении всего нелегкого пути, перепрыгивая через ямы и валежник, оба не произнесли ни слова. И только у центральных кратеров, когда остановились отдохнуть, Горский первым обратился к своему помощнику:

— Осмотрим, пожалуй, самый большой? — И снова двинулся дальше.

Вскоре остановились перед огромным кратером с обрывистыми опаленными боками. Вокруг громоздились кучи торфа, почерневшие и припорошенные землей.

Марич наклонился. Метрах в двадцати чернело торфянистое дно ямы.

— Осторожно! — предупредил профессор. — Не двигайтесь, возможно, дно — обычная трясина!

Горский нагнулся и перевернул кусок торфа.

— Посмотрите, как обожжено. Вы заметили? Вся котловина опалена. Но как?! Разве вы не видите, что здесь происходил процесс длительного горения? А это просто корка. Значит, это не результат лесного пожара, как мне пытались доказать дорогие кабинетные коллеги.

Ученый сел на кучу торфа и начал настраивать магнитометр.

— Они, Виктор Николаевич, — обиженно говорил он Маричу, — имели даже наглость уверять, что кратеры эти есть не что иное, как обыкновенные тундровые промоины, а поваленная тайга — следствие циклона. Но мне хотелось бы знать, как мог циклон повалить тайгу строго по радиусу, образуя громадный круг или эллипс, как мы видим на примере Великого болота.

Наладив магнитометр, профессор приготовил веревку, подал конец Маричу, а второй взял в руки. Опираясь на палку, ученый начал осторожно спускаться на дно ямы. Над самым дном протянул руку вперед и попробовал палкой черную почву. Палка легко ушла в мох.

— Трясина! — разочарованно воскликнул профессор и начал обходить дно, внимательно рассматривая опаленные бока кратера.

Осмотрев, выбрался наверх.

— Нужно исследовать воронку поменьше, потому что здесь заниматься магнитометрическими измерениями — дело пустое. Ну, вот эту давайте осмотрим.

Они остановились у неглубокой котловины диаметром метров в десять. Попробовали дно. На сей раз палка не увязла. Принялись расчищать хотя и нетвердое, но достаточно прочное дно воронки.

Расчистив широкое пространство, Горский начал готовить прибор к измерениям. В яме воцарилась тишина, слышно было только сдержанное дыхание в груди.

Горский в волнении замер над магнитометром Тиберг-Талена, Марич неподвижно застыл рядом.

Минуты тянулись очень долго. Маричу показалось, что прошел час, прежде чем Горский поднял голову и взволнованно прошептал:

— Исключительная магнитная аномалия! Исключительная! Карандаш, пожалуйста. Наверху. В кармане!

Ученик тут же вылез из ямы и внезапно остановился, повернув голову влево. На лице его мелькнуло тревожное выражение. Горский заметил это, дернулся к нему и приглушенно спросил:

— Что случилось?

Марич ничего не ответил и поманил его рукой к себе. Выглянув из ямы, профессор побледнел.

На расстоянии километра, посреди взрытого поля, у самого холма виднелась чья-то фигура. Видно было, как неизвестный то наклонялся, то, выпрямившись, стоял неподвижно минуты две-три, после двигался дальше. А вскоре и вовсе исчез — видимо, спустился в глубокий кратер.

* * *

Профессор и Марич молча переглянулись; затем, не отрывая глаз от того места, где показалась минуту назад чья-то фигура, Горский с тревогой в голосе произнес:

— Кто это может быть?

Марич пожал плечами.

— Возможно, что и кто-нибудь из наших.

— Но все остались у хижины. О, посмотрите, опять!

Под горой снова на миг мелькнул, будто из воды вынырнул, темный силуэт головы.

— Пойдемте! — воскликнул профессор и поспешно, почти бегом, прыгая через валежник и кучи торфа, направился к возвышенности.

Это был обыкновенный кратер, метров сорок в диаметре, неглубокий, с изуродованными краями. Чуть поодаль, метрах в пятидесяти, уходила вверх высокая, опаленная, скалистая гора. Человек на дне кратера сидел спиной к Ма-

ричу и профессору и был так увлечен своей работой, что не услышал даже, как минут пять тому позади остановились Горский и его ученик.

На земле рядом с неизвестным валялась лопата, и весь противоположный край был расчищен и аккуратно раскопан. Человек держал что-то в руках и внимательно рассматривал.

По одежде Горский и Марич сразу узнали его. Только минут через пять человек наконец инстинктивно почувствовал, что за спиной кто-то стоит, внезапно повернул голову и вскочил на ноги — это был Самборский. При виде Горского и Марича лицо его вдруг побледнело и он, бросив на них вороватый взгляд, хотел было спрятать руки за спиной. Впрочем, он быстро овладел собой, когда профессор строго спросил:

— Товарищ Самборский, что вы здесь делаете?

Павел виновато улыбнулся, протянул руку вперед, радостно и восторженно вскричал:

— Профессор, простите уж мое самовольство, вы только посмотрите, что я нашел!

Горский сполз в кратер, подбежал к Самборскому, дрожащими пальцами взял с ладони несколько кусков белого тяжелого металла.

* * *

В результате упорной работы на центральных кратерах всем стало совершенно очевидно и понятно, что проводить раскопки подручными средствами абсолютно невозможно. Сперва пробовали копать вручную, но из торфа начала сочиться вода и быстро залила раскоп. Приспособили золотискательский насос из выдолбленного кедрового ствола и начали откачивать воду. Насос не помог, так как глубже двух метров не доставал. И тогда возобладало мнение, что до тех пор, пока у экспедиции не появятся необходимые приспособления, механические насосы и буры, проводить

изыскания — означает попусту тратить время, припасы и силы.

К тому же, магнитные бури упорно препятствовали окончательной и точной проверке магнитометрических измерений.

Пугала страшная мысль о продовольствии. Рабочие недоверчиво смотрели на профессора, а по вечерам, ложась у костра, в страхе тихо перешептывались между собой.

Не теряли надежд и душевного равновесия только неутомимый Аскольд и Самборский. Марич заметил, что после происшествия в кратере, где они с профессором застигли его, точно вора, журналист несколько изменился. Он сделался разговорчивым и крайне, рафинированно вежливым.

Марич чувствовал, что нужно найти какой-то выход из этого сложного положения, сложившегося так неожиданно и внезапно, начал искать удобного случая, чтобы серьезно поговорить с Горским. Но никак не мог застать профессора в одиночестве.

С того самого утра, когда в кратере под горой они заметили Самборского, профессор помрачнел и за два дня не произнес ни слова. По утрам Горский выходил из хижины и, распределив работу, исчезал на целый день.

Как-то утром, глядя в бинокль, Марич увидел фигуру профессора под горой, где им встретился Самборский. Такое поведение учителя даже обижало Марича, и он окончательно решил в тот же день поговорить с Горским.

Профессор, исчезнув с утра, до полудня не возвращался. Не вернулся и после обеда. Марич забеспокоился, потому что приборы упорно предвещали грозу. Он отправился на поиски Горского.

Над венцом плоскогорья вздымалось призрачное марево. Солнце, стоявшее высоко и окруженное пламенным радужным кругом, заливало Великое болото невыносимым зноем. Марево, словно туман, окутывало тупые вершины гор, ползло вверх, постепенно овладевая небесным пространством. Трудно было разглядеть что-либо вдалеке, и Ма-

рич напрасно прикладывал к глазам бинокль. Надеялся, что профессор все еще там, у скалистой горы.

Быстрым ходом, донельзя усталый и обессиливший от жары, он добрался до памятного кратера. Оглянулся вокруг. Никого. Еще раз внимательно окинул взглядом местность и, подумав немного, крикнул изо всех сил, приложив рупором ладони ко рту:

— Ва-ле-тин Ан-дрее-вич!

Тяжелая атмосфера, полная испарений, заглушила его зов, и он прозвучал слабо и глухо. Марич кричал еще дважды. Не услышав ответа, направился к горе. Приблизился к подножию, свернул налево, чтобы обойти гору, и только тогда заметил на склоне высокую знакомую фигуру профессора. Ученый поспешно, почти бегом спускался вниз.

Увидев Марича, Горский еще быстрее помчался по покатому склону. Марич удивленно и молча, не двигаясь с места, ждал его под горой. Когда профессор приблизился, Марич заметил, что ученый чем-то до крайности поражен и взбудоражен.

Не успел спросить, что случилось, как Горский воскликнул:

— Виктор Николаевич, дорогой мой, как нам повезло! Какое открытие! И какие мы все же глупцы!

Профессор подбежал и крепко пожал Маричу руку.

— Не удивляйтесь, — продолжал возбужденно Горский, — должно быть, вам показалось, что я сошел с ума, но слушайте же, расскажу вам все по порядку, спокойно и последовательно.

Марич нетерпеливо ждал, но Горский даже не пытался говорить последовательно — никак не получалось. Он сбивался со спокойного тона, повторялся, извинялся перед Маричем и снова рассказывал возбужденно и нескладно:

— Виктор Николаевич, прежде всего, прошу прощения. Вижу, я вижу, вас обидел, да? Но послушайте, представьте себе мое положение. Смотрю и вижу в руке обычную платину, заурядную платину. Такие же кусочки, какие нашел когда-то в тунгусском чуме. Но вы же знаете, мы обошли, облазили и осмотрели почти все кратеры — и хоть бы что.

Вначале я глазам своим не верил. Но потом мне в голову пришла диковинная мысль — что платина эта не космического происхождения и никакого отношения к аэролиту не имеет, а просто-напросто в Великом болоте имеются природные залежи этого металла. Дорогой, простите, но я стеснялся вам сказать. Потому что смешно же, трясина, торфяная трясина — и вдруг залежи платины. Я без вас за эти дни как сумасшедший прочесал, практически ощупал все кратеры.

И лишь сегодня случайно, совершенно случайно забрался на эту гору, и только там я понял все.

— Месторождение платины? — вскрикнул дрожащим голосом Марич.

— Да! Космическая сила аэролита снесла и расколола вершину горы, прятавшей в себе залежи.

Марича охватил животный ужас и одновременно чувство неописуемой радости. Подавив страх, он огляделся по сторонам.

Профессор понял его и тихо, инстинктивно понижая голос, сказал:

— Сейчас об этом никто не должен...

Последние слова заглушил мощный грохот далекой грозы, которая шла с юга и накрывала блестяще-сизыми тучами окрестные горы. Вдруг поблекло солнце, его окружили первые отряды еще прозрачных облаков.

— Поспешим! — воскликнул Марич и взял за руку Горского.

Черную завесу облаков прорезала ветвистая молния. Минуту спустя раздался мощный удар грома и тяжело, испуганно застонала земля.

Профессор бросился вперед и, перепрыгивая через валежник, на бегу бросал Маричу:

— Теперь только действовать! Действовать, действовать!

Гром на миг заглушил его слова, и до Марича долетели разорванные обрывки:

— Вас надежда... любой ценой... Кежму... оттуда в Тайшет... я с Аскольдом здесь... на двоих нам хватит. А как морозы — вы с подмогой.

Едва добежали до хижины, протиснулись внутрь — черное грозное небо обрушило на землю могучий водопад.

* * *

— Поэтому ясно, что сидеть здесь нерационально, даже опасно. На двоих до осени припасов вполне хватит, и потому вопрос один, кто сможет со мной остаться? Мое предложение — Аскольд. Что скажете?

Горский прищурился, пытаясь разглядеть лица своих товарищей.

Слабое пламя сальной свечи бессильно боролось с темнотой. С минутку все молчали.

Двое рабочих, измученные трудом и проклятой жарой, были рады любой ценой вырваться из гиблого места и поэтому, опустив головы, не произнесли в ответ ни слова. Марич был полностью согласен с Горским и возражений не имел. Ждал, что скажут другие.

Только Самборский шевельнулся, хотел было запротестовать против такого распределения обязанностей, но тотчас, словно вспомнив что-то, сдержал нетерпеливый жест и отодвинулся назад.

— Итак, вижу — никто не возражает, — обвел всех взглядом Горский. — Тогда нечего терять время, ложитесь, завтра утром в путь.

— Видите ли... Может, лучше мне остаться? — нерешительно предложил Самборский.

— А вот тебе! — вскричал Аскольд. — Ты вместо меня снимать будешь? Я еще почти ничего не успел.

— Нет, об этом и говорить нечего, — устало вмешался Горский. — Вы, товарищ Самборский, в Москве нужнее будете, это несомненно. Ну что же, давайте ложиться...

Все зашевелились, встали, вышли на минуту на улицу.

Бурный ливень давно уже стих, тучи исчезли где-то за вершинами гор, заполнив водой кратеры. Чистый, про-

мытый дождем воздух оведал терпким холодком. Вверху мерцало звездное небо, справа шумела на камнях Хушмо.

* * *

Командорский дирижабль, готовый к отлету, тихо вздрагивал у причальной мачты. Только что запустили моторы. У эллингов до сих пор продолжалась непрерывная возня, выводили остальные машины.

— А Сорокин? — в ярости воскликнул Эрге, заметив, что того нет в гондоле. — Сорокин где? Сейчас же разыскать!

Он готов уже был подать команду сниматься, и потому, озабоченный, раздраженный, не заметил, что репортер с полчаса как куда-то исчез.

— Немедленно найти! — крикнул Эрге, бледнея и задыхаясь от злости.

При мысли, что Сорокин сможет как-то избежать полета, горло сжимали спазмы и больно сводило челюсти.

Из главной квартиры торопливо выбежал начальник охраны, успокаивающе замахал рукой.

Эрге попросил рупор.

— Где он? Здесь?

— Здесь, сейчас!

Начальник охраны взобрался по лестнице и, добежав до командора, смущенно прошептал на ухо:

— В гальюне. У мистера заболел желудок.

Через несколько минут появился и сам Сорокин, помятый и серый.

— Что же это вы, — уже спокойней проговорил в рупор инженер.

Сорокин бессильно развел руками, мол, ничего не поделаешь, — не виноват.

Дирижабль начал мягко набирать высоту. За командорской машиной одна за другой снялись остальные четыре.

Где-то за кряжами в неизмеримой глубине искрой загорелось солнце. Туман быстро погасил его. Вскоре и венцы кряжей окутала тяжелая завеса.

Спустя час после того, как снялись с земли, Эрге прошел в каюту жены. У двери нажал пуговицу звонка, спрашивая разрешения войти. Ответа не услышал. Приоткрыл дверь. Гина стояла у окна. Видимо, задумавшись, она не обратила внимания на звонок. Опять нажал на кнопку. Гина вздрогнула.

— Прошу!

Эрге молча подошел к ней, также остановился у окна и стал, якобы заинтересованно, рассматривать серую туманную завесу. Потом посмотрел в лицо, криво скривил рот в улыбке:

— Ну как, ничего?

— Ничего.

— Может, поговорим?

— О чем?

— Разве не о чем?

Эрге взял ее руку, погладил и покачал снисходительно головой.

— Ты, Гина, наивна, непоследовательна, несобранна — и просто женщина.

Гина тихо высвободила руку из его пальцев и строго посмотрела в глаза.

— Ну?

— Что же — ну? Хочешь искренне? Я вполне понимаю тебя. Допустим, встреча в Нью-Йорке поразила тебя, разбредила, выражаясь штампованно, старые раны.

Гина повернулась к нему боком и прижалась лбом к стеклу.

Эрге, не останавливаясь, продолжал:

— Но что с того? Поговорим серьезно, по-деловому. Что с того? Возвращение — ерунда. Стопроцентная чушь. Обратного пути нет. Говорю не как влюбленный, а просто как человек, спокойно обдумавший вопрос. Вернуться невозможно по многим причинам. Первая — ты сама на это не пойдешь. Вторая — в данных условиях это физически невы-

полнимо. Между тем, первое исключает второе. Ты сама подумай. Относительно первого утверждения. Психологически вы целиком стоите по разные стороны баррикад. И если бы вопрос о возвращении действительно встал перед тобой ребром, ты никогда не променяла бы Нью-Йорк, допустим, на Москву. Что касается второго утверждения, то ты знаешь, что мы летим в такие места, которые до сих пор еще не полностью нанесены на карту. Понятно же...

Гина резко повернула голову к Эрге и едва не закричала.

— Ты скажи лучше, что вы будете делать с теми людьми, которые попадут там в ваши руки?

Голос Эрге мгновенно утратил снисходительные нотки.

— Это будет целиком зависеть от обстоятельств, вернее, от них самих, — отрывисто сказал он, подчеркивая каждое слово.

— Скажу одно, — ответила Гина ему в тон, так же сухо и отрывисто, будто передразнивая его. — Там я в своих действиях буду абсолютно независима. Понимаешь?

На лицо Эрге снова легло снисходительное выражение.

— Хорошо. Но это также абсолютно зависит от тебя.

* * *

Зимовье дохнуло пустотой. Хижину подпирал кол, на месте чума осталась лишь утоптанная земля. Очевидно, Лючетан со своим приемышем отправились кочевать с оленями. От зимовья уходили в даль извилистые и неровные, едва заметные тропы.

Лодка, почерневшая от непогоды, покачивалась на берегу.

Горский осмотрел лодку и приказал грузить. Рабочие дружно перенесли легкие тюки, с готовностью радостно уселись в лодку. На берегу остались Самборский, Марич, Горский и Аскольд.

Высокий, еще больше похудевший профессор отвел Марича в сторону, на прощание мягко взял за плечи:

— Кажется, все, Виктор Николаевич. Давайте коротко еще раз подытожим: как можно скорее добирайтесь до центра. С кем говорить — знаете. Продуктов нам с Аскольдом хватит на три месяца. За это время вы, конечно, доберетесь до Москвы и Ленинграда. Получите дополнительные средства, проинформируете соответствующие учреждения, по возвращении организуете в Кежме выучный обоз, и с первыми заморозками, как схватятся болота, я буду ждать вас...

Горский постоял минуту, держа на плече руку. Затем левой рукой обнял Марича за шею, крепко поцеловал в губы.

— Счастливо вам, — добавил он, — осторожно у порога, а там, надеюсь, все в порядке будет. Ливень поднял воду. Ну, всего хорошего. — Профессор пожал руки работникам и Самборскому. — Всего хорошего!

Аскольд все не мог расстаться с Самборским. Торопливо, обрывисто, нелепо бормотал:

— Ах, как же я забыл, как забыл. Вот я какой. Ну ты, в общем, знаешь. Привет, одним словом. Ты, в общем, рекламируй. Что-то хотел тебе сказать... Ей-богу, позабыл. Ага!

Марич, улыбаясь, дернул канат, быстрое течение рвануло лодку вперед. Аскольд едва не свалился в воду. Выпрямился и крикнул:

— До свидания, всего хорошего. Значит, Павел, смотри. Что же еще хотел... Да...

Горский с поднятой рукой смотрел вслед, пока лодка не скрылась за скалистым изгибом реки. Аскольд стоял с растерянным выражением и наконец бросил вслух:

— Опять забыл!

— Что забыл? — удивленно спросил дядя.

— Письмо забыл передать.

— Кому?

— Девушке... Невесте...

Горский не сдержал тихой улыбки, с любовью посмотрел поверх очков на племянника, покачал головой и задумчиво, тепло пожурил:

— Эх, ты, голова, голова. Разве о таком забывают?

* * *

Налившаяся после грозы Чамба безудержно несла бурные, мутные воды к порогам.

Решили близ порогов пристать к берегу на отдых. Переждать ночь. Наутро перетянуть лодку берегом за порог и в тот же день достичь Подкаменной Тунгуски.

Ночь начала догонять отряд у самых порогов, как и предполагал Марич.

Грохот валов поначалу долетал приглушенно, как гул ветра в тайге, и только напрягая слух, можно было разобратить, что впереди бушуют пороги. Течение несло лодку с необычайной быстротой, и вскоре в ушах все сильнее и мощнее зазвучал грохот воды, с силой бившей в скользкие камни.

Порогов не было видно. Белесый туманный вечер застилал недалекий горизонт и грозил быстро превратиться в ночь.

Марич изо всех сил налег на руль и скомандовал взяться за весла.

Из течения нелегко было вырваться к берегу. Но постепенно лодка начала сбавлять скорость. Проплыли еще четверть километра, преодолели наконец течение и пристали к берегу. Из-за грохота воды с трудом могли расслышать друг друга.

Млечный мрак мягко окутал все вокруг, смягчил очертания окрестных берегов, скал и деревьев — их контуры проступали словно сквозь пелену тумана, неясные и далекие.

С большими усилиями подогнали лодку к крутому берегу, крепко закрутив веревку вокруг согнутого непогодой и волнами сучковатого дерева. Оно цепко впилося корнями в каменистый грунт.

Пужинав, Самборский взял одежду и начал на берегу искать место для ночлега. Марич заметил это и недовольно окликнул его из лодки, пытаясь перекричать рев воды:

— Слушайте, бросьте вы это! Простудиться хотите? В лодке же достаточно места.

Самборский послушно полез в лодку и начал устраниваться на носу. Помолчав, крикнул в ответ:

— Правда ваша, земля чертовски сырая. Но что с караулом?

— К черту караул, что тут караулить. Ложитесь.

Многоголосый, по-своему ритмичный гул воды заглушал все остальные звуки. Слух, вначале нервно воспринимавший грохот волн, быстро к нему привыкал. Казалось, воздух над рекой был насыщен особой воркотливой тишиной.

В полночь лодка, тихо вздрагивавшая от ударов волн, вдруг закачалась в обе стороны. Кто-то нарушил ее равновесие.

На носу в млечной пелене тумана осторожно поднялась фигура Самборского.

Силуэт на мгновение неподвижно застыл над бортом, затем пошевелился, наклонил голову и внимательно осмотрел дно лодки. Опять выпрямился. Легко выпрыгнул на берег. Пелена ночи тотчас же вобрала в себя очертания фигуры.

Не успел Самборский исчезнуть, как над бортом поднялась вторая голова. Точно так же на мгновение неподвижно застыла. Потом человек встал, выпрямился, спрыгнул на берег и исчез вслед за Самборским.

Некоторое время вокруг никого не было видно. Через четверть часа у лодки вынырнули уже две фигуры. Одна осталась стоять поодаль, а вторая приблизилась к лодке. Наклонилась к канату, взмахнула рукой, и лодка мгновенно отскочила от берега. Волна цепко охватила ее своими упругие объятиями, яростно завертела в водовороте и молниеносно помчала к порогу.

— Дирижабли!

— Что ты выдумываешь?

— Посмотрите!

Горский поглядел туда, куда указывала рука Аскольда, и начал пристально всматриваться в глубину неба. Сначала он долго не мог ничего разглядеть, лишь перед глазами мерцала волнистая полоса неба, нависшая над рыжими хребтами. Но вскоре он убедился, что Аскольд не ошибся. На сером утреннем небе начали вырисовываться сигарообразные очертания дирижаблей.

Они медленно приближались к Стране мертвого леса.

— Может, за нами? — улынулся Аскольд.

— Странно, — протянул Горский, не отвечая племяннику. — Удивительно для этой местности.

— Но посмотрите, они летят прямо к нам, и так быстро. Может, это какая-то экспедиция?

— Об экспедиции я бы знал.

— Откуда же вам было узнать?

— Хотя бы из прессы.

— А вспомните, когда вы последний раз видели газету.

— Что? Такие экспедиции за один день не организуются.

— Я могу разглядеть марку — Р-1. Впервые вижу такую конструкцию.

— Я тоже. Неужели мимо?

— Нет, поглядите, они просто хотят полукругом облететь пожарище. Привлечем их внимание?

Профессор молчал, не выпуская из поля зрения дирижабли. Не дождавшись ответа, Аскольд нетерпеливо махнул над головой кепкой, а затем, набрав в легкие воздуха, закричал:

— Э-эй, э-ге-гей, э-ге-гей!

Машины, отклонившиеся было в сторону, вновь начали приближаться к центру поля, описывая в воздухе круг.

Вот совсем близко и низко летят машины. Слышен гул моторов. Громадные животы дирижаблей заслоняют небо.

— Э-ге-гей! — еще громче закричал Аскольд и яростно замахал кепкой.

На дирижаблях, очевидно, их заметили, потому что в передней машине, в окне гондолы, вспорхнул белый платок, салютуя в ответ.

Потом, облетев Страну мертвого леса, дирижабли снова повернули на восток и чередой, становясь все меньше и меньше, начали удаляться и вскоре исчезли за теми же хребтами, откуда появились.

Аскольд замолчал, сведя брови, долго удивленно и непонимающе смотрел в сторону далеких коричневых хребтов. Затем поглядел на профессора — на лице ученого также застыло удивление с примесью тревоги и досады.

* * *

На грани между сном и явью Горскому послышался далекий и прерывистый шум.

Никак не мог поднять голову. Натруженные мышцы еще не отдохнули, трудно было пошевелиться.

Возбужденный мозг даже во сне работал настороженно и чутко.

Шум нарастал, вот вроде треск, голоса, кого-то зовут.

Профессор открыл глаза. Да, действительно, откуда-то доносились негромкие звуки. Они то таяли в тишине, то снова рождались в треске ветвей, но их источник невозможно было определить.

Горский поднял голову. Пересиливая боль в мышцах, сел на помосте. Начал еще внимательнее прислушиваться.

— Аскольд! — проговорил пересохшей гортанью профессор.

Племянник не отзывался.

Горский вышел за дверь, стал, повертел головой во все стороны. Теперь шум окружил его с трех сторон. Он уже не утихал, а медленно приближался к дому.

Вдруг слух уловил приглушенный голос.

Горский вздрогнул и вернулся в хижину. В темноте нащупал ружье.

— Аскольд! — тронул за плечо племянника.

— Что такое? — вскочил тот.

— Кто-то приближается к дому.

Аскольд стремглав вскочил с лежанки.

В двух шагах ничего нельзя было разглядеть. Густел серый мрак, насыщенный испарениями трясины, скрывал все от глаз.

Горский и Аскольд без слов поняли друг друга и стали наготове с ружьями у дверей хижины.

— Кто идет, эй, кто идет? — бросил во мрак профессор высоким, необычно звонким голосом.

Треск веток прекратился.

— Кто идет? Стрелять будем!

— Свои, — послышалось в ответ, — государственная поисковая партия. А вы кто будете?

Профессор помолчал, а потом крикнул:

— Научная экспедиция Академии!

— Вот тебе и раз. А вы стрелять, что же вы? — обрадованно прозвучал из мрака голос.

Опять треск веток, с трех сторон хижину быстро окружил отряд людей.

Внезапно мозг профессора пронзила мысль, что его обманули. Невозможно предположить, что разведывательная партия станет передвигаться ночью. Но было уже поздно и бессмысленно что-либо предпринимать. Они с Аскольдом оказались в кругу незнакомых людей.

Высокий силуэт какого-то крепкого человека остановился перед Горским и, ни слова не говоря, рванул из рук ружье.

Аскольд вскрикнул и слепо бросился на помощь. Мгновенно и он остался без оружия. Стиснутый добрым десятком рук, он уже не мог пошевелиться.

Профессор понимал, что попал в очень сложное, а возможно и безвыходное положение. Пытался обдумать все спокойно, последовательно, но из этого ничего не выходило.

Как-то не укладывалось в уме, что незнакомый отряд, а, может, бандиты, самоуправно посадили его под замок и захватили в свои руки местность. Никак не мог дать объяснение их поступкам, не мог предположить, что они так организованны и отчаянно осмелились посягнуть на государственные богатства.

Пытался уверить себя, что случилось скандальное недоразумение всесоюзного масштаба — этому давало повод упрямое молчание руководителя отряда.

Допустил было, что местностью владеет какой-либо трест или концессия (дирижабли ведь заграничной постройки!). Но неужели они не слышали о его экспедиции? И к тому же, какое они имеют право держать его в заключении, будто вора и проходимца?

Возникло желание поговорить, обменяться с кем-нибудь мыслями. Но вспомнил, что Аскольда еще вчера перевели в другое помещение. Зашагал по небольшой хижине, осторожно наклонив голову, чтобы не задеть низкий потолок. Сделал шагов пять из угла в угол. Остановился у двери, подумал немного и осторожно постучал. Никто не отзывался.

Профессор постучал еще раз, уже сильнее и настойчивее. Снова молчание. Оно раздражало, ведь он хорошо знал, что за дверью стоит часовой. На третий раз грохнул кулаком и со злостью воскликнул:

— Слушайте, вы!

— Чего тебе? — не приветливо сказал грубый голос.

— Можете отвечать поприличнее, когда к вам обращаются.

— Тебя не спросил, как отвечать.

— Мерзавец!

Профессор выругался, постоял немного и дрожащим кулаком начал снова бить в дверь. От ударов больно щемило тело, боль еще сильнее раздражала и вызывала бессильное возмущение.

Часовому, видимо, надоел шум, и он снисходительно спросил:

— Ну, чего?

— Немедленно вызовите вашего начальника, или как вы его там величаете?

— Ого-го, чего захотел.

— Слышите, немедленно, у меня к нему дело.

— Какое дело?

— Вас не касается, позовите.

— Сам придет, коли надо будет.

Часовой произнес последнюю фразу спокойно и безразлично, и сколько профессор ни стучал в дверь, не произнес больше ни слова.

До крайности утомленный и взвинченный, Горский понял, что стуком делу все равно не поможешь — отошел от двери к помосту.

Нащупал рукой доски и одежду, сел, посидел немного. Вскоре склонил на руки голову. Задремал.

Пришел в себя от осторожного прикосновения руки. Поднял голову, пытаюсь разглядеть что-либо в темноте. Яркий луч карманного фонарика ударил в глаза. Тревожно спросил:

— Кто это?

— Простите, — раздался рядом с головой сухой голос, — вы, кажется, звали меня?

— Звал, но, собственно, кто вы?

— Руководитель отряда.

Горский пытался разглядеть лицо человека, который стоял возле него, но свет фонаря слепил глаза. Протянул руку ко лбу, закрыл глаза ладонью.

— Прошу, отведите фонарь в сторону.

Незнакомец погасил фонарик, но профессор долго не мог его разглядеть. И только потом, напрягая зрение в по-

лумраке, охватил взглядом худощавое лицо, блестящие глаза.

Помолчав, незнакомец вежливо обратился к Горскому:

— Тем более что я и сам хотел поговорить с вами.

— Весьма благодарен за вашу доброту, — насмешливо отозвался профессор.

.....

После темноты глаза сразу больно ослепил дневной свет. Горский, прикрывая ладонью очки, остановился, начал оглядываться по сторонам. И чем дольше смотрел, тем отчетливей все его черты складывались в выражение возмущения и в то же время безмерного удивления.

Местность было не узнать. Поваленные деревья лежали сейчас ровными квадратными штабелями. Над главными кратерами возносились вверх насосы, буровые установки. Некоторые уже работали. Вокруг них сновали люди. Сбоку, слева, у высокой и прочно, хотя и наскоро построенной причальной мачты тихо покачивались дирижабли.

Профессор побледнел. Уперся глазами в Эрге:

— Что это значит, не понимаю?

Тот улыбнулся в ответ:

— Видите ли, я хозяин этой местности. Это моя собственность, понимаете?

— Ваша собственность?!

— Вас так поражает это слово?

Горский ничего не ответил и, опустив голову, пошел за Эрге, который вел его к дирижаблям. Подошли к винтовой лестнице. Эрге вежливым жестом предложил профессору подняться наверх.

В уютной, комфортабельной каюте он вежливо пододвинул кресло. Сам сел за стол.

Оба долго молчали, напоминая шахматистов, упорно обдумывающих дальнейшие ходы.

Ход сделал Эрге.

— Итак, вас удивляет все то, что вы видели?

— Удивляет.

— Но я вам уже сказал, что я владелец этой местности, что это моя собственность.

— Земля, природные богатства в нашей стране — собственность государства, — ответил профессор.

— Это меня ничуть не волнует.

— Тогда вы просто проходимец и пошли на очень опасную авантюру.

Эрге нагло улыбнулся.

— Пусть так!

— В таком случае мне не о чем с вами говорить.

— Вы заявляете это вполне сознательно и твердо?

— Да.

— Я думаю иначе. Послушайте, профессор, хотите в открытую, а?

Профессор молчал. Эрге подумал немного, не сводя насмешливого наглого взгляда с лица профессора, выдержал паузу и небрежно, будто забавляясь, начал:

— Что ж, слушайте, играем в открытую. Азиатский аэролит таит в себе неисчислимые сокровища. Такова истина! Доказывать не к чему. Разные категории людей смотрят на эти сокровища по-разному. Я, как хозяин этой местности, выражаясь грубо, смотрю на сокровища как на средство к существованию, как на мощное оружие, которое подарит мне наслаждение жизнью, уважение и все, чего я захочу. Это также истина! Правда, кто-то может ее отрицать. Конечно, я эти возражения отвергну. Теперь в отношении вас. Вы смотрите на сокровища, как ученый — хотя я, возможно, ошибаюсь. Вы можете сокровища материальные превратить в сокровища научные. Это, в конце концов, ваше дело. Большевики на сокровища смотрят иначе. Им нет дела ни до ваших научных стремлений, ни до ваших опытов, им, как и мне, нужны деньги. Вы подданный СССР, и вам лучше знать состояние науки в этой стране.

Профессор поднял голову и подчеркнуто ответил:

— Да, я лучше вас знаю состояние науки в СССР.

— Вот именно, — поддакнул Эрге, будто не замечая иронии Горского. — Теперь конкретно, еще доходчивей и откровенней. Вы, скажем, хотите уехать туда, где могли бы работать спокойно, без забот — будучи окружены уважением и вниманием. И вот вы, наконец, можете оказаться за границей. Вы будете на всю жизнь материально обеспечены, сможете всецело отдаться науке, а не бегать и кланяться в ноги невеждам, выпрашивая копейки на большое научное дело. Но для этого, если вы согласны, вы должны будете взять на себя руководство раскопками Азиатского аэролита. — Эрге сделал небольшую паузу и коротко, уверенно закончил: — Вижу, вы меня поняли. Что вы на это скажете?

— Что я на это скажу? — переспросил профессор. — Я скажу так же откровенно: первый раз в жизни я вижу такого авантюриста и мерзавца, как вы.

* * *

Трудлер нашел Эрге возле главной шахты. Инженер стоял у бура, пристально рассматривая куски породы.

Заметив Трудлера, поднял голову, но не удивился.

— Меня ищите?

— Да вот записка вам.

Эрге развернул четырехугольный листок белой бумаги. На нем чернели всего три слова:

«Немедленно приходите. Пауль».

— Случилось что? — уже удивленно заговорил Эрге.

— Нет, все в порядке.

— А почему же немедленно?

Трудлер пожал плечами:

— Не знаю, выбежал из радиокабины, позвал, передал, говорит — немедленно. Отчего — не знаю. Целыми днями из кабины не вылезал.

Через четверть часа Эрге был в лагере за рекой. Застал Самборского в радиокабине. На голове у него чернела скобка наушников.

Услышав, что кто-то зашел, он повернул голову, улыбнулся, но наушники не сбросил, а лишь указал на свободное место.

Как ни странно, Эрге в присутствии Самборского чувствовал себя не совсем уверенно, ощущал даже робость. И потому сел в кресло и стал терпеливо ждать.

Наконец Самборский освободил уши от черных блестящих наушников.

— Ну, как у вас? — спокойно обратился к инженеру.

Эрге немного удивился.

— О чем вы? Я собирался этот вопрос задать вам.

— Сначала вы отвечайте, потому что ваш ответ определит мой.

— Вы о профессоре?

— Да.

— Он патологически упрям и...

— Честен, — с улыбкой подсказал Самборский.

Эрге поморщился.

— Не сказал бы... Скорее старается быть честным.

— Нет, не говорите. Я немного больше вас знаю. Он фанатично честен и предан своему делу — большевик. И настоящий, как говорят — идейный.

— По моему мнению — большевик за деньги.

— Вы просто обозлены на него, потому что он вам ни слова не сказал, правда?

— Отказался. Но я думаю, он еще заговорит, — двусмысленно произнес Эрге.

При воспоминании о разговоре с ученым его охватило чувство ярости. Он злился даже на самого себя — за то, что разговор дал совсем не те результаты, на которые он так уверенно рассчитывал.

Было стыдно перед Самборским. Тот, очевидно, заметил это.

— А если не заговорит, в чем я убежден, что с ним станете делать?

— Ну а как по-вашему, что в таких случаях делают?

Самборский брезгливо поморщился.

— Между прочим, я крови не люблю.

— Вот как, — насмешливо скривил рот Эрге.

— Серьезно. Но на сей раз, думаю, мы обойдемся и без этого. Вы не знаете, как нам повезло. Читайте — вот причина, по которой я вас так внезапно вызвал, — и Самборский протянул Эрге стопку серых радиограмм. — Читайте по очереди.

Эрге поднялся и стоя начал торопливо пробегать глазами черные строки.

Вскоре лицо его вспыхнуло возбужденным нервным румянцем.

— Не может быть! — воскликнул он, прочитав первую страницу. — Не может быть!

— Читайте дальше, — бросил Самборский.

Эрге прочитал второй, третий, четвертый лист и блестящими глазами уставился на Самборского.

— Как повезло, вы понимаете, как это вовремя, — почти шепотом произнес он. — Конфликт — это лишь зацепка. Вот увидите — вспыхнет настоящая война. Империализм никогда не простит СССР революции в Китае.

— Читайте, — протянул Самборский последнюю радиограмму. Это было сообщение о дальневосточном конфликте и разрыве дипломатических отношений между СССР и Китаем. В самом конце сообщалось, что белогвардейские отряды перешли границу.

Прочитав, Эрге схватил Самборского за плечи, глаза его заиграли хищным враждебным огоньком.

— Хо-хо-хо, — закричал он (Самборский впервые видел его таким возбужденным), — нам чертовски везет, чертовски. Не верится! Это начало конца!

Эрге ошалело забегал по комнате, потом неожиданно подскочил к Самборскому:

— А из тех кто-нибудь не мог спастись?

Самборский медленно покачал головой:

— Это невозможно. Там бешеный скалистый порог.

— Тогда мы можем спокойно продолжать свои работы.

И Эрге снова лихорадочно забегал по кабине.

* * *

Уже на седьмой день раскопок, рабочие добрались в центральных кратерах до первых обломков аэролита. Но лабораторные исследования не выявили в этих обломках ни малейших признаков платины.

Это был страшный, неожиданный сюрприз. Эрге впервые почувствовал, как зашаталась под ногами почва его авантюры.

Последующие дни принесли новые и еще более неприятные неожиданности. Этим утром ему сообщили, что в главном кратере рабочие дошли до сплошной аэролитной массы. И снова лабораторные исследования не выявили в обломках ни единой частицы платины — аэролит в основном состоял из чистого никелистого железа. Аэролитная масса, конечно, стоила миллиарды. Но что с того? Миллиарды эти можно было получить, лишь затратив миллионы, переплавив железо на металлургических заводах. Главного сокровища — платины, тонна которой стоила миллионы тонн железа — не было.

Эрге чувствовал, что сходит с ума, и спокойствие Самборского, которого он позвал к себе в каюту, распаляло и усиливало ярость.

Самборский сидел в мягком кресле, небрежно обрезаая сигару. Отвечал на вопли Эрге короткими, ничего не значащими фразами. Эрге пересыпал свою речь то русскими, то английскими словами. Впервые в жизни он так волновался.

— Вы же понимаете, что это провал, позорный провал!

— Возможно.

— Не возможно, а так и есть. На черта нам эти миллионы тонн железа? Мы что, завод здесь строим? Но меня удивляет ваше спокойствие, я это совершенно не понимаю.

— Я очень спокойный человек.

— Но сейчас это спокойствие некстати. Меня одно интересует: правда ли, что вы тоже нашли обломки платины?

— Обманывать я не собирался.

— А, бросьте обижаться. Я просто спрашиваю, может, вы ошиблись?

— Не думаю. Я достаточно хорошо разбираюсь в драгоценных металлах.

— И где же образцы?

— Я вам уже говорил — мне пришлось отдать их Горскому.

Эрге остановился, постоял минуту неподвижно посреди каюты, затем бросился к двери, открыл ее и крикнул часовому:

— Немедленно привести заключенного.

Самборский, услышав приказ, встал с кресла с намерением оставить каюту. Эрге удивленно преградил ему дорогу.

— Куда это вы?

Самборский сухо сказал:

— Вы постоянно забываете, что я не имею права встречаться с Горским лицом к лицу, да еще в таком положении.

— Как хотите.

— Не как хочу, а как необходимо. Моя профессия, как и ваша, требует точных понятий и определений, — сказал Самборский и быстрым шагом вышел из каюты.

Часовой привел Горского. Профессор, не взглянув на Эрге, сел в то же кресло, где несколько минут назад сидел Самборский. В каюте долго стояла настороженная, напряженная тишина.

— Мне хотелось бы еще раз серьезно поговорить с вами, — неуверенно начал Эрге.

— Прошу, если вы имеете что сказать — ведь мы, мне кажется, обо всем переговорили?

— Не совсем.

Эрге подошел ближе к креслу, стал, опершись ладонью о стол, и, наклонив голову в сторону профессора, коротко, сдерживая волнение, сказал:

— Вы должны показать мне образцы платины, найденные в этой местности.

Профессор, который сидел уныло, готовый ко всему, медленно поднял голову, пристально глянул поверх очков в лицо инженера, улыбнулся.

— Теперь все абсолютно прояснилось. Но должен сказать вам, что никакой платины в этой местности я не видел и не находил. К тому же, я считаю, что авантюристам и проходимцам драгоценные металлы лучше в руки не давать.

Эрге сжал губы. Глаза злобно заблестели. Он решительно сделал еще шаг к креслу и навис над профессором.

— Вы лжете, — бросил он с нажимом, — я заставлю вас показать эти образцы. Вы же забрали их у Сам... — Эрге понял, что в запале раскрывает Самборского, неловко оборвал фразу.

— Что, у кого? — поднялся Горский. — У кого?

Эрге ничего не ответил. Ему было все равно, он не владел ни мыслями, ни движениями.

— Слышите, сволочь продажная, я заставлю вас! — воскликнул он.

Горский молча отвел глаза в сторону.

— Вы не услышите от меня ни слова, — сказал он с отвращением.

Тяжелый, грубый удар кулака свернул голову Горского. На пол со звоном упали стеклышки очков.

И тогда позади кто-то внезапно резко дернул и открыл дверь каюты.

Эрге от неожиданности вздрогнул и обернулся к двери. К нему — бледная, с блестящими злыми глазами — приближалась Гина.

— Что ты себе позволяешь? — еле выдохнула она. — Как ты смеешь?

Эрге выпрямился и преградил ей дорогу.

— Прошу выйти из каюты, — грубо одернул жену.

Та, дрожа от злости, остановилась против него, хотела что-то произнести, видимо, не смогла, размахнулась и влепила Эрге сочную пощечину.

Эрге от неожиданности отшатнулся назад. На бледной как мел левой щеке зарозовело тусклое пятно! Быстро приняло форму ладони.

Он не произнес ни слова — не успел опомниться, как на пороге появился Трудлер. Лицо у него было растерянное. Он пальцем поманил к себе Эрге. Когда тот приблизился, зашептал что-то ему на ухо. До Гины и Горского долетело лишь одно слово: «Сбежал».

* * *

Все напоминало какой-то дивный сон. Не верилось. Изнеможение, голод, ужас усиливали это чувство, и Аскольд, падая иногда от усталости на землю, боялся, что уже не сможет встать с зеленого ковра мха.

Случилось все внезапно и удивительно.

На третий день после того, как их арестовали, его перевели во вторую хижину, наскоро построенную отрядом. Из каких соображений его перевели, он и сам не мог понять; очевидно, боялись, чтобы дядя и племянник не сговорились, как вести себя на допросе.

Хижина была построена из огромных деревьев, с крепкими дверями, бежать из нее нечего было и думать.

Чтобы как-то скоротать время, он часами спал. Когда надоедало, ходил из угла в угол, после снова ложился, закрывал глаза, вновь засыпал. Утратил ощущение времени — казалось, миновало бесконечное множество дней. Чувствовал, как скука пропитывает все клетки молодого беспокойного организма. Чтобы развлечь себя после сна, шагал из угла в угол, напевая, насвистывая все знакомые арии, песенки, фокстроты.

Петь никто не запрещал, очевидно, охраны у хижины не было.

В тот день у него была назначена «премьера» «Микадо». Аскольд долго и тщательно готовился к ней, вспоминая все мелодии оперетты.

«Премьера» началась легко, своевременно и чудесно. Но вдруг, когда он завел во весь голос «Смеются, плачут соловьи», — вдруг загредел засов, и дверь хижины широко распахнулась.

«Целуй ее», — застряло в горле.

На пороге возник женский силуэт.

— Вы чудесно поете, — сказал силуэт.

Аскольд на миг ошеломленно застыл, после неимоверно обрадовался — голос звучал дружелюбно. Очнулся и торопливо заговорил:

— Да что вы! Это я от скуки. Знаете, посидишь тут еще немного — Шалыпиным станешь. Я не понимаю, зачем меня здесь держат? Такая скука!

— Так, может, выйдете прогуляться? — серьезно предложила женщина.

Аскольд не поверил и насторожился.

— Вы шутите?

— Нет, серьезно. Прошу, — медленно, без всякой усмешки сказала незнакомка и отступила в сторону, освобождая ему путь.

Аскольд в страхе шагнул за порог.

— Прошу, прошу, не бойтесь.

И как только ступил он за порог, начался удивительный сон, где все возможно, где нет ни преград, ни логики, ни последовательности.

Женщина взяла его под руку, повела прочь от хижины в сторону Хушмо, прочь от поля, где сутились люди, чернели пирамидальные вышки (хижина стояла недалеко от причальной мачты, к которой были привязаны дирижабли, так удивившие его своим появлением).

Шел, как под гипнозом. У берега незнакомка остановилась, отпустила его руку, с минуту молча смотрела в лицо, а затем быстро, пугающе заговорила:

— Бегите, спасайте себя, слышите — спасайтесь!

Будто потерял разум, не понимал, стоял неподвижно.

— Спасайте свою жизнь, бегите. Спасетесь — скажете Маричу, что я здесь. Я его жена.

Она торопливо потянулась в карман платья, выхватила черный браунинг.

— Возьмите оружие.

Аскольд загишнотизировано протянул руку, спрятал револьвер в карман. Затем повернулся, сделал шаг вперед. Опять повернулся — увидел строгий тревожный взгляд. Тогда понял, что она не шутит. Чувство опасности охватило его и он, не оглядываясь, бросился бежать.

* * *

Разорванная, грязная одежда висела лохмотьями на истощенном, измученном, бессильном теле гостя.

Серое опухшее лицо, давно не бритое, покрывали страшные язвы. Голова была непокрыта, давно не стриженные волосы спадали выцветшими прядями на лоб. Лишь глаза, ушедшие глубоко в орбиты, блестели из-под нависших бровей чистым, мужественным блеском.

Незнакомец черными израненными пальцами долго копался под лохмотьями на груди и, наконец, вытащил аккуратно завернутый пакет.

Долго дрожащими руками разворачивал его — это были документы. Развернул и молча протянул их Борецкому — начальнику государственного политического управления Н-ского округа.

Тот внимательно прочитал их, поднял голову. Неожиданно выпрямился, даже перегнулся через стол.

— Случилось что?

— Боюсь, что экспедиция погибла, — бессильно сказал незнакомец.

.....

Начальник подпер левой ладонью лицо, нахмутив черные черные гибкие брови, правой рукой мелким почерком делал записи в блокноте.

— Я начал за ним следить, — обессилено рассказывал гость. — Правда, сперва подсознательно, после того самого случая. Но ничего не замечал такого, что вызвало бы тревогу или подозрения. В ту ночь я совершенно случайно увидел, что он исчез из лодки. Я взял оружие и пошел следом. Стоял туман, и он быстро скрылся из поля зрения. Вдруг я услышал впереди шаги, едва успел прижаться к скале. Мимо прошли уже две фигуры. Впереди шел он, — я узнал его силуэт. Чтобы сразу не выдать себя, я под скалой двинулся в обход к берегу. На берегу не застал ни их, ни лодки. Только кусок каната свисал с корня дерева — они направили лодку в порог.

— А дальше... самому не верится. Я никогда не думал, что у меня хватит сил вырваться из чащобы. Просто повезло.

— Что же, товарищ Марич, по вашему мнению, следует делать? — бросил записывать начальник.

— Немедленно спасти экспедицию.

— Я это знаю, но как?

— Конечно, если бы у вас были самолеты... — неуверенно заметил Марич.

— Самолеты есть. Из N. вызвать можно. Но у нас только в Кежме имеется бензинная база, а дальше... Правда... — начальник задумался. — Правда, оставить на время товарищей в Кежме, организовать базу на Вановаре... Есть...

Начальник поднялся, пошел к двери.

— Я сейчас по прямому проводу потолкую с N., а вы можете ложиться. Ложитесь, ложитесь, чего там, — указал он рукой на диван.

Марич жестом остановил его.

— Постойте, разве в N. есть самолет?

Начальник улыбнулся.

— И не один.

Марич удивленно посмотрел на него.

— Не понимаю.

— Э, я и забыл, вы же ничего не знаете. Вот прошу, посмотрите. — Он вернулся к столу, протянул Маричу свежий номер газеты Особой дальневосточной армии «Тревога».

Марич взглянул на заголовки, чуть не вскрикнул:

— Неужели война?

— Не совсем, но что-то похожее.

* * *

Марич прилег на диван и словно потерял сознание. Это был крепкий, необычный сон.

Проснулся в чистой постели, сначала не понял, где находится. Приподнялся, долго оглядывался. Ненароком взялся за голову, пальцы наткнулись на колючую бритую кожу. Улыбнулся. Понял, что его побрили, выкупали, переодели в чистое белье. С наслаждением растянулся на мягкой постели, снова закрыл глаза.

Когда вторично открыл, увидел перед собой начальника. Тот улыбался.

— А знаете, сколько проспали?

— Сколько?

Начальник показал три пальца.

— Три часа?

— Трое суток.

Марич в страхе поднялся. Ужаснулся.

— Трое суток. Но это же...

— Не беспокойтесь, — успокоил начальник. — Позавчера в Кежму вылетел с бензином двухмоторный самолет. Сегодня вылетает второй. Есть разрешение, если дело серьезное, мобилизовать военные силы.

* * *

Сохло во рту — привкус горечи мучил горло. Гудело в висках, а перед глазами порхали прозрачные бесформенные бабочки. Порой, казалось, земля качалась под ногами, и Аскольд, чтобы не упасть, хватался руками за деревья.

Сил не было передвигать затекшие, будто чужие ноги. Тропа вилась среди зеленых топей, круто огибая гиблые места.

Иногда словно терял сознание и, очнувшись, смотрел вокруг пустыми глазами, не понимая, где он и что здесь делает.

Из всех мыслей осталась одна: не ложиться, не смыкать глаз. Но ноги дрожали в коленях, и веки тяжело давили на глаза.

Тропа расширялась, ветвилась десятками мелких тропок. Подсознательно выбирал широкую, с твердой утоптанной почвой. Вдруг истерзанный однообразным гулом в висках слух поймал какие-то новые, непонятные звуки. Они становились все громче, догоняли.

Измученный организм поначалу охватила тревога, но ее слабые порывы не ускоряли ни движений, ни мыслей.

— Погоня, — шевельнул губами Аскольд и удивился собственному голосу: будто кто-то со стороны приглушенно молвил — «погоня».

Подумал: «Свернуть вбок, бежать», — но не свернул, а лишь улыбнулся своим мыслям болезненной улыбкой.

Звуки позади нарастали, быстро приближались. Хотел повернуть голову, но тут же забыл о своем намерении. Пошел вперед, наклонив туловище, и упорно улыбался — казалось, что кто-то в шутку гонится за ним.

Вдруг зеленая стена зарослей расступилась, и взгляду предстало красочное пространство широкой долины. Где-то внизу мелькнула голубая полоса реки.

От вида этого простора помутнело в глазах, колыхнулась земля и по телу пробежал томительный холодок. Аскольд пошатнулся. Тяжело опустился на землю, на мягкий мох. Земля вдруг содрогнулась еще сильнее. В глазах потемнело. Упал на спину.

Вскоре у самой головы загудела земля, словно кто-то тяжело ступал по ней. Затем раздался странный резкий звук, похожий на возглас удивления.

Из темноты, прямо перед глазами, наклонилось к нему незнакомое бородатое лицо.

* * *

— Контакт!

— Есть контакт!

Все прочие звуки утонули в клекоте мотора и шуме пропеллера.

— Садитесь! — крикнул Маричу на ухо Борецкий.

В самолете уже расположились трое незнакомых вооруженных военных. Последним вошел Борецкий.

Самолет рванулся вперед и незаметно, с разгона, мягко оторвался от земли.

Марич достал бинокль, прислонился к окну. Его не переставало терзать беспокойство, и он сидел молча, сжав губы, бледный, еще больной. Стараясь хоть чем-нибудь занять время, не выпускал бинокль из рук.

Голубым бархатом, изысканно выгибаясь в зеленой оправе, поблескивала Ангара. Рыжими пятнами тянулись по берегам поселки с квадратными клетчатыми полями, а дальше до самого горизонта, окутанная сизой дымкой, колыхалась вершинами тайга.

За поворотом реки показался большой поселок. Марич узнал Братское. Самолет сделал круг над поселком. У берега вспыхнул костер, быстро погас, и в воздух начал подниматься тяжелый столб дыма. Это был сигнал.

— Все в порядке, — пояснил Маричу на ухо Борецкий, — задачу выполнили, можем без посадки лететь в Вановару.

Самолет начал набирать высоту — навстречу поднимались скалистые горбы гор.

Медленно тянулись часы. Безоблачное с утра небо темнело, с запада приметно наступал вечер. Внизу за холмами еще искрилось солнце. Теперь по сторонам темнела одна бескрайняя тайга.

Марич упорно высматривал блестящую полосу реки и рыжее пятно зданий фактории. Вскоре поймал в окуляры змеистую реку.

— Есть! — воскликнул он нервно, завидев далекие столбы дыма.

Это на фактории разложили костры. Самолет пошел на посадку. Стремительно приближались здания, стало видно людей. Прямо под ногами блесст крыльями первый самолет, вылетевший три дня назад в Вановару.

* * *

— Товарищ Борецкий, на минутку, — отозвал в сторону председатель фактории начальника округа.

И негромко сообщил какую-то новость.

— Где же он? — спросил начальник и, повернувшись к Марича, поманил его к себе рукой. — Идите-ка сюда, сегодня тунгусы привезли на факторию какого-то парня, говорят, дорогой подобрали совсем больного.

Все быстро пошли к зданиям.

Больной лежал на скамье. В сумерках трудно было отчетливо разглядеть черты его лица.

Марич подошел к скамье и низко наклонился над головой больного. Миготом отшатнулся и испуганно вскрикнул:

— Аскольд?!

— Что такое, вы его знаете? — встревожено спросил Борецкий.

— Да, это же участник экспедиции.

.....

Аскольда долго не могли привести в чувство. Только на следующее утро он очнулся и узнал Марича. Медленно, сбивчиво рассказал, что случилось с ним и дядей.

— Ты знаешь, кто спас меня? — спросил он Марича, когда они остались вдвоем.

— И кто же? — удивленно переспросил тот.

— Ваша жена.

Услышав это, Марич побледнел и, ничего не ответив, вышел.

Через час после этого Борецкий вылетел в Братское, чтобы оттуда вызвать по телеграфу в Вановару военные самолеты.

* * *

— В гондолу! — грубо, исступленным голосом приказал Эрге.

В его глазах сверкнуло бешенство, кожа на щеках даже пожелтела от злости.

Гина неподвижно стояла на месте, нахмутив брови и упрямо наклонив голову вперед, словно готовилась к нападению.

— В гондолу! — вторично крикнул Эрге.

Гина прикусила дрожащую нижнюю губу и, не сводя черных точек глаз с лица Эрге, упрямо и медленно покачала головой. Потом круто повернулась спиной к мужу и тихо направилась прочь.

Эрге прыжком нагнал ее, скрюченными пальцами злобно сжал плечо и порывистым сильным движением повернул лицом к себе.

Разъяренный, он никак не мог произнести приказ. Гина брезгливо поморщилась, повела плечом, сбрасывая руку. Эрге разнял пальцы, точно готовясь к прыжку, напряг плечи и дико, прямо в лицо, крикнул в третий раз:

— Слышишь, в гондолу!

Гина упрямо покачала головой.

— Убью! — зашипел в лицо.

— Убивай.

Эрге охватила дрожь. Он ошеломленно поглядел на жену и дрожащей рукой потянулся к карману. Черный браунинг запрыгал перед глазами Гины. Она видела только черный и маленький, как точка, ствол револьвера.

Сразу не выстрелил. Еще раз схватил за плечо. И Гина снова брезгливым движением рванулась из рук. И вновь сделала шаг назад, хотела повернуться к нему спиной и уйти. Но не успела. Огонь ослепил глаза и горячим дыханием ударил в лицо. Покачнулась и тяжело упала навзничь.

Выстрелив, Эрге бросился было к ней, но остановился, резко оглянувшись и, увидев, что у дирижаблей паническим муравейником мечется его отряд, бросился туда.

И все-таки он опоздал. Это он и сам прекрасно понял уже на командорском мостике.

С трех сторон из-за вершин сопок вынырнули три военных самолета. И когда дирижабли взмыли вверх, включив все двигатели, над ними уже рвали воздух вражеские пропеллеры.

Первая пулеметная лента срезала нос командорского дирижабля, остановила моторы, и он стремглав полетел к земле. Вслед за ним под неумолчный стук пулеметов пошли на спуск остальные четыре машины, посеченные пулями.

* * *

Первым, что привлекло внимание и остановило на себе пораженный взгляд Марича, была красная мягкая шапочка-беретка. Она цвела ярким цветком среди комьев рыжей земли.

В этой же красной шапочке Гина встретила его в Нью-Йорке, и потому в воспоминаниях о ней неизменно вставал перед глазами образ женской головы, обрамленной пламенным цветом.

Гина лежала навзничь, неестественно запрокинув назад голову, правая рука была крепко прижата к груди, левая, вытянутая ровно, сжимала в ладони серую горсть земли.

Знакомый бело-шелковый платок поверх темно-синего платья пестрел кровавыми лепестками. Кровь запятнала и голубой вензель Г. М.

Нижняя губа так и застыла под ровной блестящей ниткой зубов. Сквозь опущенные стрельчатые ресницы смотрели мертвые стеклянные глаза.

Марич наклонился, тяжело упал коленями на сырую землю и сгорбленно застыл над трупом. Почему-то внезапно и бессмысленно пришла на память детская сказочка о красной шапочке, и в усталой, одеревеневшей голове стал ярко, со всеми подробностями, разворачиваться простой и наивный сюжет.

Робким нежным движением коснулся высокого чистого лба, сейчас же резко отдернул руку. Необычный странный холод током прошел через ладонь, пронзил все нервы. И на ладони так и осталось жуткое холодное прикосновение трупа.

Марич даже не услышал, как к нему подошел профессор. Когда тот неожиданно тронул его за плечо, он резко и испуганно поднялся с земли.

— Виктор Николаевич, что с вами?

Марич посмотрел на Горского пустыми, лишенными мысли глазами и глухо, как в тяжком раздумье, сказал:

— Это, знаете, моя бывшая... жена.

Профессор растерянно взглянул на Марича, раздвинул губы, собираясь что-то сказать, но не смог, а может, сдержался и затем, взяв за руку ученика, лишь покачал головой и тихо проговорил:

— Какое несчастье, какое несчастье.

Молчаливо постояли еще немного, после Марич сбросил с себя плащ и осторожно накрыл труп. Но перед глазами все мелькала и цвела пламенная красная шапочка.

— Пойдем? — сердечно обратился Марич к Горскому.

Они быстро зашагали навстречу отряду, который с радостными криками приближался к ним. По дороге Марич схватил профессора за руку и виновато улыбнулся:

— Простите, Валентин Андреевич, я же поздороваться с вами забыл.

Оба на ходу пожали друг другу руки.

* * *

Собственно, читатель, мне, как автору, больше нечего добавить к этим страницам.

Конец?

Но конец вы знаете без меня, потому что наверняка читали в прессе, что Совнарком ассигновал специальные средства на разработку аэролитной массы. Она составляет более 50 млн. тонн чистого никелистого железа.

Весной (об этом также подробно писалось в прессе) вернулись, живые и здоровые, участники экспедиции, чтобы, отдохнув, снова двинуться в путь, но уже не в Страну мертвого леса, а в Страну нового строительства — ведь залежи платины, открытые профессором Горским, имеют всемирное значение.

Ежегодно они будут давать Советскому Союзу что-то около... Но простите, читатель, увлекшись, я забыл, что не имею права об этом писать, потому что объемы добычи золота и платины являются государственной тайной.

Вы также, наверное, читали, что между Тайшетом и бывшей Страной мертвого леса налажена воздушная транспортная линия, а вскоре будет проложена железная дорога. Начнется строительство мощного металлургического завода, поскольку окрестные горы, как подтвердили исследования, таят в себе залежи меди, графита, руды.

Весной же, как вам известно, состоялся и процесс шпионско-вредительской организации. На скамью подсудимых села техническая верхушка Всесибирского платинового тре-

ста и некоторые из инженеров и служащих концессионных предприятий.

Перед пролетарским судом не предстали только Эрге, Самборский-Пауль, Люр и Трудлер, так как они погибли во время таежного боя.

Свидетелями на процессе, как мы знаем, выступили Горский и Марич. Аскольд не смог лично присутствовать на суде — он все еще оправлялся от болезни и только в конце мая наконец вернулся в Харьков и...

Вижу, читатель, вы хотите мне подсказать:

— И, конечно, женился на Майе, и роман закончился поцелуем.

Вот и не угадали.

Но не торопитесь. Я вижу, Аскольд вам нравится. Нравится он и мне. Итак, давайте лучше посвятим ему еще один специальный и последний раздел.

* * *

Поезд Москва-Севастополь остановился под крышей Харьковского вокзала. Из пыльного бурого вагона № 10 с киноаппаратом в руках выскочил похудевший юноша без кепки, с чисто выбритой головой.

Глаза его возбужденно блестели, а лицо сияло нетерпением и порывистостью. Как сумасшедший, толкая и сбивая с ног пассажиров, он бросился к выходу, добежал до прохода, ловко бросил билет контролеру и, не успев тот раскрыть рот, как юноша уже мелькнул у второй двери.

Он выскочил на площадь и помчался к такси, окруженному шумной толпой людей, которые претендовали на первенство и, помогая словами своим маневрам, пытались влезть в машину.

— Граждане, пожалуйста, ну что вы делаете, машину сломаете! Ми-ли-цио-нер! — орал шофер, но голос его тонул в воплях претендентов.

— Я первый!

- Врете!
- Мерзавец, я к больной жене!
- Не пущу!
- Пустите, моя очередь!
- Жене руку отрезали, я в больницу!
- Что руку, моей две!
- Моя очередь!
- Катись, моя!
- Моя!

Юноша подскочил к группе, крикнул было:

- Я первый!

Но на него не обратили внимания. Тогда он понял, что пробиться с этой стороны к дверце такси — дело безнадежное и может повредить здоровью. Заметив открытое с другой стороны окно, быстро подскочил, сноровисто бросил на сиденье аппарат, мигом помахал в воздухе ногами и сам очутился в такси.

Толпа ошеломленно вытаращила глаза и крики на мгновение затихли.

— Бассейная 15, а оттуда в Загс! — неистово вскричал юноша.

Обрадованный шофер дал ход, и такси рванулось вдоль улицы.

...Взволнованными шагами юноша поднялся по знакомой лестнице на второй этаж и даже дышать перестал, нажимая пуговицу электрического звонка.

Дверь открыла пожилая женщина.

- Майя дома? — еле вымолвил юноша.

Женщина нахмурилась и сухо, неприязненно бросила:

- Нет ее.

- А где она?

- На заводе.

- На за-во-де?

- Да, она сейчас там, на заводе работает.

- А дома когда будет?

- Не знаю, — еще неприязненнее ответила женщина.

— Да что вы, Вера Михайловна, не узнаете меня, что ли? Я Аскольд, — встревожено спросил юноша.

— Чего же, узнала, — буркнула женщина и добавила: — Она, наверное, часов в 12 ночи будет дома, если не заночует у подруги.

— А кто ее подруга, может, я знаю, где она живет?

— А я почему знаю, — нетерпеливо проговорила женщина, давая Аскольду понять, что ей никогда с ним разговаривать.

— Ну, будьте здоровы, — грустно покачал головой парень.

Женщина что-то буркнула и быстро хлопнула дверью. Аскольд долго, задумавшись, стоял на лестнице, обиженный таким поведением матери Майи и вместе с тем тревожась за дорогую, любимую девушку. Может, с ней что-то случилось, и они не хотят ему об этом говорить? Так отчего же тогда такая злобная неприязнь? Может, он в чем-нибудь провинился? В задумчивости сел в такси, погрузившись в невеселые мысли.

— В Загс? — вывел его из задумчивости шофер.

— Нет, везите домой, Ключковская 17.

.....

Ровно в двенадцать ночи Аскольд замер у знакомых дверей на Бассейной 15. Еще осторожнее, еще нежнее, чем днем, тронул звонок.

— Кто там? — вскоре отозвался голос матери.

— Я. Майя дома?

— Нету, — сердито сказала мать.

— И не приходила?

— Нет.

— Простите, а на каком заводе она сейчас работает?

— Не знаю.

Аскольд вышел на улицу. Боль сжала сердце. До чего дошел, даже дверь не открыли! А раньше был желанным гостем. Что-то случилось, но что? Голову охватили тревожные мысли.

Наутро, ровно в 5, Аскольд уже прогуливался по Бассейной, осторожно всматриваясь в знакомый подъезд. Медленно проходили минуты, часы, ожила улица — Майи не было.

Увидев, что его из окна заметила мать, свернул в переулок и стал караулить двери.

Простоял до полудня — Майи не было.

Возле киоска пообедал пирожным и запил сельтерской водой. Ел и искоса поглядывал на подъезд — не появится ли знакомая, дорогая фигурка?

Прождал так до вечера. Майи не было. Не было ее и до утра.

Страх охватил юношу — что же случилось? Решился снова расспросить мать. Подошел к двери и решительно позвонил.

— Кто там? — сказал чужой голос.

— Кто-нибудь из Натанзонов есть?

— Нет, а вы кто?

— Знакомый.

— Может, Горский?

— Да.

— Тогда вот вам письмо.

Дверь открылась, и какой-то человек протянул ему конверт. Аскольд взволнованно развернул бумажку, и густая краска стыда заиграла на его бледных щеках. На бумажке стояло:

«Нас нет дома. Очень просим больше не беспокоить».

Растерялся. Что же делать? Не иначе, случилось что-то страшное.

«А может, Майи уже нет», — вспыхнула болезненная мысль.

— Как же узнать? — обратился сам к себе. — Правда, адресный стол, какой же я...

— Майя Иосифовна Натанзон? — устало переспросил служащий адресного стола.

— Да, жила на Бассейной 15, кв. 2, — волнуясь, сказал Аскольд.

Служащий просмотрел кипу потертых карточек и наконец медленно выдернул одну синего цвета.

— Да, есть, — протянул он, — «Астория», 433 комната, с Бассейной переехала 2 месяца назад.

Аскольд облегченно вздохнул.

.....

Все клетки Аскольдова организма распевали: Майя, Маюся, Маюнчик!

Вот сюрприз будет, не предупредив придет, постучится в дверь и сразу:

— Аскольд?!?!

У Аскольда застилало туманом глаза при мысли, что сейчас он увидит любимую девушку.

На Театральной площади, возле «Березиля», взгляд привлекла красочная гора цветов. Подумал: «Маюнчик так любит цветы». Стремглав, словно цветы вот-вот разберут, Аскольд подбежал к торговке:

— Все! — бросил он. — Сколько?

Букет оказался в его руках.

На углу площади Тевелева увидел васильки. «Маюнчик ведь так любит голубые». Васильки присоединились к розам.

У самой «Астории» увидел корзину с гвоздиками. «Маюнчик так любит запах гвоздик».

— А с корзиной можно? — спросил у торговки.

Та от неожиданности ошеломленно взглянула на него.

— С корзиной?!

— Да, с корзиной?

— Ишь, оно теперь лоза дорога, — начала торговка, не зная, сколько заломить за корзину.

— Да говорите, сколько?

— Ну давайте, так уж и быть, десятку.

У лестницы «Астории» докупил еще бело-желтых ромашек. Победно неся перед собой цветы, Аскольд начал быстро подниматься на седьмой этаж бывшей гостиницы.

Нашел двери 433 комнаты, неподвижно застыл, не осмеливаясь поднять руку. Сердце бешено колотилось в груди, почти задохнулся.

Когда решился постучать, дверь вдруг распахнулась, на пороге появилась Майя.

— Аскольд?!

— Майя! Любимая! — бросился к ней и крепко сжал в объятиях.

Но что это? Майя вдруг покраснела, строго высвободилась из его рук.

— Пусти!

Удивленно посмотрел на нее, ничего не понимая, нежно взял за руку:

— Маюся, наконец-то... Ты знаешь... Я сам не свой. Понимаешь, тебя все нет... Мама отчего-то сердится... Сейчас же в Загс, сейчас же! Я ведь тебе говорил, как вернусь, так сразу и в Загс!

Девушка выдернула руку, и застенчивый румянец еще сильнее запылал на ее щеках.

Аскольд растерянно оглянулся и теперь только заметил, что в комнате они были не одни. В углу на желтом диване сидел незнакомый юноша, по виду комсомольский работник, в сапогах и косоворотке. Рядом с ним — суровая мать Майи.

— Знакомься, мой... муж, — тихо сказала Майя.

Юноша в косоворотке встал и крепко пожал безвольную руку Аскольда.

— Веник, — представился он.

В комнате повисла мертвая, напряженная, даже мучительная тишина. Все молчали. Наконец Аскольд пришел в себя, смущенно улыбнулся.

— Простите, я забежал на минутку, мне надо уже идти.

Никто не возражал. На пороге наткнулся на корзину с цветами — забыл о них, когда увидел Майю.

— Ты, кажется, любила розы? — робко протянул цветы девушке.

Она посмотрела на него скорбными лучистыми глазами и тихо покачала головой.

Аскольд тяжело вздохнул и тихо двинулся к двери.

Спустился, вышел на улицу, поставил на асфальт корзину с цветами и сам сел рядом на лестнице. Подпер руками голову, задумался, ничего не замечая вокруг.

В глубокой задумчивости не заметил, как возле него остановилась старенькая бабушка, склонилась над цветами, выбрала десяток лучших гвоздик и негромко прошамкала:

— Школько этот дешяточек стоит?

Аскольд от неожиданности поднял голову, растерянно посмотрел на бабушку, ничего не понимая. А потом что-то заметил, рывком вскочил на ноги и уставился на витрину. Там пестрел огромный плакат.

Перед глазами запрыгали слова:

«Экспедиция на остров Врангеля... ледокол... Одесса... Опытный оператор... Телеграфный адрес...»

Аскольд потянулся к карману, но вспомнил, что все деньги потратил на цветы и растерянно оглянулся вокруг.

Бабушка, спрашивавшая о гвоздиках, не дождавшись ответа, ушла. Ее фигура чернела на углу улицы. Аскольд схватил цветы и опрометью бросился вдогонку.

— Простите, вы хотели купить цветы? Пожалуйста, я вам за рубль все отдам.

Бабушка посмотрела на цветы, покачала головой:

— Да я их и не донешу, — сказала она.

— Я вам сам их донесу домой.

Бабушка подумала немного, вытащила из кошелька рубль.

На улице Короленко Аскольд остановился у почты и вежливо обратился к бабушке:

— Вы простите, я на минутку на телеграф забегу, — и, поставив цветы у бабушкиных ног, мгновенно исчез в дверях почты.

— Обманул, шукин сын, — разочарованно покачала головой бабушка.

Но она ошибалась. Через пять минут в дверях появился Аскольд.

— Все готово, отослал, — радостно проговорил он и, взяв цветы, зашагал с бабушкой к ее квартире.

*Харьков,
Первое Советское,
Евпатория,
«Томп»*

1929-1930

Комментарии



Иван Дмитриевич Ковтун родился в 1906 г. в селе Чернобаевка на Харьковщине, в крестьянской семье. После окончания гимназии поступил в 1922 г. на педагогические курсы в Харькове, затем учился в Харьковском институте народного образования.

Будучи еще студентом, начал сотрудничать в газете «Селянська правда», позднее работал в редакциях газеты «Комсомолец України», журнала «Червоний перець». В 1920-х гг. приобрел широкую известность благодаря сатирическим произведениям (которые публиковал под псевдонимом Юрий Вухналь) и считался одним из наиболее популярных сатириков Украины. При жизни успел выпустить 18 книг; помимо сатирических и юмористических рассказов, писал также повести, приключенческие и авантурные романы («Ястребы», «Чанг»); в начале 1930-х гг. совершил путешествие из Одессы во Владивосток через Черное и Средиземное моря, Суэцкий канал и Индийский океан, опубликовал книгу путевых заметок «Люди моря» (1935).

Второго ноября 1936 г. был И. Ковтун был арестован НКВД в Харькове по обвинению в «участии в украинской националистической террористической организации, готовившей террористические акты против руководителей ВКП (б) и Советского правительства». На допросах и суде виновным себя не признал. 14 июля 1937 г. вместе с рядом других видных представителей ук-

раинской интеллигенции был приговорен к высшей мере наказания с конфискацией имущества и 15 июля расстрелян. Реабилитирован в 1958 г.

Роман «Азиатский аэролит», первое в советской фантастике произведение о Тунгусском феномене, был написан в 1929-1930 гг. и опубликован в 1931 г. Таким образом, книга появилась в период рокового излома, когда фантастика в СССР начала стремительно превращаться в производственную и военизированную литературу «ближнего прицела».

Роман, безусловно, также является фантастикой «ближнего прицела» – фантастические гипотезы в нем сводятся к новым дирижаблям, наполненным доселе неизвестным газом, и месторождению платины в «Великом болоте». Тем не менее, роман был отрицательно оценен правоверной советской критикой. Автору ставили в упрек и недостаточную проработанность «производственной линии», и приемы, восходившие к авантюрно-приключенческой школе 1920-х гг., с ее кинематографическими трюками, приемами, резкой сменой планов и места действия и напряженной интригой. «Может быть, произведение имеет хотя бы популяризационно-информативную ценность? Нет. Слишком широко и свободно пользуется автор художественной “выдумкой” и в описаниях путешествия экспедиции (которую он направляет куда и как захочет), и результатов ее работы; в частности, металлургического завода правительство пока не планирует строить (вопреки заверениям автора на стр. 145); а о конкретных результатах гео-метеорологических исследований И. Ковтун предпочитает “промолчать”. Научно-популяризационная информативная ценность “Азиатского аэролита”, следовательно, в лучшем случае – никакая, а в худшем – чисто отрицательная. Ибо, пожелав осветить проблему борьбы за металл, И. Ковтун не только “неточно” оперирует данными, но и вульгаризирует проблему, сводит ее к мечтам ленивого обывателя» – писал журнал «Молодий більшовик» (1932, №1-2).

Не вдаваясь в нелепость этих обвинений по отношению к научно-фантастическому роману, пусть и «ближнего прицела», отметим их несправедливость: книга свидетельствует о пристальном внимании автора к источникам, а именно – запискам пионера исследований Тунгусского метеорита Л. А. Кулика (1883-1942) и его соратников. Работа над романом отнюдь не случайно была начата в 1929 г.: в 1928 и начале 1929 г. советская пресса широко освещала судьбу оставшегося в сибирской тайге Кулика, усилия

по его эвакуации, возвращение ученого в Ленинград и отъезд в новую экспедицию на место тунгусской катастрофы. С Л. А. Кулика, вплоть до внешности, «списан» Ковтуном профессор Горский. Мало того, обыгрываются и мельчайшие биографические подробности – например, календарный листок, побудивший ученого обратиться к тунгусской загадке, бесплодные поиски финансирования, встреча с А. В. Луначарским, сумевшим заручиться средствами, снаряжением и транспортом для первой экспедиции Кулика в 1921 г. (Луначарского нетрудно узнать в безымянном наркоме «Азиатского аэролита»). В письме профессора Горского Маричу дословно цитируются путевые заметки Кулика (все это и автор мог почерпнуть, скажем, в брошюре ученого «За тунгусским дивом», вышедшей в 1927 г.). Более чем вероятно, что образ кинооператора Аскольда, племянника профессора, возник в романе благодаря оператору Н. Струкову, участнику экспедиции 1928 г. Широко пользовался Ковтун и записками зоолога, в будущем исследователя стратосферы, сотрудника Осовиахима и писателя В. А. Сытина (1907-1989/91), еще одного участника экспедиции 1928 г., который в 1928-29 гг. много писал о ней прессе и в 1929 г. выпустил книгу «В тунгусской тайге (Впечатления участника экспедиции за метеоритом Л. А. Кулика)». Маршрут «обгоняющей весну» экспедиции в романе в точности повторяет маршрут 1928 г. Из описаний Сытина заимствованы детали экспедиционного быта, некоторые его фразы развернуты в целые эпизоды, как например беглое упоминание о том, что на станции Тайшет не было носильщиков и поэтому Кулик «на собственных плечах вытаскивал из вагона 5-6-пудовые тюки».

Находит свою параллель и опасное приключение с перевернувшейся у речного порога лодкой – к слову, кинооператор Н. Струков, совсем как Аскольд в романе, в это время снимал борющегося с волнами Кулика, а очки ученого действительно остались целы. Наконец, из записок Кулика и Сытина в роман перекочевали – порою дословно – не только описания подвергшейся катастрофе местности, но и такие красочные наименования, как «Великое болото» и «Страна мертвого леса».

Говоря о дословном цитировании, добавим, что познавательный экскурс профессора Горского в область строения и классификации метеоритов представляет собой бесхитростно переписанную статью «Метеориты» из энциклопедического словаря Брокгауза-Ефрона (Ковтун был здесь не одинок – знаменитая энциклопедия, как мы знаем, нередко служила основным источником информации и для М. Булгакова). Поскольку Ковтун прибегал в романе к прямо-

му цитированию, при переводе в соответствующих местах использовались исходные тексты.

Перевод романа выполнен по изданию 1931 года. Следует сказать, что эта книга долгие годы оставалась практически недоступна; оригинальное издание отсканировал и вернул читателям – в числе многих других опубликованных на украинском языке фантастических рассказов, повестей и романов – собиратель и библиограф украинской фантастики Н. А. Ковальчук (1951-2014). Роман был впервые републикован в конце 2014 г. на сайте украиноязычной фантастики «Аргонавти Всесвіту».

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.